This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Educ
1197
11

Digitized by Google

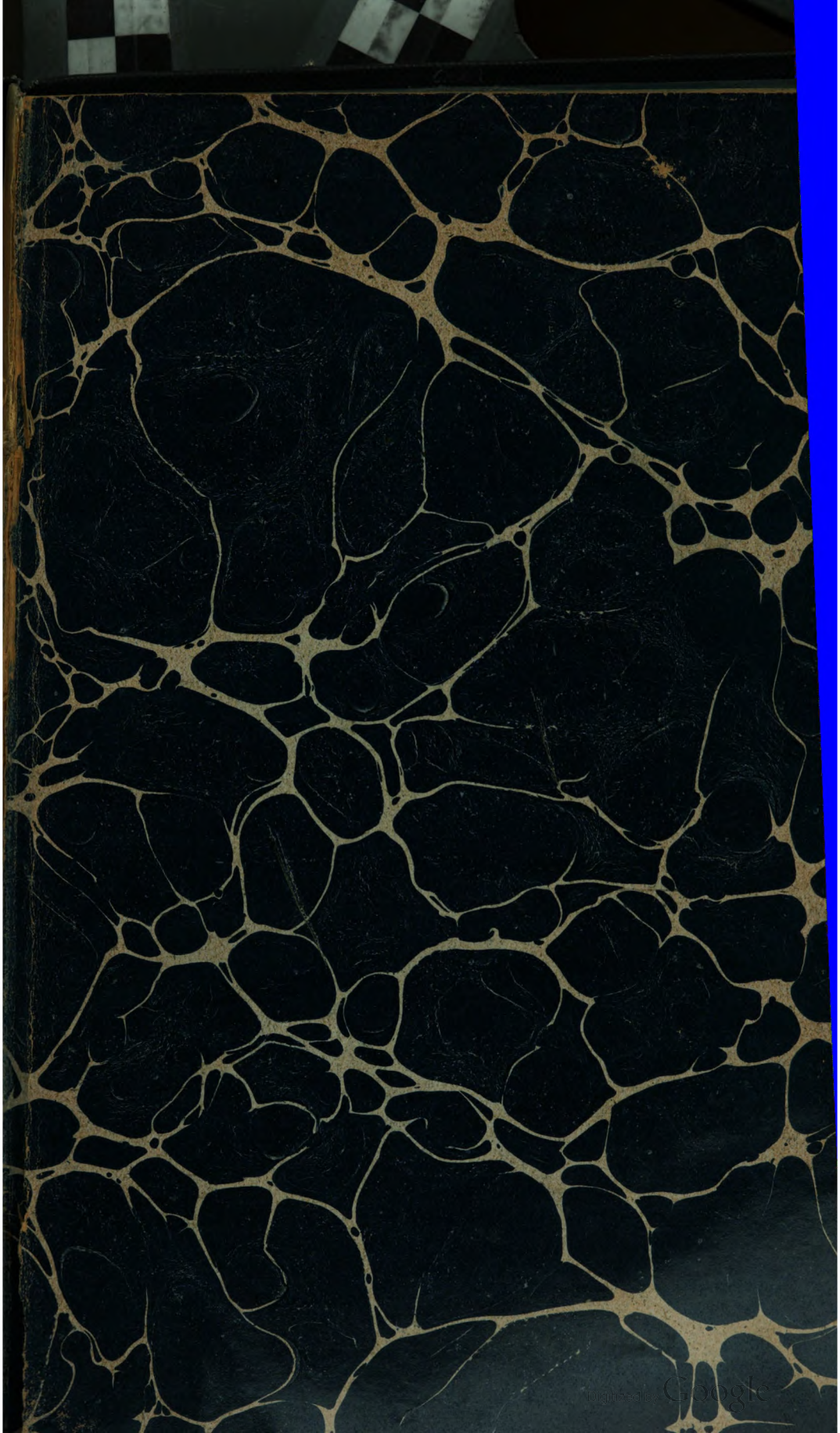
HARVARD UNIVERSITY

LIBRARY OF THE

GRADUATE SCHOOL
OF EDUCATION

TRANSFERRED
TO
HARVARD COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google


Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВЗГЛЯДЪ

НА

СОБСТВЕННУЮ ПРОШЕДШУЮ ЖИЗНЬ.

Н. Смайлова.

МОСКВА.

1860.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВЗГЛЯДЪ

НА

СОБСТВЕННУЮ ПРОШЕДШУЮ ЖИЗНЬ.

Исмайлова.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1860.

Digitized by Google

Educ 1197.11

[redacted]

[redacted]
JUN 11 1957

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 1859 года, Октября 24-го.

Цензоръ Гиляровъ-Платоновъ.

Digitized by Google

ВЗГЛЯДЪ

НА СОБСТВЕННУЮ ПРОШЕДШУЮ ЖИЗНЬ.

—

ВРЕМЯ ВОСПИТАНІЯ И ОБРАЗОВАНІЯ.

КО ВСЯКОЙ ЭПОХѢ МОЕЙ ЖИЗНИ ПРИКОСНОВЕННЫ МНОГІЯ НЕМАЛОВАЖНЫЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА. ЗА ОТСУТСТВІЕМЪ ГЛАСНОСТИ, ОНѢ ПОГИБЛИ БЫ ВЪ РѢКѢ ЗАБВЕНІЯ: ВОТЪ ПРИЧИНА, ПОЧЕМУ Я ИСПОВѢДУЮ СЕБЯ ПРЕДЪ ПУБЛИКОЮ.

Исмайловъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВРЕМЯ

ВОСПИТАНІЯ И ОБРАЗОВАНІЯ.

—

I. ШКОЛА ВЪ ДОМѢ.

Родился я въ Москвѣ, въ 1794 году. Появленіе мое на свѣтъ было прежде, нежели я получилъ жизнь. Крестила меня бабка, въ первомъ, попавшемся ей подъ руки, сосудѣ, глиняномъ; а священникъ помазалъ только мvромъ. Такимъ образомъ, я не былъ язычникомъ ни одной минуты.

О первомъ днѣ своей жизни я зналъ изъ воспоминаній, какія часто возбуждалъ сосудъ, въ которомъ я крещенъ и который хранился у насъ въ саду до нашествія на Москву Наполеона 1-го, разрушавшаго все старое.

Когда я довольно возросъ, сталъ уже понимать и, даже, нѣсколько мыслить самъ, то между прочими мыслями, много или мало значительными, родилась у меня мысль, что Провидѣніе вызвало меня къ жизни не короткой. Однако пророчественная эта мысль вышла какъ-то у меня изъ сознанія и—надолго.

Digitized by Google

Дѣтство мое шло безъ нянекъ и мамокъ; а ростила меня мать, которая въ нашемъ родствѣ особенно была уважаема за благоразуміе. Каковъ я былъ дитя, не помню; но послѣ я не слыхивалъ, чтобы кто нибудь, говоря о моемъ дѣтствѣ, сказалъ когда, что я былъ или очень рѣзовъ, или шалунъ или забіяка, хотя и росъ съ сестрами, изъ которыхъ одна была немного меня постарше, а другая помоложе. Люди взрослые, особенно женщины, всѣ меня любили и, кажется, больше, нежели, какъ обыкновенно любятъ дѣтей вообще; впрочемъ, можетъ быть такъ любили потому, что я былъ ребенокъ красивенькій. Съ сверстниками же хотя не рѣдко я и ссорился, и это всякому свойственно въ дѣтствѣ, но враждебнаго къ нимъ чувства, зависти или ненависти, ни къ кому во мнѣ не оставалось: всегда, во всю жизнь я дружелюбно встрѣчался, да и теперь люблю встрѣтиться, съ товарищемъ моихъ игръ, не смотря на разность положенія, въ которое судьба поставила насъ въ послѣдствіи.

До шести лѣтъ, ничему не учили меня теоретически; образованіе мое началось практикою, подъ исключительнымъ руководствомъ матери. Для отца, въ это время, я былъ только забавою; и потому, помнится, любилъ его больше, нежели мать. Матери же я больше боялся.

Въ младенчествѣ, человѣкъ прежде ощущаетъ себя, а потомъ уже сознаетъ; и женщинѣ-матери много стоитъ труда и вниманія развить въ своемъ младенцѣ самоощущеніе въ правильное самосознаніе. Вопросъ, когда начинается самосознаніе, т. е. способность отличать себя отъ окружающихъ предметовъ, очень важенъ. Рѣшеніе его, удачное или неудачное, имѣетъ сильное влія-

Digitized by Google

ніе на всю нашу жизнь; потому что съ самосознаніемъ возникаетъ вмѣстѣ воля, обнаруживающаяся наклонностію, болѣе или менѣе доброю, болѣе или менѣе злою.

Угадала ли моя руководительница моментъ раскрытія во мнѣ самосознанія и, если угадала, какъ въ такомъ случаѣ поступила со мною, я опредѣлить не могу; знаю только, что на четвертомъ или пятомъ году я былъ ребенокъ здоровенькій и охотнѣе игралъ съ тѣми дѣтьми, которые мнѣ больше сопротивлялись и меньше уступали.

Натурально, мать меня наказывала; но изъ ея наказаній я помню только два: одно—розгою, другое—своими слезами. Съ младшею сестрою я былъ сближенъ больше, нежели съ старшею: съ первою вмѣстѣ насъ кормили, вмѣстѣ сажали за игрушки, вмѣстѣ ласкали, вмѣстѣ лакомили. Разъ какъ-то мать была чѣмъ-то слишкомъ озабочена, забыла или, въ хлопотахъ, не могла дать намъ въ свое время завтрака; мы пищали около нея; мать не внимала. Съ горя, а можетъ быть и въ досадѣ, сестра пролепетала какое-то неприличное слово; мать услышала, обернулась и, взволнованная, опрокинулась на меня съ словами: «это ты ее научилъ;» схватила розгу и высѣкла меня порядочно. Не виноватый, я долго плакалъ, жалуясь на сестру; та не умѣла сказать ничего, ни въ свое, ни въ мое оправданіе. Мать замѣтила мою невинность, приласкала и, взявши меня на-колѣни, сказала: «ну мой дружокъ, ничего; вѣдь мать тебя посѣкла, и посѣкла для того, чтобъ ты былъ хорошъ и зналъ, что не все говорить должно; а за сестру можно и потерпѣть, она тебя поменьше и дѣвочка.»

Это наказаніе не столько однако же пало мнѣ на душу, какъ другое; розгу, можетъ быть, я и забылъ бы,

Digitized by Google

еслибъ не осталось въ памяти словъ: *посѣкла мать* и *за сестру можно потерпѣть*.

Родственники и близкіе знакомые не рѣдко носили намъ гостинцы и, при раздѣлѣ, какъ-то отличали меня, потому ли, что меня больше любили, или потому, что сестеръ было три, а я — одинъ. Избытками своихъ лакомствъ я ни съ кѣмъ не дѣлился: мать это замѣчала и не разъ дѣлала мнѣ легкіе упреки. Однажды тетка дала мнѣ грушу, сестрамъ же не дала ничего; вѣроятно у ней одна только груша и была. Подаркомъ я прежде полюбовался, поигралъ, похвастался передъ сестрами и и потомъ, когда тетка, простившись съ нами, ушла, началъ спокойно кушать. Мать долго на меня смотрѣла, вздохнула и, прослезившись, вышла въ другую комнату. Грусть матери меня тронула и напомнила упреки. Груши я еще не доѣлъ, бросился къ сестрамъ и остаткомъ сталъ ихъ подчивать; сестры не приняли; это меня тронуло еще больше, и я побѣжалъ къ матери съ плачемъ и жалобою, что не берутъ. Мать не стала утѣшать меня, а сказала: «ты — мальчикъ дурной и будешъ скупецъ; сестры хорошо сдѣлали, что не взяли: что даютъ не отъ сердца, т. е. не-хотя, то брать не пріятно. Тебѣ подѣлиться было жаль, и видишъ, какъ это нехорошо: ты оскорбилъ мать, сестры не хотятъ тебя любить, самъ плачешъ и утѣшать тебя некому.» Приласкала ли меня мать и какъ прошло мое горе, не помню; только съ тѣхъ поръ я всегда уже дѣлился съ моими сестрами и ни мало не обижался, когда онѣ брали у меня что нибудь сами.

Непомню, учили ли меня молиться и показывали ли мнѣ какъ стать передъ образомъ, какъ креститься, кланяться и произносить молитву; но 6-ти лѣтъ я умѣлъ

Digitized by Google

уже молиться по дѣтски и съ этого времени никогда не пропускалъ ни утренней молитвы ни вечерней. Знаніемъ домашнихъ молитвъ я обязанъ исключительно матери и учился, кажется, не столько изъ словеснаго ея наставленія, сколько изъ примѣра. Въ младенческомъ возрастѣ, находясь ири матери неотступно, я всегда видѣлъ и слышалъ, какъ она молилась и какъ молились съ ней старшія сетры. Натурально, такой примѣръ не могъ не отразиться во мнѣ,и я съ младшею сестрою такъ привыкли къ молитвеннымъ дѣйствіямъ, что начали было подражать имъ въ играхъ. Мать строго запретила намъ забавы сего рода, а послѣ не дозволяла даже и молиться несвоевременно. Я непонималъ еще ни молитвъ, ни важности молитвенныхъ дѣйствій, а сталъ чувствовать какую-то боязнь, когда, въ положенныя времена, принимался за молитву.

На седьмомъ году, въ день моего рожденія, осенью, начали учить меня грамотѣ и, какъ теперь помню, дали красненькую азбучку и костяную, съ росписаннымъ пѣтушкомъ, указку. Сначала учебники эти мнѣ понравились; но, спустя немного, я уже несовсѣмъ ласково на нихъ посматривалъ. Азбука начиналась молитвою: *Боже въ помощь мою вонми* и пр. Проговоривъ эту молитву со словъ отца и стоя на колѣняхъ передъ образомъ Спасителя, сѣлъ я за азбуку. Отецъ объяснилъ мнѣ первую строку буквъ, изъ которыхъ три или четыре я запомнилъ скоро, а на двухъ что-то все останавливался и потерялъ вниманіе. Отецъ мнѣ пригрозилъ; я не столько испугался, сколько изумился, невидавъ еще отца такимъ къ себѣ грознымъ; однакожъ мудреныя буквы упомнилъ тутже.

Первою строкою кончилось и мое ученье перваго дня; а на другой день я учился уже у матери, подъ

Digitized by Google

надзоромъ старшей сестры. Мать каждое утро задавала мнѣ урокъ и, когда я выучивалъ, прослушивала. За исправность она никогда меня не хвалила, не бранила и за неисправность; а всѣ ея замѣчанія, касательно ученія, ограничивались словами: *учись, будешь уменъ, всѣ тебя будутъ любить;* или — *хочешь быть дуракомъ; хочешь, чтобы всѣ надъ тобою смѣялись* и тому подобное. Учиться я лучше любилъ при сестрѣ, нежели при матери; при матери мнѣ какъ-то было несвободно, а съ сестрой, хоть нерѣдко ея неслушался, я былъ развязенъ и уроки затверживалъ скорѣе. Читать я учился недолго, мѣсяца три.

Когда я читалъ уже порядочно и разбиралъ всякую книгу гражданской и церковной печати, меня посадили за письмо, и время моихъ занятій увеличилось. Съ этой эпохи начинается второй періодъ моей жизни. Изъ подъ опеки матери я чуть было совсѣмъ не вышелъ и сталъ надъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ отца, почти исключительнымъ. За матерью, въ дѣлѣ воспитанія и образованія моего, остался только голосъ совѣщательный; все рѣшалъ отецъ и рѣшалъ диктаторски, неоскорбляя однако мать, которая какъ-то умѣла и соглашаться съ нимъ и противорѣчить безъ упорства.

Писать училъ меня отецъ самъ и, вмѣстѣ съ буквами и складами Русскими, когда я ихъ выписывалъ хорошо, заставлялъ писать буквы и склады Латинскіе и Греческіе. Такимъ образомъ я незамѣтно выучился читать по-латыни и по-гречески. Сверхъ письма и, по временамъ, чтенія вслухъ, учился я цифири и начальнымъ правиламъ ариѳметики. Занятія мои продолжались часа два или три до обѣда и часа полтора или два послѣ.

Digitized by Google

На свободное отъ занятій время, уроковъ мнѣ не задавали, и я гулялъ, игралъ или дѣлалъ, что вздумалось; но все дома, на дворѣ или въ саду, съ сестрами или дѣтьми, близкими ко мнѣ возрастомъ, которыхъ, случалось, приводили гости.

Такъ прошло два года, и въ это-то время я почувствовалъ, что люблю больше мать, нежели отца; отца же хоть и любилъ, но уже боялся и больше уважалъ, нежели любилъ.

Отецъ не всегда находился при моихъ занятіяхъ, но всегда требовалъ отчета и просматривалъ, что въ теченіи дня я сдѣлалъ и все ли, что имъ было назначено. Въ отсутствіе его, въ часы ученья, наблюдала за мною мать, а иногда и старшая сестра, для которой мои занятія были по силамъ. Не могу сказать, чтобъ я былъ прилеженъ; но, по лѣтамъ, былъ понятливъ довольно. Безъ отца, при ученьи, я былъ совсѣмъ другой: часто лѣнился, упрямствовалъ, а съ сестрой чуть-чуть не дирался. Сестра не могла заставить меня дѣлать, чего я не хотѣлъ; мать заставляла, но не вдругъ. Случалось, я сердился и упрямился до того, что и мать не въ состояніи была со мною сладить. Розгой она уже мнѣ не грозила, вѣроятно, изъ опасенія, что не одолѣетъ, а только раздражитъ меня; а грозила отцомъ, которому и разсказывала о моихъ поступкахъ.

Впрочемъ, поступки мои мать объясняла отцу легче; многое опускала, а иногда и вовсе ничего не говорила. Я это замѣтилъ и сталъ своевольничать больше. Отецъ какъ-то узналъ о поблажкѣ ко мнѣ матери, сдѣлалъ ей выговоръ въ моемъ присутствіи и между прочимъ сказалъ: «это — мальчикъ, а не дѣвочка; пожалуй, онъ забудетъ, что ты ему мать.» Я видѣлъ, что матери это

Digitized by Google

замѣчаніе было прискорбно; она ушла въ свою комнату, не сказавши ни слова. Отецъ взглянулъ на меня косо, и я почувствовалъ всю вину его гнѣва. Я понялъ, что виноватъ — я, и мнѣ такъ было жаль матери, что въ послѣдствіи я никогда уже ея не ослушался.

Зная грамоту и учась изрядно, я заумничалъ и поднялъ носъ, сталъ важничать предъ сестрами и сдѣлался неуступчивъ между сверстниками.

Сестры были похитрѣе меня: замѣтивъ мое чванство, онѣ вызывали меня на споръ, поддражнивали, вводили въ просакъ и смѣялись, а я досадовалъ. Мать видѣла дѣтскія наши схватки, не сердилась и улыбалась; иногда держала мою сторону, но никогда не заступалась. Разъ какъ-то заспоривъ, я дотого забылся, что не слыхалъ, какъ младшая сестра вытащила уменя изъ рукъ грифель; я сталъ искать; старшая сестра, котороя видѣла похищеніе, сказала:» ты настоящій ротозѣй, носъ подымаешъ, а что нодъ носомъ, не видишъ.» Я осердился и, въ досадѣ ударивъ рукою по столу, вскричалъ: «нѣтъ я не ротозѣй и ротозѣемъ никогда не буду;» всѣ засмѣялись; мать схватила меня за руку сдѣлала выговоръ и, объяснивъ, почему я ротозѣй, прибавила: «я надѣюсь, что впередъ ты постараешься быть внимательнѣе къ себѣ и въ пустякахъ не спорить и не сердиться до забывчивости.»

Насмѣшки старшихъ сестеръ и замѣчанія матери подѣйствовали па меня. Я пересталъ много о себѣ думать и поступалъ скромнѣе и осторожнѣе. Сестры сдѣлались ко мнѣ снисходительнѣе; я не видѣлъ уже въ нихъ противницъ себѣ и, съ этихъ поръ, почувствовалъ, что люблю ихъ и привязанъ къ нимъ больше, нежели какъ онѣ думали и какъ говорила иногда мать.

Digitized by Google

Прежде, когда меня не учили еще грамотѣ, я въ играхъ слушался всякаго, какъ неопытный, и если не хотѣлъ играть, то говорилъ просто: нехочу; теперь уже сталъ разсчитывать: играть ли, во что играть и какъ играть. Не всякая игра мнѣ нравилась и не со всякимъ мнѣ играть хотѣлось; я былъ настойчивъ и упрямъ въ своихъ желаніяхъ. Отецъ, который главнымъ образомъ надзиралъ за моимъ ученьемъ, не опускалъ однако случаевъ наблюдать и за моими поступками внѣ ученья. Онъ видѣлъ, какъ я обходился съ моими товарищами въ играхъ и, вѣроятно, высматривая, какое направленіе приметъ пробуждающаяся во мнѣ воля, долгое время молчалъ. Въ дѣтскихъ забавахъ встрѣчались со мной мальчики такіе, которое любили распоряжаться играми сами и не меньше моего были упрямы и настойчивы. Съ ними у меня выходили споры, споры доходили до брани, а случалось и до драки. Иныхъ одолѣвалъ я, другіе одолѣвали меня. И какъ я былъ довольно силенъ; то верхъ, по большой части, былъ на моей сторонѣ. Съ старшими — я почти не связывался, а ровня и младшіе прозвали меня забіякой. Отцу прозвище не понравилось, и онъ сурово мнѣ сказалъ:» ты, вѣрно, дерешься, а это худо; можно играть и играя спорить, а доводить себя до драки ни въ какомъ случаѣ не прилично; товарищи не станутъ любить тебя, а станутъ удаляться, дразнить и презирать; чтожъ ты будешъ за человѣкъ?» Выслушивъ такое замѣчаніе, я сдѣлался скромнѣе и сговорчивѣе.

Кромѣ ученья и игръ, ежедневныхъ моихъ занятій, часто водили меня въ церковь, разумѣется, въ воскресные и праздничные дни. Сперва я ходилъ къ церковнымъ службамъ охотно, а послѣ началъ скучать и отнѣкиваться. Меня принуждали. Разъ, бывши въ церкви съ ма-

Digitized by Google

терью, я ушелъ и прошалилъ, съ подобными мнѣ мальчишками, на церковномъ монастырѣ и на улицѣ. Мать, не найдя меня по окончаніи службы, встревожилась и, когда я, вслѣдъ почти за нею, пришелъ домой, побранила, а отецъ порядочно высѣкъ и сталъ брать меня въ церковь съ собою. Примѣръ отца въ молитвахъ хотя сильнѣе на меня дѣйствовалъ; но я все-таки молился нехотя и не зная, какъ и о чемъ молиться, кромѣ того, что молиться должно, иначе Богъ накажетъ. Такъ родилось во мнѣ чувство страха Божія, которое никогда уже не оставляло меня.

Ни мать, ни отецъ, когда бывали со мною въ церкви, никогда не давали мнѣ денегъ, ни на свѣчу, ни на церковные сборы, ни для нищихъ, а дѣлали такіе расходы сами. Однакожъ я видалъ, что иные дѣти ставятъ свѣчки, кладутъ на церковное строеніе и подаютъ нищимъ.

Разъ, собираясь въ церковь, я сказалъ объ этомъ матери, прибавивъ: «и мнѣ бы хотѣлось поставить свѣчку и подать милостинку; но у меня, мама, нѣтъ денегъ.» Мать улыбнулась и дала мнѣ какую-то монетку. Свѣчки я не поставилъ,—не умѣлъ, какъ это сдѣлать; а монетку отдалъ нищенкѣ. Отецъ, съ которымъ я былъ тогда въ церкви и который не зналъ, какъ мнѣ досталась монетка, спросилъ у меня послѣ: «откуда взялъ ты деньги?» и когда я отвѣчалъ, что мнѣ дала маменька, продолжалъ: сама она тебѣ дала или ты у ней выпросилъ?

Я просилъ, и она дала.

Что же, ты думаешь, хорошо сдѣлалъ?

Многіе дѣти подаютъ милостинку, и я думалъ, что хорошо.

Digitized by Google

Конечно — хорошо: бѣдному всегда надо помочь, если чѣмъ можешъ; но тебѣ помогать нечѣмъ, ты ничего еще не имѣешъ. Вотъ, если бы мать или я или другой кто далъ тебѣ деньги въ подарокъ и ты, не имѣя ни въ чемъ нужды, употребилъ бы ихъ на бѣдныхъ; тогда твоя милостина точно были бы милостина, и за нее всякой бы тебя похвалилъ.

Въ подарокъ! Это значитъ, что я хочу, то и куплю на нихъ.

Да!

А если мнѣ купить непремѣнно что нибудь надобно, и нищіе просятъ?

Подай, сколько можешъ.

А подамъ—купить будетъ нельзя; денегъ не достанетъ?

Тогда разсуди, чья нужда больше — твоя ли или бѣднаго, который проситъ,

Ужъ конечно бѣднаго! Но вѣдь жаль, когда самому надобно.

Правда! Но тутъ-то и важно подаяніе: помогать нуждающимся, не имѣя собственной нужды, хорошо; но помочь, когда самъ имѣешъ нужду, несравненно лучше. Такая милостина не только похвальна у людей, но и угодна Богу.

Придя домой, я разсказалъ матери, что говорилъ со мною отецъ. Мать выслушала и, подумавъ, спросила: ну-что, если вдругъ встрѣтится нищихъ много, а ты можешъ подать милостинку только одному или двоимъ; какъ ты тогда поступить?

Посмотрю и подамъ тому, кто побѣднѣе.

Справедливо! Но вѣдь трудно узнать, кто побѣднѣе; по платью и виду судить нельзя, ошибешься.

Digitized by Google

Ну-такъ подамъ, кому попадется.

Вотъ это лучше: нищихъ не должно разбирать: ихъ разберетъ Богъ. Часто, кто поопрятнѣе одѣтъ и можетъ, кажется, трудиться, гораздо больше имѣетъ нужды въ подаяніи, чѣмъ тотъ, кто одѣвается въ рубище и выказываетъ свои тѣлесные недостатки. Но есть такіе требующіе помощи, между которыми нельзя не дѣлать разбора, на примѣръ: кому бы ты помогъ, еслибъ въ твоей помощи имѣли нужду родственникъ, знакомый и чужой.

Конечно прежде родственнику, потомъ знакомому, а послѣ и чужому.

Хорошо, когда нужды ихъ равны; а когда неравны.

Незнаю, мама. Но, кажется, все-таки надо помочь прежде родственнику.

Да! сколько бы нужда его ни была мала, все же нужда, и мы родственникамъ помогать обязаны.

Въ этой теоріи о милостинѣ я лучше всего понялъ то, что надобно помогать родственникамъ. Родственниковъ я любилъ, они меня ласкали и часто самъ пользовался ихъ щедростію; о знакомыхъ же и чужихъ я ничего не думалъ, считая ихъ людьми совсѣмъ для себя ненужными, а нищихъ даже боялся.

II. ШКОЛА ВЪ СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМІИ.

Осьми лѣтъ, отдали меня въ школу: эпоха въ жизни очень замѣчательная. Слетѣть съ родимаго гнѣзда въ первый разъ, оторваться отъ непосредственной заботливости родителей и личнаго ихъ руководства какъ-то страшно. Не умѣю объяснить, что за чувство, которое сдавило все мое существо, когда я приведенный въ школу, былъ оставленъ тамъ на цѣлый день, отъ 7-ми

Digitized by Google

часовъ утра до 4-хъ по полудни. Чувству этому нѣтъ, кажется, слова на человѣческомъ языкѣ, и еслибъ тогда меня спросили: что лучше, въ школѣ ли остаться или идти домой, я не зналъ бы, что отвѣтить.

Въ классѣ поставили меня у дверей; учителя еще не было, хотя семь часовъ, когда бьетъ звонокъ къ ученью, давно уже прошло. Ученики, числомъ до полутораста, почти однолѣтки, толпились безъ присмотра, кричали, ссорились, дрались и мирились. Вдругъ зашикали во сто голосовъ: учитель, учитель; всѣ бросились по мѣстамъ, развернули книжки и — ни гугу. Учитель входитъ, читаютъ молитву и, послѣ молитвы, первое слово учителя: «что у васъ за шумъ! всѣхъ васъ пересѣчь надобно;» затѣмъ, пересмотрѣвши нотаты, въ которыхъ отмѣчались знающіе и незнающіе урока, и поставивъ человѣкъ десятка два на колѣни, обратился ко мнѣ и спросилъ довольно сурово: чему я учился? Въ страхѣ и трепетѣ, я не могъ отвѣчать и заплакалъ; учитель приласкалъ меня. Ободрившись немного, я сказалъ, чему учился, отвѣтилъ на два или на три вопроса, но хорошо или худо, не знаю; однако учитель назначилъ мнѣ мѣсто на третьей партѣ и приказалъ сѣсть.

Въ классѣ было шесть партъ; значитъ, я зачисленъ былъ между учениками въ первой половинѣ. Парты, т. е. ряды столовъ во всю длину комнаты, стояли по обѣимъ ея сторонамъ; въ срединѣ проходъ, шириною аршинъ пять; въ переднемъ концѣ стояли столъ и стулъ для учителя.

Классъ, въ который я попалъ, считался первый, т. е. самый низшій; всѣхъ же классовъ въ училищѣ было восемь, и назывались они не первый, вторый и третій, а первый назывался бурсою, за нимъ числилась фара, далѣе же слѣдовали по порядку грамматика, синтаксисъ

Digitized by Google

поэзія, риторика, философія и богословіе. Домъ, гдѣ помѣщалось училище, былъ каменный трехъ-этажный, съ хорами; надъ воротами дома надпись: *Славяно-Греко-Латинская Академія;* поверхъ надписи—картина, изображающая горящую свѣчу, съ подписью: Non mihi, sed aliis.

Въ бурсѣ я продолжалъ склонять и спрягать по-латыни, слушалъ начальныя правила грамматики, Латинской и Русской, учился краткому катихизису и училъ вокабулы по элементарю. Черезъ десять мѣсяцовъ перевели меня въ фару.

Въ первомъ классѣ, кромѣ уроковъ отъ учителя, я принималъ уроки и отъ учениковъ: они научили меня драться на кулачки, браниться сквернымъ словами и кое-какимъ играмъ и шалостямъ, о которыхъ я незналъ. Вынесъ-ли я изъ этого класса какое правило, полезное для жизни или поведенія? Едва ли, развѣ что по катихизису, который я училъ наизусть; впрочемъ, училъ, почти непонимая, потому ли, что учитель худо объяснялъ катехизическое ученіе или понимать его было мнѣ еще рано. Однако проведенные въ школѣ первые десять мѣсяцовъ не совсѣмъ же были потеряны: я хорошо узналъ склоненія и спряженія Латинской граматики, порядочно различалъ части рѣчи Русской, научилъ много вокабулъ и на заученные катихизическіе вопросы могъ отвѣчать безошибочно.

Да и наука отъ школьныхъ товарищей не совсѣмъ осталась для меня безполезною. Я сдѣлался посмѣлѣе, не такъ робокъ передъ уличными мальчишками, которые нерѣдко на меня нападали, когда я возвращался изъ школы домой, и уже смѣкалъ, съ кѣмъ изъ нападающихъ можно помѣряться самому, кому уступить, отъ кого убѣжать. Не скажу, чтобъ слишкомъ худо было и

Digitized by Google

то, что я, бывъ 8-ми только лѣтъ, ознакомился съ бранными, неприличными мальчику, да и ни въ какомъ другомъ возрастѣ, словами; рано или поздно — все же ихъ наслушаешся, все же имъ научишся, не въ школѣ, такъ на улицахъ.

По моему мнѣнію, то, что неприлично или срамно и чего избѣжать нельзя, чтобъ не узнать, гораздо лучше узнать рано, нежели поздно: чѣмъ раньше узнаешь, тѣмъ скорѣе поймешь, почувствуешь омерзѣніе и отучишься. Не тотъ благовоспитанъ, кто не знаетъ теоріи дурнаго, а тотъ, кто знаетъ и умѣетъ воздерживаться.

Во второй классъ, т. е. въ фару, я былъ переведенъ между товарищами въ 3-ть десяткѣ; всѣхъ же переведено было 50 человѣкъ: значитъ я поступилъ въ высшій классъ не очень плохимъ. Такъ призналъ меня и главный начальникъ училища, ректоръ, который дѣлалъ переводы самъ и, при переводахъ, повѣрялъ экзаменаторовъ, вѣрно ли составлены ими переводные списки.

Въ бурсѣ и фарѣ переводы были два раза въ годъ, а въ грамматикѣ, синтаксисѣ и поэзіи — черезъ годъ.

Экзамены производили учители, каждый въ томъ классѣ, изъ котораго къ нему должны поступать ученики. Случалось, что переводили недостойныхъ и оставляли достойныхъ; но случалось рѣдко, потому что опасались, чтобы ректоръ, повѣряя при переводахъ, не замѣтилъ-какъ поблажки или фальши.

Повѣрки состояли въ вопросахъ, и если назначенный къ переводу ученикъ на первый вопросъ запнулся, ректоръ давалъ ему другой вопросъ и третій и такимъ образомъ допытывался, не оробѣлъ ли вопрошаемый или дѣйствительно мало знаетъ. Бывало и то, что ректоръ даетъ вопросы и не назначеннымъ къ переводу

Digitized by Google

ученикамъ и, кто отвѣчаетъ порядочно, переводитъ; или же ихъ самихъ вызываетъ на новый экзаменъ, и тѣ, которые на себя надѣются, подымаютъ руки и тутъ же экзаменуются. Но лучше быть переведену съ вопроса, нежели съ вызова на экзаменъ: учитель, къ которому переведенные поступаютъ, какъ-то смотритъ на послѣднихъ не ласково.

Послѣ бурсы сдѣлали переводъ изъ фары, гдѣ учащихся было столько же почти, сколько въ бурсѣ, и гдѣ непереведенныхъ осталось человѣкъ съ 70. Всѣ они заняли верхнія мѣста. Мнѣ, по этому, досталось сѣсть на четвертой партѣ. Надобно было повыситься, пересѣсть на вторую или, по крайней мѣрѣ, на третію парту, какъ это удалось нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей, даже такимъ, которые прежде шли ниже меня; но въ полгода я повыситься не успѣлъ, и меня не перевели, а перевели черезъ годъ.

Причиною сему то, что ознакомившись со школою, я сталъ полѣниваться — худо учить уроки и, когда учитель объяснялъ что нибудь, неслушать. Лѣниться же можно было и — почти безнаказанно. Учитель втораго класса хотя былъ человѣкъ дѣятельный и строгій, но за всѣми одинъ досмотрѣть не могъ. Въ присмотрѣ помогали ему цензоръ и авдиторы; но это — такіе же ученики — малолѣтки, какъ и прочіе. Цензоръ смотрѣлъ, чтобъ въ классѣ, когда нѣтъ учителя, не рѣзвились, не шумѣли, не ссорились, а при учителѣ не шалили, а занимались, виноватыхъ записывалъ и записку подавалъ учителю. Авдиторы же прослушивали уроки, передъ классомъ, и знаніе или незнаніе, а также и кого нѣтъ въ школѣ, отмѣчали въ нотатахъ и нотаты представляли учителю на просмотръ. Учитель хотя и штрафовалъ шалуновъ и лѣнтяевъ, но не всегда; частію потому, что помощ-

Digitized by Google

ники его не могли хорошо судить, а слѣдоват. и правильно доносить о шалостяхъ и лѣности, а большею частію потому, что потворствовали виноватымъ, то изъ пріязни и снисхожденія, то изъ сознанія, что сами не во всемъ правы. Такимъ образомъ лѣности и баловству давался изрядный просторъ.

Въ первомъ классѣ, изъ котораго я перешелъ, прилежные и способные ученики повышаемы были самимъ учителемъ; а во второмъ, сверхъ того, можно было оспорить высшее мѣсто такъ называемою *дельокою,* т. е. смѣщеніемъ кого нибудь изъ верхнихъ учениковъ задачею, такъ какъ въ этомъ классѣ задавились уже немудреные переводы съ Русскаго языка на Латинскій и дѣлались письменно. На дельоку испрашивалось дозволеніе учителя, учитель дозволялъ и соперники, истецъ и отвѣтчикъ, начинали ратовать — сходили съ своихъ мѣстъ и занимались задачею недалеко другъ отъ друга, наблюдая, каждый, чтобы противникъ дѣлалъ задачу самъ и ни съ кѣмъ бы не совѣщался. Если задача истца оказывалась лучше, онъ ссаживалъ отвѣтчика; если равна, дѣло расходилось; а если хуже, то отвѣтчикъ имѣлъ право выдрать своего соперника за волосы.

Я боялся просить о дельокахъ или, какъ обыкновенно выражались школьники, подавать дельоки; учитель же въ первые полгода не обращалъ на меня вниманія, хоть я былъ мальчикъ не безъ способностей. Дома иногда и спрашивали, что дѣлается въ школѣ, но за успѣхами моими не слѣдили, ничѣмъ не поощряли; отцу было некогда, и онъ, вообще, какъ-то вѣрилъ больше Провидѣнію о мнѣ; мать же школьныя наши дѣла разумѣла по женски, заботилась только о томъ, чтобъ меня кто не прибилъ или не задавили бы гдѣ лошади. Кажется, эти полгода прошли у меня совершенно даромъ.

Digitized by Google

Непріятно мнѣ было, что многіе изъ моихъ товарищей перешли въ грамматику, а я остался въ фарѣ. Переводомъ выдвинулся я на вторую парту, слѣдовательно на видъ учителя и мнѣ какъ-то: удалось сказать безошибочно примѣръ, заданный на протолкованныя правила изъ Латинской грамматики. Съ этого примѣра учитель взялъ меня въ особенное вниманіе, я сталъ учиться прилежнѣе и былъ пересаженъ на первую парту.

Предметы перваго класса продолжались и во второмъ. Кромѣ того, здѣсь учили еще Священой исторіи и нотному пѣнію.

Памятны мнѣ строгость и безпристрастіе бывшаго въ то время учителя фары, памятны и особые пріемы его ферулы. Онъ ни въ чемъ и никому изъ учениковъ не спускалъ, ни въ наукѣ, ни по поведенію, и за тѣми, которые, по его мнѣнію, непремѣнно должны быть переведены въ высшій класъ, наблюдалъ неопустительно; смотрѣлъ и за прочими, но не такъ, а когда попадались на глаза, и это, кажется, потому, что за всѣми усмотрѣть не возможно, по многочислинности, что всѣхъ никогда непереводятъ и что для тѣхъ, которые останутся, придетъ еще череда. Наказывалъ онъ учениковъ нерѣдко; но никогда не сѣкъ и палей не употреблялъ, считая первое постыднымъ, а послѣднее вреднымъ; не давалъ пощечинъ, не дралъ за волосы и, даже, недопускалъ виноватаго стоять на колѣняхъ, когда преподавалъ. Наказанія у него были слѣдующія: не сидѣть на мѣстѣ, а стоять; стоять на колѣняхъ, когда дѣлались задачи и не было преподаванія; стоять у двери, прислонясь къ стѣнѣ; самое же высшее изъ наказаній было — разгою по ладонямъ.

Въ слѣдствіе такихъ мѣръ, переводные ученики были превосходны по успѣхамъ (ихъ переводили всѣхъ безъ

Digitized by Google

исключенія и—не только ихъ, но не мало и тѣхъ, которые самимъ учителемъ назначаемы не были); на переднихъ партахъ слушали учителя съ напряженнымъ вниманіемъ, опасаясь, не спросилъ бы, а на заднихъ—по крайней мѣрѣ сидѣли смирно, безъ шалостей. Въ классѣ безъ учителя не шумѣли и не кричали безобразно, а если когда играли, особенно зимой, чтобъ согрѣться—такъ какъ классическая комната нетопилась — то дракъ и жалобъ совсѣмъ почти не было; драчунъ и жалобщикъ наказывались оба, безъ дальнихъ розысковъ. Учителя боялись всѣ, но любили и уважали; поступающіе въ этотъ классъ вновь заранѣе становились смирнѣе, строже къ себѣ и послушнѣе. Какъ наказанія дѣлались не вдругъ, но за первый проступокъ или опущеніе по классу виновный подвергался прежде укоризнѣ и увѣщаніямъ, вторая же вина не прощалась накакъ; то отъ наказаній не ожесточались и не раздражались, а переносили ихъ съ покорностію и стыдились, понимая, что наказываются справедливо. Словомъ, этотъ классъ былъ примѣрный, какъ по успѣхамъ въ наукахъ такъ и въ поведеніи. Здѣсь я сталъ чувствовать себя благороднѣе, пересталъ вызываться на драку, хотя и зналъ, что я не послѣдній боецъ на-кулачки; отвыкъ отъ срамныхъ словъ, къ которымъ такъ пріучился, что употреблялъ ихъ невольно, безъ сознанія, за что не разъ былъ наказанъ розгами по ладонямъ.

Наказаніе розгами по ладонямъ многіе отцы въ то время осуждали: одни говорили, что оно вреднѣе обыкновеннаго сѣченія; другіе считали его такимъ же тѣлеснымъ наказаніемъ, употребленіе котораго въ школахъ давно бы надобно запретить.

Въ дѣлѣ общественнаго воспитанія вопросъ о наказаніяхъ очень важенъ. Критику на своего учителя за сѣ-

Digitized by Google

ченіе по рукамъ я въ то время неоднократно слышалъ, но хорошо не понималъ, что говорили; послѣ же, встрѣчаясь съ людьми опытными въ педалогіи, я имѣлъ случаи разсуждать съ ними какъ о наказаніи сего рода, такъ и вобще о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ школѣ. И вотъ результатъ сужденіи, сохранившійся у меня въ памяти:

Наказанія необходимы; не наказывая, нельзя воспитывать человѣка: это — аксіома.

Наказанія должны сотвѣтствовать степенямъ совершенствованія нашего — общаго, частнаго и личнаго.

Человѣкъ совершенствуется для жизни, сообразной съ цѣлью возникнованія его въ свѣтъ.

Жизнь наша трояка: физическаи, нравственная и духовная.

Послѣдняя степень совершанствованія — жизнь возможно-духовная на землѣ. И если для иныхъ степень эта слишкомъ высока, то высшая степень нравственной жизни доступна для всякаго.

Дитя до 6-ти лѣтъ живетъ жизнію физическою; въ немъ ни мало нѣтъ сознанія о жизни нравственной; но начала этой жизни, (у Христіанъ и духовной), должны быть ему внушаемы съ первыхъ дней младенчества.

А какъ внушить? Въ ребенкѣ нѣтъ еще сочувствія, нѣтъ ни стыда, ни совѣсти, ни, даже, страха, безъ розги, разумѣя подъ розгою всякое наказаніе, причиняющее тѣлесную боль.

Съ 6-ти, лѣтъ которыя, обыкновенно, проводятся дома, дитя начинаетъ уже сочувствовать; различаетъ, что худо, что хорошо для другихъ; сознаетъ взаимность, стыдится, совѣстится и опасается оскорблять не подъ однимъ уже условіемъ розги.

Digitized by Google

Съ такимъ развитіемъ душевныхъ свойствъ которое бываетъ болѣе или менѣе отъ болѣе или менѣе правильнаго воспитанія въ домѣ, ребенокъ поступаетъ въ школу, подъ ферулу оффиціальныхъ учителей, обязанныхъ руководствовать учащихся, свѣрхъ общечеловѣческой цѣли, къ какой нибудь частной.

Поступающіе въ школу ученики, неравные по развитію въ нихъ нравственной жизни домашнимъ воспитаніемъ, не равны и по способностямъ къ наукамъ: первый долгъ учителя ознакомиться, сколько возможно, съ направленіемъ нравственности и степенью способностей ученика.

Что, если направленіе нравственности ложно, а способность къ ученью еще спитъ, и ученикъ въ поведеніи или лѣности упрямъ до того, что предлагаемыя нынѣшними педагогами мѣры, исключающія тѣлесное наказаніе, недѣйствительны? Вѣдь ученикъ погибнетъ! а такихъ субъектовъ въ низшихъ училищахъ очень не мало, даже изъ дѣтей въ сословіяхъ высшихъ.

Ученика переводить нельзя; надобно исключить изъ училища: а какой отецъ не согласится лучше наказать невозрастнаго сына розгами, нежели видѣть его исключеннымъ?

Сажать въ карцеръ и за голодный столъ гораздо вреднѣе, нежели высѣчь. Своенравный мальчикъ легко вынесетъ уединеніе и голодъ, что будетъ не безъ вліянія на здоровье: но на розги подастся скоро; слишкомъ больно; притомъ розга не утомляетъ ни тѣла, ни духа.

Сколько есть примѣровъ исправленія нравственности и пробужденія способностей и охоты къ наукамъ посредствомъ наказаній тѣлесныхъ! Не высѣки....

Digitized by Google

Но нѣтъ примѣра, чтобъ эти наказанія послужили кому во вредъ. Только нужно училищному начальству знать свойство учителей и имѣть за ихъ обращеніемъ съ учениками присмотръ.

Правда, грубо и какъ-то постыдно наказывать учениковъ по заднимъ частямъ тѣла; при видѣ такого наказанія оскорбляется деликатное чувство: но почему же возрастные люди, и ученые и благородные, не стыдятся говорить, что ихъ сѣкали въ училищѣ, а иные вспоминаютъ объ этомъ даже съ признательностію?

Что касается до сѣченія по рукамъ или по ладонямъ, какое употреблялъ нашъ втораго класса учитель и которое однако не вошло въ обычай, хотя мы, школьники, одобряли его больше, нежели обыкновенное сѣченіе и не дразнились словомъ *сѣченый*, то это своего рода наказаніе осуждать много не должно: оно, точно, неоскорбительно, и бережетъ дорогое въ воспитанника чувство чести и стыдливости; но неумѣренное можетъ быть очень вредно физически. Обыкновенное сѣченіе розгою, какъ бы сильно ни было, не вредно; оно вредитъ больше нравственно.

Нашъ учитель употреблялъ сѣченіе по ладонямъ осторожно: два, три и неболѣе четырехъ разъ на каждую руку. Боль чувствовалась долго, но проходила безъ вреда. По этому, если въ первоначальныхъ общественныхъ школахъ тѣлесныя наказанія необходимы — а онѣ дѣйствительно необходимы, хотя небезусловно, — стоитъ только узаконить число ударовъ правиломъ и опредѣлить качество розги, дабы слишкомъ гибкая и длинная не обвивалась, не просѣкала верхнихъ частей руки, которыя беречь надобно.

Впрочемъ и обыкновенное сѣченіе не должно быть выводимо изъ обычая совершенно; оно безопасно и въ

Digitized by Google

извѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ не столько зазорно, сколько полезно для благочинія. Что за бѣда быть высѣченнымъ мальчику изъ такого сословія, которое и законъ не освобождаетъ отъ наказаній тѣлесныхъ; всякому свое, и простаго мальчика не слѣдуетъ доводить до самозабвенія и презрѣнія своей породы.

Мы не стыдимся передъ врачемъ и обнажаемъ всякую сокровенную часть тѣла, когда нужда того требуетъ: важно ли безчестіе для ребенка, хотя бы и облагороженной породы, быть положену или раскрыту подъ розги? И повѣрьте, что въ расчетъ стыда у дѣтей больше входитъ то, что наказанъ, а не какъ наказанъ. Ужели кто изъ людей просвѣщенныхъ сочтетъ благоразумнымъ поступокъ одного Турецкаго султана, который удавилъ врача за то, что онъ, дабы спасти султаншу отъ неминуемой смерти, предложилъ поставить клистиръ?

Возражаютъ, что, при дозволеніи въ школахъ наказывать тѣлесно, грубый и недобросовѣстый учитель много надѣлаетъ зла, и приводятъ даже случаи, что учениковъ иногда засѣкали. Правда, много случаевъ жестокаго сѣченья, но случаи засѣкать невѣроятны: сѣкутъ не тайно, и всякое наказаніе гласно въ цѣломъ классѣ. Если приводимые случаи и бывали, то навѣрное бывали такъ же, какъ случается иногда умереть человѣку отъ самаго легкаго удара. Притомъ развѣ нѣтъ инаго средства пресѣчь зло отъ учителей, кромѣ запрещенія тѣлесныхъ наказаній? Выкиньте изъ службы одного, другаго негодяя, не позволяйте сѣченія самовольнаго, безъ отчета и отвѣтственности! и дѣло пойдетъ своимъ чередомъ.

Мнѣ было 10 почти лѣтъ, когда меня перевели въ Граматическій классъ. Лишніе полгода въ фарѣ сдѣлали то, что въ Граматикѣ я просидѣлъ, вмѣсто полутора года, два; значитъ, отсталъ отъ своихъ товарищей, у-

Digitized by Google

чениковъ порядочныхъ, на цѣлый годъ, и они опередили меня классомъ, Потерянные полгода прошли однако очень для меня не безполезно. Дидактическіе поступки учителя фары и его обращеніе съ учениками имѣли на меня вліяніе: я отсталъ отъ многихъ дурныхъ привычекъ, понималъ себя лучше, грубость и пошлость мнѣ не нравилась, а переведенный въ числѣ хорошихъ учениковъ думалъ, какъ бы мнѣ не понизиться и не потерять много между товарищами верхняго слоя.

Учитель третьяго класса былъ совсѣмъ другихъ качествъ. Онъ училъ хорошо, но не былъ строгъ и тѣлесно не наказывалъ; близко держалъ себя къ ученикамъ и въ обращеніи допускалъ фамиліарность; любилъ шутить, насмѣхался и нерѣдко разсказывалъ въ классѣ что нибудь забавное; когда смѣялся, съ нимъ смѣялись всѣ, смѣялся и я, и мнѣ тогда это нравилось. Ученики ходили въ школу безъ боязни, любили учителя и были передъ нимъ откровенны; за то не мало завелось лѣнивыхъ и шалуновъ. Въ мое время было, кажется, такихъ едва ли не на половину: такъ, по крайней мѣрѣ, отозвался однажды о нашемъ классѣ экзаменаторъ. Дельоки были рѣдки, рѣдко спрашивались уроки, цензоръ и авдиторы почти не повѣрялись. Можно было не придти въ школу или не выучить урока безнаказанно. Учениковъ числилось около 200, но переводилось немного, не столько, сколько слѣдовало бы сравнительно съ другими классами; исключалось же много.

Грамматика преподавалась здѣсь только Латинская и захватывала нѣсколько синтаксисъ, священная исторія и катехизисъ заканчивались, проходили всю первую часть ариѳметики, до дробей включительно, и начиналась физическая географія. Учитель былъ знающъ, преподавалъ внятно и опущеній по должности не дѣлалъ.

Digitized by Google

На нравственное образованіе учениковъ учитель этотъ смотрѣлъ какъ-то по своему. Давая много свободы въ ученіи, онъ неудачно наблюдалъ и за поведеніемъ. Кажется, онъ думалъ, что дѣти десятилѣтняго возраста, (лѣта для Граматическаго класса нормальныя), любятъ учиться сами и могутъ вести себя хорошо при пособіи однихъ словесныхъ наставленій. На примѣръ, вотъ какъ онъ внушалъ ученикамъ дружбу и любовь другъ къ другу: если кто бывалъ виноватъ и подвергался наказанію стать наколѣни, дозволялось замѣнить его другому, невиноватому. Учитель за это хвалилъ, ученики охотились; но дружбы не завязывалось ни мало. Совѣтовалъ ученикамъ ходить въ школу вмѣстѣ, особенно возвращаться изъ школы домой, такъ-какъ вечеромъ сторонніе мальчишки больше нападали и обижали, и хотя запрещалъ нападать самимъ, но говорилъ, чтобы защищались и другъ друга невыдавали. Однажды, когда кого-то изъ нашихъ учениковъ очень сильно прибили межевые школьники, онъ сказалъ: «стыдно! когда бывало, чтобъ нашихъ били.» Чтоже вышло? Ученики стали сбираться толпами, завязали драку, драка день ото дня усиливались, охотники до кулачныхъ боевъ накоплялись съ обѣихъ сторонъ, съ нашей — пошли ученики высшихъ классовъ, довольно возрастные, за Межевую школу вступилось кучера и лакеи (дѣло было у Никольскихъ воротъ, подлѣ Сената); бой превратился въ буйство: храбрецы ворвались почти въ школу, дрались на пропалую, били стекла, кидали камнями въ кареты, нижнихъ полицейскихъ чиновъ не слушали, и дѣло, Богъ вѣсть, чѣмъ бы кончилось, еслибъ не вступилась высшая Полиція и, съ помощію училищныхъ начальствъ, войны не прекратила.

Digitized by Google

Невиноватый въ дѣлѣ, попалъ въ записку кулачныхъ бойцовъ и я; но, къ счастію, вступился за меня учитель, и я былъ освобожденъ отъ наказанія розгами. А все-таки велѣно было продержать меня два дня въ классѣ на колѣняхъ, за то, что ходилъ зѣвать на побоище.

При такихъ пріемахъ нашего учителя Грамматики, трудно мнѣ было удержаться въ моемъ настроеніи. Учился-то я еще порядочно, благодаря способностямъ; но въ поведеніи и вниманіи къ самому себѣ сталъ ослабѣвать. Тутъ еще случилось горе: скончалась мать, умная и благородная женщина, къ которой моя любовь такъ была велика, что я думалъ будто все на свѣтѣ потерялъ съ нею, и незналъ, перенесули свою потерю.

Мать умерла родами и оставила шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ старшей сестрѣ было 17 лѣтъ, а самой младшей 4 года. Я былъ сынъ — одинъ. Отецъ, который въ воспитаніи дочерей почти не участвовалъ, совершенно потерялся; ничего незная, что нужно для дѣвицъ и какъ съ ними обходиться, онъ, словно какъ, предоставилъ насъ водительству одного Промысла; домашнія же заботы возложилъ на старшую сестру, и все его распоряженіе насчетъ сиротъ, состояло только въ томъ, что онъ приказалъ намъ слушаться старшей сестры, какъ матери. Неопытная и часто опрометчивая, наша вторая мать хотя и старалась подражать покойной матери и держаться ея правилъ въ управленіи домомъ и присмотрѣ за нами; но, разумѣется, успѣха было мало и все шло не такъ. Правда, мы любили сестру и почитали; но любили, какъ сестру, и почитали, какъ старшую, слушались не всегда, угрозъ и выговоровъ не боялись. Я былъ ей не по силамъ. Жаловаться отцу она не любила или не хотѣла; останавливать же меня

Digitized by Google

было надобно, и она останавливала однимъ: если я слишкомъ зашалюсь, заупрямлюсь или сдѣлаю что нибудь дурное, она вспомнитъ о матери и скажетъ: «ка-бы жива была маменька, ты не осмѣлился бы такъ поступать». Слова эти поражали меня, какъ громомъ; я тотчасъ дѣлался нѣмъ — переставалъ шалить, слушался и сознавался въ винѣ, часто-сердечно.

Но все это было дома, школьные же мои поступки не были видны. Уроки и задачи до сестры не касались, а отецъ объ нихъ не спрашивалъ; что я дѣлалъ въ школѣ и что со мною дѣлалось, никто ничего не зналъ. Научился я ломаться въ пряники и играть въ булавки. Булавки я таскалъ тихонько у сестеръ, а деньги на пряники добывалъ щеченьемъ, такъ-какъ пяти копѣекъ, которыя мнѣ давали на обѣдъ, на доставало на пряники.

Въ первый годъ пребыванія моего въ Грамматическомъ классѣ я только смотрѣлъ на эти коммерческія затѣи, но знакомъ съ ними не былъ; познакомился же на второмъ году, когда не стало матери и когда сдѣлали меня авдиторомъ.

Авдитору поручалась цѣлая парта учениковъ, человѣкъ иногда съ 30; у нихъ онъ обязанъ былъ выслушивать уроки, задаваемые послѣ каждаго класса на промежутокъ времени до класса слѣдующаго, отмѣчать въ нотатѣ, кто знаетъ, сколько знаетъ и какъ знаетъ, и подавать нотатный листъ учителю. Какъ учитель не всегда и не внимательно смотрѣлъ нотаты; то авдиторы Граматическаго класса своевольничали, выставляли знаніе или незнаніе неправильно, и тѣмъ принуждали подкомандныхъ имъ учениковъ откупаться деньгами. За урокъ давали копѣйку, грошъ, пятакъ, смотря потому, кто какъ богатъ и какъ знаетъ. И это называлось *щеченьемъ*, а слишкомъ притязательный авдиторъ — *щечилою*.

Digitized by Google

Такая продѣлка доставляла мнѣ каждый день копѣекъ 20 и 30. Я лакомился, покупалъ игрушки, ломался въ пряники, ходилъ по гуляньямъ, качался на качеляхъ, ѣздилъ на конькахъ и катался на горахъ. Отецъ и старшая сестра не знали о моемъ вѣтреничествѣ и не догадывались, хотя я и приносилъ иногда младшимъ сестрамъ кое-какія бездюлушки.

Чтобъ скрывать свои поступки, за которые, я зналъ, что побранятъ меня, а можетъ быть и накажутъ, надобно было изворачиваться; а потому, въ Грамматическомъ классѣ, кромѣ взяточничества и мотовства, я началъ пріучаться къ лжи и обманамъ.

Когда я перешелъ изъ Грамматики въ Синтаксисъ, мнѣ было 11 лѣтъ и 10 мѣс: возрастъ для четвертаго класса въ восьмиклассномъ курсѣ довольно зрѣлый. Здѣсь пришлось мнѣ отвыкать отъ роскоши, и направленіе, какое я получилъ было въ Грамматикѣ, стало по немногу ослабѣвать и забываться. Въ Синтаксисѣ я не былъ авдиторомъ, да хотя бы и былъ, авдиторамъ взятки запрещались строго. Учитель смотрѣлъ за учениками внимательно, да ученикамъ и дѣла было много.

Въ Синтаксисѣ надлежало знать всю Латинскую грамматику, даже просодію; тутъ преподавали вторую часть ариѳметики и русскую гражданскую исторію; географію читали всю, исключая математической, и, сверхъ того дозволялось охотникамъ ходить на классы языковъ Нѣмецкаго и Французскаго. Переводы съ Русскаго языка на Латинскій и съ Латинскаго на Русскій задавались почти каждодневно и самые трудные; дѣлались такъ называемые перефракты, т. е. Латинскіе стихи, которые диктовались прозою, для того, чтобъ ученики обратили прозу опять въ стихи. На перефракты давалась иногда проза не Латинская а Русская; надобно было сперва перевести ее на Латин-

Digitized by Google

скій языкъ безъ ошибокъ, а потомъ уже обратить въ стихи. Работа для ученика чрезвычайно трудная, а для плохаго — невозможная!

Прибавьте къ этому еще вотъ что: учитель Синтаксиса былъ человѣкъ дѣятельный и проэктистъ: во второй половинѣ года, онъ вздумалъ изгнать изъ класса Русскій языкъ совершенно; для этого онъ сталъ толковать лекціи по-латыни, давать намъ вопросы итребовать отвѣтовъ по-латыни же и строго наказалъ, что бы въ классѣ и тогда, когда его нѣтъ, отнюдь не говорили по-русски, подъ опассеніемъ штрафа, и учредилъ *Калькулюсъ*.

Калькулюсъ — это листъ, куда вносились имена тѣхъ, кто произнесъ Русское слово или неправильно сказалъ по-латыни. Листъ этотъ вначалѣ давался учителемъ цензору, какъ блюстителю за благочиніемъ въ классѣ вообще; цензоръ, замѣтивъ чей-либо промахъ, сдавалъ листъ провинившемуся, который самъ вносилъ въ него свое имя и за тѣмъ, какъ цензоръ, наблюдалъ за учениками, стараясь сдать поскорѣе листъ другому. Такимъ образомъ калькулюсъ ходилъ по рукамъ всѣхъ; отъ того, кто сдавалъ его безъ своего имени, не принимали; а у кого онъ пробылъ ночь, тотъ подвергался двойному штрафу. Штрафъ налагался вокабулами изъ лексикона, по назначенію самого учителя. За каждый промахъ или ошибку опредѣлено было выучить 25 словъ, и въ заученныхъ словахъ отдавался отчетъ понедѣльно, въ субботу. Промахи дѣлались часто, такъ что иному, въ теченіе недѣли, приходилось научить вокабулъ сотъ до пяти. Недоученые вокабулы переносилась на слѣдующую недѣлю, и если штрафъ не очищался разъ или два, виновный наказывался розгами келейно, въ квартирѣ учителя.

Digitized by Google

Ученики очень боялись калькулюса и укрывались отъ его владѣльца со всею осторожностію. Въ классѣ безъ учителя тишина была необыкновенная, хотя и не взыскивалось, если кто шумѣлъ или кричалъ по-латыни. Шумѣли и рѣзвились только лучшіе ученики и то не всегда; прочіе же большею частію молчали и ходили, или сидѣли тихо, затверживая уроки.

Я былъ не изъ лучшихъ учениковъ, а потому отдѣлывался отъ калькулюса больше молчаніемъ и скромностію; однако случалось, что въ недѣлю я долженъ былъ выучивать до 100 и болѣе вокабулъ. А какъ на шалости и гулянье оставалось мало времени и голова постоянно была занята или уроками или опасеніемъ, чтобъ не попасть въ калькулюсъ, или разборомъ задачъ и пересмотромъ надѣланныхъ въ нихъ ошибокъ, то о взяточничествѣ и мотовствѣ я забылъ подъ конецъ совершенно, а вмѣстѣ съ этимъ разучился и лгать.

Порядокъ и дѣятельность между учениками въ школѣ Синтаксиса мнѣ нравились; и если я былъ не изъ лучшихъ учениковъ, то, навѣрное, въ сравненіи только съ своими, а не съ учениками въ другихъ той же степени школахъ. Своихъ же много было такихъ, которые учились въ Синтаксисѣ другой уже годъ, лучше меня знали граматическія правила и просодію и не меньше были прилежны. Калькулюсъ пріучилъ меня говорить кое-какъ по-латыни; но старики изъ учениковъ, по крайней мѣрѣ многіе, могли вести разговоръ очень порядочно и въ калькулюсъ попадались рѣдко; дѣлали задачи правильно, и перефракты ихъ незатрудняли. Дельоки хотя были; но на такихъ бойцовъ подавать дельоки казалось мнѣ невозможнымъ. Въ одногодкахъ же, товарищахъ моихъ по третьему классу, я считался уче-

Digitized by Google

никомъ хорошимъ и переведенъ въ первомъ между ними десяткѣ.

Въ это время, когда я трудился въ Синтаксисѣ и, могу сказать, ревностно, были со мною два замѣчательные случая: одинъ — сослали было меня опять въ Грамматику, отъ другого — я чуть не предался кокетству и разсѣянности.

Въ нижнихъ классахъ Славяно-греко-латинской академіи учители занимались съ учениками по 3 и по $2^1|_2$ часа непрерывно: такъ было положено. Въ Грамматикѣ и Синтаксисѣ занимались по два съ половиною часа. Пробыть такое время въ классѣ безвыходно — ребенку трудно, по нуждѣ естественной; почему дозволялось изъ класса выходить, и дозволеніе въ первыхъ четырехъ классахъ испрашивалось, а съ Поэзіи ходили уже не спросясь. Въ Бурсѣ, чтобъ выпросить дозволеніе, ученикъ вставалъ на мѣстѣ и, поднявъ руку, кланялся; въ Фарѣ — сходилъ съ мѣста на средину и кланялся, не подымая руки; а въ Грамматикѣ и Синтаксисѣ — подходилъ къ учителю, не кланяясь, и говорилъ: *позвольте выдти.*

Разъ, имѣя дѣйствительно нужду, я выпросился и, сдѣлавъ свое дѣло, тотчасъ воротился. Вдругъ, на другой день, вызываютъ меня изъ класса и ведутъ къ Префекту — это второй начальникъ академіи, въ родѣ нынѣшняго Инспектора. Иду и дрожу, не зная, что будетъ; къ Префекту малыхъ учениковъ даромъ не водятъ. Прихожу, и Префектъ гнѣвно меня спрашиваетъ: ты замочилъ подрядчика? Не понимая, что за подрядчикъ и въ чемъ состоитъ дѣло, я смутился. Префектъ замѣтилъ мое смущеніе и спросилъ полегче: былъ ты вчера въ такомъ-то часу на боковыхъ хорахъ? (Синтаксисъ и другіе классы находились въ третьемъ этажѣ, съ пе-

Digitized by Google

редней стороны зданія, и по правому боку тянулись хоры, а за хорами устроены были сортиры), Отвѣчаю, былъ. А, такъ это ты! Гдѣ ты сидишъ въ школѣ? На концѣ второй парты. Свесть его въ Грамматику и сказать обоимъ учителямъ, чтобы тамъ учился и числился.

Такое рѣшеніе и тогда показалось мнѣ страннымъ; но дѣлать нечего. Собираю книжки и тетрадки, и на вопросъ учителя Синтаксиса, что со мною случилось, отвѣтивъ со слезами: не знаю, явился въ Грамматику. Грамматическій учитель не посадилъ меня, а поставилъ еще на колѣни. Я горевалъ и незналъ, какъ поправить свое положеніе; но дома не хотѣлъ сказать о постигшемъ меня несчастіи.

На третій однако день, сторожъ выкликнулъ меня изъ класса и сказалъ, чтобъ я шелъ въ *Синтаксію* — такъ онъ выразился. Съ радостію перебѣжалъ я въ синтаксическій классъ и сталъ у двери. Учитель взглянулъ на меня ласково и, приказавъ сѣсть на мѣсто, прибавилъ: впредь будь осторожнѣе.

Дѣло разъяснилось такъ: подрядчикъ ставилъ дрова и дрова складывалъ не въ сараѣ, а въ проходѣ съ праваго боку училищнаго зданія; когда подрядчикъ распоряжался съ мужиками складкою дровъ, ученики Поэзіи, выбѣжавшіе въ это время изъ класса, замѣтивъ, что съ хоръ легко вымочить и мужиковъ и подрядчика, пустили на нихъ фонтаны; подрядчикъ, измоченный, прибѣжалъ къ Префекту съ жалобою; Префектъ послалъ сыскать виноватыхъ, но шалуны уже скрылись; глупый посланный записалъ меня и кого-то еще другаго, увидѣвши насъ на хорахъ, и я сталъ виноватъ.

Конечно, меня, можетъ быть, не продержали бы въ Грамматикѣ до новаго перевода; но я много бы могъ

Digitized by Google

потерять по своему классу. Спасибо учителю Синтаксиса! Онъ горячо вступился за меня, особенно порицалъ ссылку изъ высшаго класса въ низшій, называя такое наказаніе убійственнымъ для хорошаго ученика. По его настоянію учинено было разслѣдованіе, и меня оправдали.

Въ школу и изъ школы я ходилъ разными путями, а большею частію зимнимъ рыбнымъ рядомъ и Варваркою, или по Ильинской улицѣ, мимо Ниренбергскихъ лавокъ, чрезъ Старую площадь. Однажды, идя галлереею, гдѣ были Ниренбергскія лавки, я увидѣлъ, еще издали, что изъ одной лавки вышла нарядная дама и при выходѣ пріостановилась, смотря то въ ту, то въ другую сторону. Когда я поровнялся и взглянулъ на нее, ничего не думая, она тихонько ударила меня согнутымъ вѣеромъ по щекѣ и сказала: ахъ какой хорошенькій мальчикъ! Изумленный, я скинулъ было картузъ, но дама возразила: ничего, дружокъ, иди съ Богомъ!

Продолжая идти, я сталъ размышлять; забылъ и о полдникѣ, съ которымъ, обыкновенно, ожидала меня сестра изъ школы, голоднаго. Ласковый привѣтъ дамы и ея обо мнѣ отзывъ пали мнѣ на душу. Прежде я ни мало не думалъ, хорошъ ли я собою или худъ, хотя меня иногда и хвалили; но съ этихъ поръ я сталъ смотрѣться въ зеркало и охорашиваться.

По приказанію отца, я носилъ пучекъ, обвитый черною ленточкою, съ шиньіономъ и косичками, а въ праздникъ и съ буклями, только безъ пудры. Какія были хлопоты для меня и для сестры расплетать и заплетать пучекъ каждое утро и сколько у меня съ нею было ссоръ при этой операціи и жалобъ! Но отецъ, студентъ Екатерининскихъ временъ, у котораго, какъ самъ разсказывалъ, однажды у соннаго ночью мыши отъѣли

Digitized by Google

буклю, напудренную мукою, по случаю какого-то праздника, никакъ не соглашался отрѣзать пучекъ и, по его словамъ, сдѣлать изъ меня обезьяну. Прежде пучекъ мнѣ только надоѣдалъ, а теперь я возненавидѣлъ его; потому что въ школѣ всѣ почти мальчики ходили стриженые, и это называлось модою. Какъ же посить пучекъ тому, кто собою хорошъ? Стыдно. Не смѣя самъ просить отца, я непрестанно приставалъ къ сестрѣ, чтобъ упросила его обстричь мнѣ волосы, какъ тогда стриглись, и она, послѣ многихъ разнаго рода убѣжденій, съумѣла какъ-то достигнуть желаемаго, и отецъ позволилъ остричься. Торжественная для меня минута! Я тотчасъ побѣжалъ въ цирульню, и пучка какъ не бывало.

Остриженный по модѣ, я сталъ франтить, сдѣлался разсѣяннѣе, но держалъ себя, какъ на улицѣ, такъ и дома, благочиннѣе, особенно когда встрѣчался съ дамами или дѣвицами. Природа рано учитъ насъ тактикѣ въ обращеніи съ женскимъ поломъ. Уроки ея хотя начинаются кокетствомъ, но образуютъ мужчину нравственно. Будь только невнимателенъ къ женщинамъ, ты сдѣлаешься грубъ, же́стокъ и потеряешь много достоинствъ человѣка, истинно просвѣщеннаго.

Но, къ счастію или несчастію, въ Синтаксисѣ франтить и разсѣяваться было некогда. Случай ссылки въ низшій классъ и благородный поступокъ въ отношеніи ко мнѣ учителя дѣйствовали на меня сильно: и опасно и совѣстно было учиться неприлежно. Я тянулся изъ послѣднихъ силъ за лучшими учениками, и черезъ годъ былъ переведенъ въ Поэзію въ числѣ хорошихъ.

Въ Поэзіи числилось учениковъ немного, — человѣкъ около 70, потому что изъ этого класса переводили въ Реторику почти всѣхъ. Авдиторовъ въ Поэзіи не было, не было и уроковъ, особенно въ промежуточное

Digitized by Google

время для обѣда; а что задавалось на ночь, спрашивалось не на память, слово въ слово, и спрашивалъ самъ учитель. Значитъ, ученикамъ давалась свобода: такъ оно и должно, быть, — піиты.

Само собою разумѣется, что въ Поэзіи учили стихосложенію, Русскому и Латинскому, и Піитикѣ. Сверхъ того, занимали декламаціею стиховъ практически, учили началамъ Реторики, Математической Географіи и Всеобщей Исторіи и задавали маленькія сочиненія, стихами и прозою.

Въ классѣ этомъ было у меня два учителя: одинъ — щеголь, другой — такъ себѣ. Послѣдній жилъ на квартирѣ, внѣ училищнаго дома, ходилъ въ шубѣ, которая осенью и весною всегда у него окаймлялась грязью, покрайней мѣрѣ, на четверть отъ подола. Въ классахъ учители не скидавали плащей, а сидѣли или ходили, какъ на улицѣ. По грязной шубѣ, учитель сколько ни былъ смѣшонъ, а любилъ таки опрятство; бывало увидитъ ученика съ всклокоченными волосами, тотчасъ приказъ цензору: «возьми голикъ и причеши его,» хотя это не приводилась въ исполненіе, и было въ родѣ замѣчанія на неопрятство.

Я не умѣлъ еще, но любилъ уже писать стихи. Въ дѣтскомъ возрастѣ воображеніе живо и страсть къ піитизму такъ же сильна, какъ у народовъ во младенчествѣ. Разъ, описывая осень, я измыслилъ два стиха, казавшіеся мнѣ лучше прочихъ:

Свирѣпа скука тамъ едина
Сидитъ на раменахъ своихъ,

и меня выдрали за волосы. Съ тѣхъ поръ я старался ближе ознакомиться съ настоящимъ значеніемъ словъ, и если какого слова или выраженія хорошо не понималъ, то спрашивалъ или доискивался въ книгахъ.

Digitized by Google

Во время моего дѣтства, мало было въ Москвѣ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, да какъ-то боялись отдавать въ училища и дѣтей моложе 10 лѣтъ; поэтому въ домашнихъ учителяхъ весьма нуждались. Школьные учители и студенты свѣтскаго и духовнаго званія давали уроки по домамъ, большею частію въ наукахъ высшихъ, и за труды брали дорого. Не для всѣхъ науки надобны и не всякому такіе учители по силамъ. Представьте же, что было: ученикъ Поэзіи, мой товарищъ, лѣтъ однако 15-ти и довольно рослый, почти совсѣмъ незнающій правилъ Словесности, какъ и я, училъ въ одномъ домѣ Логикѣ! Послѣ этого чему удивляться, что когда какой нибудь колбасникъ - Нѣмецъ и французскій лакей или кучеръ учили нашихъ князей и графовъ, правда — языкамъ, но все же не пристало.

Въ Поэзіи я опять подпалъ было бѣдѣ, и меня непремѣнно бы высѣкли, еслибъ я не отбѣгался и не откупился.

Однажды, во время послѣобѣденного класса, я вышелъ на хоры и увидѣлъ, что на эстрадѣ церкви, недалеко отъ ректорскихъ покоевъ, какіе-то шалуны, человѣкъ шесть или семь, изъ низшихъ классовъ, гоняютъ кубари. Мнѣ вздумалось посмотрѣть, я сошелъ съ хоръ на эстраду; но въ это время, какъ на бѣду, появился въ дверяхъ своихъ комнатъ Ректоръ, увидѣлъ кубари и приказалъ всѣхъ, кто тутъ ни былъ, переписать. Я и всѣ прочіе ученики разбѣжались, но было поздно; мы все таки попали въ записку, и на другой день назначена была расправа. Что дѣлать? расправа у Ректора, извѣстно, розги: боль я еще вынесъ бы, но чувство стыда отъ представленія, что тебя положитъ, раздѣнутъ и будутъ сѣчь, казалось мнѣ невыносимымъ. Піитовъ учители уже не сѣкли, а

Digitized by Google

Ректора сѣкли и учениковъ Реторики: проступокъ на лицо; слѣдовательно высѣкутъ непремѣнно.

Разсуждая такимъ образомъ, я побоялся явиться на другой день въ школу и, утромъ отправлявшись изъ дому въ обыкновенное время, цѣлый день протаскался по городу и въ Кремлѣ, избѣгая, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ. Вечеромъ, когда я возвратился домой, пришелъ ко мнѣ одинъ изъ товарищей, который жилъ отъ насъ недалеко, и мы очень часто вмѣстѣ ходили съ нимъ въ школу. Онъ сказалъ, что попавшихъ въ записку высѣкли всѣхъ, кромѣ меня и еще кого-то, котораго также не нашли. Отъ этого извѣстія я совершенно растерялся: кубари — вина не велика, и виноватыхъ высѣкли легко; но побѣгъ изъ школы, это — преступленіе немаловажное, пожалуй, высѣкутъ, да и исключатъ. Какъ тутъ быть? Думаю опять нейдти въ школу и упрашиваю товарища объявить въ классѣ, что я болѣнъ; а тамъ посмотримъ, какъ поступить придется. Другой и третій день я также прошатался, какъ я въ первый. Добрый товарищъ объявилъ о моей болѣзни, какъ слѣдуетъ, и далъ мнѣ знать, что на третій день меня уже неискали и не спрашивали.

Дома не знали о моихъ проказахъ; но вѣдь узнать могутъ же. Самъ я, конечно, не скажу; но скажутъ другіе: отъ всѣхъ не укроешься. Да и бѣгать отъ школы долго нельзя; рано или поздно узнаютъ также и въ школѣ; сверхъ того, и учиться хочется. Поэтому я рѣшился, во что бы то ни стало, явиться въ классъ, и на четвертый день явился. Учитель не спросилъ меня, чѣмъ я былъ болѣнъ; онъ видѣлъ по лицу, какъ я перемѣнился — похудѣлъ и побѣднѣлъ. Ученики или забыли о моей бѣдѣ или не знали, потому-что изъ нашего класса я одинъ попалъ въ записку гонявшихъ ку-

Digitized by Google

бари, и какъ на слѣдующій день въ школу не пришелъ, то и толковъ не было. Классы кончились, никто меня не тревожилъ и я возвратился домой повеселѣе.

Такъ прошло нѣсколько дней, я сталъ забывать горе, сдѣлался бодръ попрежнему; но вдругъ — какъ теперь помню, это было въ субботу, передъ классомъ послѣ обѣда — является въ дверяхъ посланный, выкликаетъ меня изъ учебной комнаты и зоветъ къ Ректору. Кажется, все существо мое свернулось къ ничто, когда я этотъ зовъ услышалъ: затряслись у меня руки, подогнулись колѣнки, на глазахъ выступили слезы.

Посланный былъ не то что келейникъ, а такъ себѣ, человѣкъ проживающій въ ректорскихъ покояхъ, котораго Ректора держали или изъ милости или по вниманію къ слѣпому его усердію и передавали одинъ другому вмѣстѣ съ покоями. Онъ былъ лѣтъ 50, изъ духовнаго званія, по фамиліи Ивинъ; считался студентомъ, но учился вишъ: сначала въ школѣ, потомъ въ кельяхъ у какого-то Префекта, наконецъ въ передней у Ректора и кончилъ академическій курсъ. Это—такой субъектъ въ смыслѣ новѣйшей Логики, въ которомъ всеобщій умъ человѣческаго рода только лишь выявился; для дальнѣйшаго же своего раскрытія перешелъ въ другіе субъекты.

Ивинъ какъ ни былъ простъ, но замѣтилъ что я очень испугался. Проведя меня по хорамъ, онъ остановился на лѣстницѣ и спросилъ: «есть ли у тебя деньги?» Батюшка, Иванъ Семенычь—такъ его величали всѣ, даже учители — помоги, ради Бога! Ивинъ повторяетъ: «есть ли деньги?» Есть Иванъ Семеновичь, не много, только три пятака. «Мало! ну, такъ и быть, давай сюда! Я отдалъ; Ивинъ взялъ и сказалъ: «ступай и небойсь; въ запискѣ я тебя зачеркну. Опрометью я бросился въ классъ и на вопросы товарищей, зачѣмъ вызывалъ меня

Digitized by Google

Ивинъ, отвѣчалъ: «ни зачѣмъ, что-то спрашивалъ, я не понялъ, и онъ хотѣлъ опять придти.»

Такъ прошла моя бѣда! Въ свѣтѣ зло и порокъ обращаются иногда въ добро для насъ: небудь Ивинъ слишкомъ простъ, я дорого бы заплатилъ за его ко мнѣ милость; если въ моемъ карманѣ не случилось больше трехъ пятоковъ, можно было обязать меня впередъ, и я поплатился бы рублями; а не будь онъ корыстолюбивъ, я понесъ бы жестокое наказаніе за вину незначительную, а можетъ быть, помутилось бы во мнѣ и благородные чувство стыда.

Какъ въ Синтаксисѣ, я и въ классѣ Поэзіи учился порядочно: недурно писалъ Русскіе стихи, привыкалъ. и къ Латинскимъ, лучше многихъ разумѣлъ Математическую Географію и бойко рѣшалъ задачи на глобусѣ Черезъ годъ перевели меня въ Реторику и — также въ числѣ хорошихъ.

Въ Поэзіи я въ полномъ смыслѣ піитизировалъ. Душа моя была чиста и, не случись со мной бѣды отъ кубарей, ни однажды не возмутилась бы. Домашніе меня любили, школьные товарищи—также, учитель былъ ласковъ и внимателенъ, самъ я учился охотно и съ какою-то свободою въ духѣ. Такимъ образомъ все вокругъ меня цвѣло, и люди и природа. Людей я еще не зналъ, не зналъ и себя, природою только любовался и описывалъ ее въ стихахъ съ дѣтскимъ простодушіемъ.

Когда я переведенъ былъ въ Реторику, началась для меня проза: прозѣ я сталъ учиться и прозаически начиналъ жить. Философствовать я не умѣлъ, да и не могъ еще; а проза безъ философіи — тяжкое бремя для человѣка и въ умственной и въ нравственной дѣятельности. Учитель Реторики былъ монахъ — прозаикъ какъ по должности, такъ и по званію; не врагъ однакожъ

Digitized by Google

и поэзіи. Онъ училъ насъ краснорѣчію, т. е. періодамъ, хріямъ, рѣчамъ и разсужденіямъ; толковалъ тропы и фигуры, твердилъ намъ циркумстанціи и, такъ называемые, *loci topici*. Ученье шло на Латинскомъ языкѣ, по руководству Бургія. Русскихъ учебниковъ словесности тогда было мало.

Такъ какъ мы часто занимались сочиненіями на Русскомъ и Латинскомъ языкахъ, хотя больше прозаическими, однако заставляли насъ писать и стихи, даже Латинскіе, почему много надобно было читать и прозаиковъ и стихотворцовъ; и мы читали по назначенію учителя, лучшія мѣста выписывали и заучивали. Такимъ образомъ, въ Реторикѣ познакомился я съ Херасковымъ, Шишковымъ и съ Карамзинымъ, съ Державинымъ, Дмитріевымъ и фонъ-Визинымъ; близко также узналъ Цицерона, Тацита, Квинта-Курція, Виргилія, Горація и Овидія.

Кромѣ Словесности, учитель Реторики преподовалъ намъ Всеобщую Исторію, по Шрекку. Еще мы обязаны были учиться, у другихъ учителей, по гречески, по нѣмецки и по французски, по выбору, но непремѣнно какому нибудь одному изъ сихъ языковъ. Я сталъ было учиться Нѣмецкому.

Курсъ Прозаической Словесности положенъ былъ два года, а меня перевели въ Реторику въ половинѣ курса; слѣдовательно мнѣ надлежало пробыть въ этомъ классѣ три года. Такъ и случилось, но и тутъ вышло не безъ затрудненій.

Въ первый годъ, намъ, переведеннымъ, нечего почти было дѣлать въ классѣ: старшіе ученики шли уже далеко и учительскія лекціи были намъ не по силамъ. Въ этотъ годъ занимали насъ чтеніемъ Латинскихъ писателей, переводами и изрѣдка задавали экспромты,

Digitized by Google

т. е. учитель давалъ предложеніе, на которое, не выходя изъ класса, должно было составить періодъ и сказать изустно, не излагая на бумагѣ. Сочинять періоды мы умѣли, потому-что учились имъ еще въ Поэзіи. Экспромтъ удавалось сказать не всякому, а кто успѣлъ сдѣлать поскорѣе и кого успѣвалъ выслушать учитель. Насъ, младшихъ, было человѣкъ 70; чтобъ выслушать всѣхъ, нужно много времени: почему всегда оставалось двѣ или болѣе трети без-экспромтныхъ. А какъ сказать экспромтъ учитель никого не вызывалъ поименно, а ученики вызывались сами; то многіе, почти на половину, экспромтовъ совсѣмъ и не сочиняли. Я больше принадлежалъ къ числу послѣднихъ: сочинить хорошо не успѣвалъ, а сказать кое-какъ не хотѣлось. Безъ-экспромтность проходила безъ взысканія, и я, сидя въ школѣ, напрасно тратилъ время и сталъ привыкать къ безсмысленному кейфу.

На другой годъ, когда сдѣланъ былъ переводъ изъ реторическаго класса въ философскій, досталось мнѣ сѣсть на второй партѣ, въ концѣ. Непереведеныхъ изъ старшихъ учениковъ оставалось болѣе 40 человѣкъ, а между младшими прочитали меня въ спискѣ во второмъ десяткѣ. Сидѣть далеко отъ учителя невыгодно; дельокъ и перемѣщеній самимъ учителемъ въ Реторикѣ не водилось, и ученики во весь курсъ сидѣли такъ, какъ кому пришлось при переводѣ изъ Поэзіи. Быть далеко отъ учителя и не слышать хорошо лекцій — ничего бы еще: я имѣлъ способности и науку уже любилъ, слѣдовательно могъ бы этотъ недостатокъ восполнить прилежаніемъ: но къ несчастію, на второмъ году въ Реторикѣ, въ самомъ почти началѣ курса, я сдѣлался болѣзнъ горячкою и пробылъ дома ничѣмъ не занимаясь, около двухъ мѣсяцевъ. А къ большему несчастію, въ

Digitized by Google

этомъ же году я самъ сдѣлался учителемъ, имѣя отъ роду только 15 лѣтъ.

Послѣ болѣзни, когда я довольно поправился, и, по ученью, сталъ догонять своихъ товарищей, одна знакомая дама, испросивъ позволеніе у моего отца, сдѣлала мнѣ предложеніе учить дѣтей въ домѣ ея родственника, человѣка очень достаточнаго. Предложеніе показалось лестно, но я отказался и — не столько изъ прилежанія, сколько по застѣнчивости войти въ сообщество съ богатыми людьми. Отецъ на отказъ мой не возразилъ и предоставилъ выборъ моей волѣ; но зять, мужъ второй изъ старшихъ сестеръ, настоялъ, и я рѣшился.

Съ этой поры началась для меня жизнь иная: надобно было знакомиться со свѣтомъ и замѣчать то, что въ немъ есть и что ему нравится; прибавились обязанности, хотя произвольныя, но тѣмъ не менѣе настоятельныя; возродилось понятіе о правѣ личномъ и правѣ собственности. Все это — хорошо, еслибъ не было рано; недорослю, въ 15 лѣтъ, должно учиться, жить дома, знать обязанности только школьныя и, кромѣ правъ, подобныхъ праву на дельоку, другихъ не знать.

На первый разъ, учениковъ у меня было трое: два мальчика, близнецы, 6-ти лѣтъ, и дѣвочки по 5-му году; училъ я ихъ сначала Русской грамотѣ и чистописанію, потомъ Грамматикѣ и Ариѳметикѣ; уроки шли каждый день одинъ только часъ, и за это я получалъ сперва 5, а послѣ 10 руб. въ мѣсяцъ. Училъ я прилежно и недурно, за что мать и отецъ меня любили, особенно мать, которая почти всегда находилась при урокахъ, наблюдала за дѣтьми и, въ ученьи, помогала мнѣ иногда своими совѣтами. Любили меня и ученики, потому-что я не былъ суровъ, ни слишкомъ взыскателенъ,

Digitized by Google

и въ свободнее время, если случалось, нерѣдко съ ними игрывалъ. Въ два съ половиною года ученики мои хорошо умѣли читать и писать, знали первую часть Ариѳметики и довольно смыслили изъ Грамматики.

Черезъ годъ моего учительства, я давалъ также уроки въ другихъ еще домахъ, такъ что передъ нашествіемъ Французовъ, когда я былъ уже въ Философіи, доходы мои возросли до 40 почти рублей въ мѣсяцъ. Отецъ ни денегъ и ни отчета въ деньгахъ отъ меня не требовалъ, и я управлялъ своими финансами самъ: одѣвался щеголевато, снабжалъ себя классическими книгами и всѣми учебными принадлежностями, заводилъ библіотеку, дарилъ сестеръ, угощалъ товарищей, словамъ, содержалъ себя во всемъ и, кромѣ стола, ничѣмъ уже отъ отца не пользовался.

Въ домѣ первыхъ учениковъ моихъ я былъ какъ свой: тамъ часто обѣдалъ, проводилъ вечера, научился играть въ бостонъ и узналъ театръ; лѣтомъ съ дѣтьми и матерью ѣзжалъ гулять, бывалъ въ Кузминкахъ, въ Люблинѣ, въ Кусковѣ, Останкинѣ и другихъ, любимыхъ московскою публикою, мѣстахъ за городомъ.

Мать этихъ учениковъ которая меня любила, какъ сына, и которую я любилъ и уважалъ душевно, была дама отличныхъ качествъ, умная, добрая и красивая. Она незамѣтно пріучала меня къ свѣту, но съ осторожностію; всегда и во всемъ поддерживала мой духъ, даже въ наукахъ, которыя я, при постороннихъ занятіяхъ, отнимавшихъ у меня болѣе 16 часовъ въ недѣлю, легко могъ бы разлюбить и кончить періодъ своего образованія въ числѣ посредственныхъ, а можетъ быть еще и хуже. Собственно подъ ея руководствомъ, я узналъ правила приличія и свѣтской благопристойности, на-

Digitized by Google

учился цѣнить справедливость, понялъ, въ чемъ состоитъ истинная честь и полюбилъ искуства, особенно музыку и пѣніе. Да, знакомство съ любимою, но достойною женщиною, много значитъ для молодаго человѣка: я и тогда, когда уже былъ на службѣ, съ удовольствіемъ слушалъ ея рѣчи, охотно отдавался на ея цензуру и боялся какимъ нибудь неправильнымъ или неосторожнымъ поступкомъ оскорбить ея чувство, нѣжное и вѣрное. Мнѣ было 27 лѣтъ, когда скончалась моя любимица, и я много потерялъ съ нею.

Имѣя свободныя деньги, я, на послѣднемъ году въ Реторикѣ, часто ходилъ въ театръ, слушалъ Сандунову, восхищался Плавильщиковымъ, Мочаловымъ, Воробьевою, зазѣвывался на Сандунова и отъ души хохоталъ надъ Лисицынымъ; балетовъ тогда почти не давали, но помню Дюпора и Огюста. Во мнѣ развилось бы, кажется, пристрастіе къ театру, еслибъ не ослабляла моихъ порывовъ любимая моя наставница; ея я слушался, съ нею во всемъ былъ откровененъ и часто, часто, затаивъ горе, возвращался отъ нея домой, чтобы заняться наукою.

Потерю времени на уроки, по обязанностямъ домашняго учителя, и на развлеченія въ театрѣ и по гуляньямъ надлежало чѣмъ нибудь вознаграждать, дабы не сдѣлаться совсѣмъ неисправнымъ по школѣ и не попасть въ рядъ учениковъ, назначаемыхъ не къ переводу, а къ исключенію. Въ классъ я ходилъ неопустительно, исключая Нѣмецкаго языка, и то рѣдко и по необходимости: но сверхъ занятій въ классахъ, надобно было заниматься дома — просматривать лекціи, читать, писать и сочинять. Гдѣжъ на это взять время? Притомъ, сочиненія и переводы задавались иногда дня на два и на три; и такія задачи часто приходилось мнѣ отлагать къ по-

Digitized by Google

слѣднему дню. На ежедневныя школьныя занятія я урывалъ время отъ сна, просиживая вечера до двухъ и трехъ часовъ за полночь, а когда отлагалъ задачи, то и совсѣмъ не спалъ. Для ободренія, я нюхалъ и курилъ табакъ.

Къ нюхательному табаку, употребленіе котораго отецъ мнѣ не запрещалъ, потому что самъ нюхалъ, я пристрастился такъ, что его и теперь нюхаю; за курительный же, который тогда не слишкомъ чтили, а люди духовнаго званія и гнали, доставалось мнѣ не мало и отъ отца и отъ родныхъ. Въ послѣдствіи, я бросилъ курить табакъ совершенно, но не столько изъ боязни выговоровъ и замѣчаній, сколько по совѣту одного знакомаго врача.

Разъ случилось не спать мнѣ цѣлыя двѣ ночи. Вечеромъ, на третьи сутки, въ пятомъ часу я пошелъ въ одинъ домъ на урокъ. Голова хотя была пуста и я во всемъ себѣ чувствовалъ чрезмѣрную слабость, но дѣло шло своимъ порядкомъ, пока я занимался съ учениками. Вдругъ подали чай, занятія прекратилась. Принявъ чашку, начинаю пить и слышу, что засыпаю. Я всталъ со стула, прошелся; но лишь только сталъ доливать чай, чашка выпала изъ рукъ и разбилась. Всѣ обратили на меня глаза, я сконфузился и, извиняясь, сказалъ, что у меня закружилась голова. Разумѣется, надобно было оставить урокъ, не кончивъ; я испросилъ дозволеніе и, возвратившись домой, проспалъ почти сутки.

Когда объ этомъ случаѣ разсказалъ я моей наставницѣ, она замѣтила: «что за бѣда, еслибъ ты сказалъ, что двое сутокъ не спалъ; причина неспанья уважительна; никто за это не осудилъ бы тебя, а между тѣмъ сохра-

Digitized by Google

нилась бы правда. Однако не хорошо изнурять себя такъ; вѣрно, ты былъ въ театрѣ?»

Точно такъ! Игралъ пріѣхавшій изъ Петербурга знаменитый Шушеринъ, и мнѣ хотѣлось посмотрѣть его.

«То-то и есть. Любить театръ не мѣшаетъ, но быть къ нему пристрастнымъ недолжно; излишняя страсть, даже къ святому и благородному дѣлу, не совсѣмъ похвальна: какъ страсть, она возмущаетъ ровное состояніе человѣка, а какъ страсть излишняя или, какъ говорятъ, необузданная, она портитъ нашу дѣятельность, заражая собою всякое другое занятіе.»

Я согласился, сталъ посѣщать театръ изрѣдка, и то, когда было свободно.

Уравновѣсивъ нѣсколько существенныя свои обязанности съ обязанностями произвольными и по прихоти, я кое-какъ плелся за хорошими учениками въ Реторикѣ и, при концѣ курса, назначенъ былъ къ переводу подъ № 28.

Окончательные реторическіе экзамены съ трудомъ выдерживались и хорошими учениками. Начинались они съ 1-го числа Іюля и продолжались недѣлю и болѣе; производились строго, потому-что переведенные въ Философіи считались уже студентами. Экзаменовалъ Префектъ, съ помощію одного или двоихъ изъ лучшихъ студентовъ, для надзора, и не въ присутствіи учителя Реторики. Экзаменъ состоялъ изъ устныхъ вопросовъ, экспромтовъ и изъ сочиненій на бумагѣ, которыя надлежало переписывать и подавать, не выходя изъ класса, и которыхъ, въ продолженіе испытаній, задавалось не менѣе четырехъ, два по-русски и два по-латыни, прозой и стихами. Учениковъ въ Реторикѣ числилось по

Digitized by Google

списку больше 200; старшихъ спрашивали всѣхъ, въ классѣ поэтому приходилось сидѣть часовъ 8, а когда давали сочиненіе, то и 10, съ небольшимъ промежуткомъ для обѣда. Во время сочиненій экзаменаторъ, уходилъ, оставляя помощниковъ: каково же было намъ, экзаменующимся? Въ жару, въ тѣснотѣ, съ охапкою книгъ, утомленные уже вопросами и тутъ еще задача; надобно думать, справляться, сочинять. Бѣда да и только. Со многими случалось, что закружится голова или хлынетъ кровь изъ носу. Мой экзаменъ прошелъ однако благополучно, безъ особыхъ приключеній. На вопросы я отвѣчалъ хорошо, какъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось самому, и сочиненія подалъ всѣ.

Спокойный, отдыхаю послѣ трудовъ и гуляю, въ полной надеждѣ, что переведутъ; но меня не перевели и, даже, чуть было не исключили.

Въ Сентябрѣ, послѣ вакаціоннаго времени, продолжавшагося полтора мѣсяца, когда обыкновенно бывали переводы и въ Философію переводили Ректоръ и Префектъ, оба, въ спискѣ переводимыхъ меня неупомянули. Выкликнутые со второй парты, всѣ уже вышли, остался я одинъ; стали выкликать съ третьей парты, перевели человѣкъ пять и сверхъ списка, а я все стою и жду. Наконецъ прочитали молитву, ученики прокричали *Gratias agimus*, и переводившіе вышли. Что дѣлать? Въ слезахъ обращаюсь къ учителю; учитель говоритъ: не знаю; бѣгу къ Префекту, чтобъ узнать хоть причину, можетъ быть мои задачи очень худы; не застаю въ кельяхъ (Префектъ былъ монахъ и Архимандритъ). Домой придти стыдно; жду часъ, два и три, а сердце такъ выскочить и хочетъ. Возвращается Префектъ: онъ былъ у Ректора; являюсь и кланяюсь чуть не въ ноги.

Digitized by Google

«Ты негодяй», закричалъ Префектъ, тебя надо исключить, пошелъ вонъ!» и затопалъ ногами.

Уничтоженный совсѣмъ, иду прямо къ моей доброй наставницѣ.

Что съ тобой? На тебѣ лица нѣтъ.

Я въ большомъ горѣ: меня не перевели.

Какъ такъ? Видно ты слабо учился?

Нѣтъ, не слабо; я былъ представленъ къ переводу и выдержалъ экзаменъ не хуже многихъ.

Тутъ я разсказалъ всю случившуюся исторію. Наставница покачала головою и сказала: «не похвально поступилъ Префектъ; для чего бы не сказать причины, можетъ быть дѣло объяснилось бы какъ нибудь и въ твою пользу; ты не былъ бы обиженъ, и онъ соблюлъ бы справедливость. Не намекъ ли это на то, что ему чего нибудь отъ тебя хочется: въ такомъ случаѣ, я пособлю тебѣ. Поговори съ своими родными и приди ко мнѣ, скажи.»

Дома выслушали мое горе съ сожалѣніемъ и, конечно, не безъ упрековъ, что мало занимался. На другой день былъ у насъ зять, который зналъ, что я учусь недурно. Распросивши о подробностяхъ дѣла и посмотрѣвши экзаменныя задачи, которыя вчернѣ у меня сохранились, онъ взялся поговорить съ Префектомъ. Префектъ, на всѣ убѣжденія, что я перевода стою, отвѣчалъ: «онъ худой нравственности, и теперь перевести нельзя, о переводахъ донесено уже Митрополиту; довольно, что не исключаемъ.» Затѣмъ, такъ упорно защищалъ провоту своего поступка, что зять оскорбился и бросилъ дѣло, проговоривъ, къ моему утѣшенію: «плевать! Два лишніе года — бѣда невелика.»

Безнравственъ я не былъ: это знали и дома и въ школѣ. Чтожъ за причина? Гадали, гадали всѣ, и кон-

Digitized by Google

чали тѣмъ, что согласились на заключеніе зятя, т. е. положили учиться мнѣ въ Реторикѣ еще два года, Но меня мучило недоумѣніе и какое-то отвращеніе отъ Реторическаго класса. Прихожу къ своей наставницѣ, объясняю все, какъ было и спрашиваю мнѣнія.

«По моему мнѣнію, отвѣчала наставница, лучше совсѣмъ оставить Академію и поступить въ Университетъ. Свѣтское званіе тебѣ свойственнѣе; выдешь студентомъ, отправляйся на службу въ Петербургъ, и если сначала трудно будетъ тебѣ жить, я помогу: все твое содержаніе, покуда неоперишься, возьму на себя, хотя бы это потребовало нѣсколько тысячь.»

Утѣшительныя слова! Какъ такой благодѣтельницѣ не пожелать отъ всей души царства небеснаго? Вышло не по мнѣнію; но слова частію были вѣщи.

На мое счастіе, или такъ было угодно Богу, недобрый для меня Префектъ какъ-то заболѣлъ и скоро, въ томъ же Сентябрѣ мѣсяцѣ, померъ. На его мѣсто, Префектомъ и учителемъ Философіи, сдѣлали учителя Реторики, и меня, безъ всякихъ затрудненій, тотчасъ взяли въ Философскій классъ. Горе мое кончилось; я остался въ Академіи.

Мнѣ живо помнится день погребенія покойнаго Префекта; я слышалъ тогда превосходный концертъ знаменитаго Дегтерева: *плачу и рыдаю*. Этотъ концертъ сочиненъ былъ, не задолго до помянутаго дня, на смерть Колокольникова, у котораго былъ свой хоръ пѣвчихъ, слывшій въ то время лучшимъ, или первымъ въ Москвѣ Для большей торжественности, или и по другой причинѣ, на погребеніе Колокольникова пригласили Академическихъ пѣвчихъ, и концертъ пѣли оба хора вмѣстѣ. Публика огромная; концертъ новый, разучалъ самъ

Digitized by Google

композиторъ. Говорятъ, когда запѣли, сдѣлалась въ церкви (Никиты Мученика въ Басманной) глубокая тишина, потомъ какое-то глухое волненіе, наконецъ все заплакало и зарыдало; неудержались и сами пѣвчіе и на словахъ: *о чудесе!* должны были пріостановиться. Этотъ-то концертъ, въ награду за претерпѣнное горе, удалось мнѣ слышать при отпѣваніи тѣла нашего Префекта. Академическіе пѣвчіе пѣли его по составленной регентомъ копіи на память; но и тутъ нельзя было слушать безъ особеннаго чувства, нетрогаясь печальною церемоніею.

Поступивъ въ Философскій классъ, съ званіемъ студента, я, казалось, выросъ и тѣломъ и душою. Продолжая давать уроки по домамъ, я не стыдился уже называть себя учителемъ. Любимая мною наставница радовалась, что я сталъ держать себя посвободнѣе, не стѣснялся въ разговорахъ и обращеніи, какъ это было прежде. Въ школу ходилъ съ тросточкою, книгъ не носилъ, а носилъ кое-какія нужныя тетрадки за пазухою.

Въ Философскомъ классѣ преподавали философію по Баумейстеру, въ полномъ объемѣ; въ систему входила и Физика. Пособіемъ служили Винклеръ и Вольфъ. Другихъ наукъ никакихъ не читали, не знакомили и съ другими философами. Языки хотя и продолжались, но ими, большею частію, занимались студенты сами, не посѣщая классовъ.

Философскія лекціи начинались Логикою и продолжались чрезъ весь двугодичный курсъ по порядку учебника. Учитель требовалъ иногда отчета въ лекціяхъ, а иногда проходило такъ, безъ повтореній. Успѣхи повѣрялись задачами, устно и письменно.

Устныя задачи состояли изъ такъ называемыхъ *объекцій:* учитель бралъ въ учебникѣ какой нибудь *тезисъ,*

Digitized by Google

положеніе, и назначалъ диспутантовъ, т. е. дефендента, который долженъ защищать тезисъ, и объеціента, которому поручалось возражать и опровергать защитника. Такого рода диспуты производились и публично, предъ окончаніемъ каждаго учебнаго года, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, и въ нихъ могли участвовать всѣ посѣтители.

Письменныя задачи, это — разсужденія на философскую тему, заданную учителемъ или избранную самимъ студентомъ и учителемъ одобренную. Разсужденія сочинялись по третямъ года, на Русскомъ и Латинскомъ языкахъ. Ихъ учитель прочитывалъ и замѣчательныя по отдѣлкѣ и хорошимъ мыслямъ или по особенной, стоющей вниманія, безсмысленности, разбиралъ критически въ классѣ при всѣхъ студентахъ.

Учитель былъ экспериментализтъ, человѣкъ ума неглубокаго, но здравомыслящій и начетчикъ. Онъ не зналъ Германской Философіи, вѣрилъ чувствамъ и, кажется, былъ врагъ идеализма. Какъ съ Баумейстеромъ далеко не уйдешъ, то случалось не рѣдко, что въ объекціяхъ дефендентъ станетъ въ тупикъ и, неумѣя какъ сладить съ возраженіемъ, обращается къ учителю. Учитель отдѣлывался смѣшками, и диспутъ останавливалъ. Съ любопытствомъ ожидая рѣшенія, студенты, послѣ класса, поспорятъ и потолкуютъ сами; но тѣмъ дѣло и оканчивалось.

Въ Философіи, какъ классѣ студентовъ, было довольно свободно; тутъ, кромѣ выговора, учащіеся не подвергались уже никакимъ другимъ штрафамъ или наказаніямъ. Студенты собирались на лекціи поздно, не за часъ или полчаса до учителя, какъ въ классахъ ученическихъ; нерѣдко приходили при учителѣ, а иногда и совсѣмъ не приходили. При такой свободѣ можно было учиться

Digitized by Google

и хорошо и худо. Опасались одного, что, по окончаніи Философскаго курса, если не исключать, то не дозволять перейти въ Богословскій классъ; и тогда надлежало или выдти изъ духовнаго званія вовсе или лишиться права занять священнослужительское мѣсто въ Москвѣ. По этой причинѣ многіе оставляли Академію, не бывъ въ Богословіи, и опредѣлялись въ села діаконами и священниками; въ Москву же на такія мѣста поступали одни кончившіе полный Акад. курсъ.

Не хорошо было, что въ сельскіе священники выходили тогда люди совсѣмъ неучившіеся необходимымъ въ ихъ санѣ наукамъ Богословскимъ: этому, сколько могу теперь понять, имѣлись свои причины. Во первыхъ, право оставлять духовное званіе и поступать въ гражданскую службу изъ всякаго класса, простиравшееся даже на дѣтей церковнослужительскихъ; отъ чего вездѣ въ присутственныхъ мѣстахъ между служащими считалось недоученыхъ школьниковъ изъ духовныхъ училищъ едва не на половину. Во вторыхъ, изъ Поэзіи и Реторики часто требовали способныхъ учениковъ въ другія училищныя вѣдомства, напр. въ Медико-Хирургическую Академію, въ Педагогическій Институтъ, особенно въ первую, которая преимущественно и наполнялась семинаристами, какъ знающими Латинскій языкъ. Въ третьихъ, многіе студенты, не только Философіи, но и Богословія переходили въ Университетъ, желая получить дальнѣйшее и болѣе обширное образованіе или имѣя особенное расположеніе къ свѣтской жизни; и поэтому въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и гражданскихъ и военныхъ, вездѣ бывало встрѣтишь одного, двухъ или трехъ учителей изъ духовнаго званія.

Такимъ образомъ въ нашей Славяно-греко-латинской академіи, не смотря на многочисленность учащихся,

Digitized by Google

оканчивали полный, или Богословскій курсъ очень не многіе, такъ что, за распредѣленіемъ ихъ на священнослужительскія мѣста въ Москвѣ, недоставало иногда достойныхъ кандидатовъ во священники не только по селамъ, но и по городамъ уѣзднымъ. За то Правительство много имѣло дѣльнымъ людей на службѣ въ должностяхъ гражданскихъ, ученыхъ и, даже, военнаго вѣдомства.

Въ Философіи я учился ни худо, ни хорошо и принадлежалъ къ разряду студентовъ средней руки. Философствовать я любилъ, преподаваемою въ Академіи системою не былъ доволенъ; потому ли, что мнѣ было некогда заняться внимательно лекціями нашего учителя, или потому, что эмпирическое направленіе не согласовалось съ моимъ духомъ. Вѣрнѣе и то и другое; и первое, кажется, было причиною, что въ послѣдствіи не сдѣлался я скучнымъ схоластикомъ, или покорнымъ чтителемъ своелюбиваго Аристотеля, который, какъ мужъ многоученый, могъ бы развить высокое ученіе своего наставника, еслибъ не глупыя, особенно въ лицѣ Философа, гордость и самолюбіе.

Мнѣ очень нравилась Физика, и я не смотря на недосуги, посѣщалъ Университетъ и слушалъ почтеннаго П. И. Страхова. Въ Университетѣ я выслушалъ Гидравлику и ученіе объ электричествѣ, теоретически и въ опытахъ; и это мнѣ очень пригодилось, когда, ex officio, надобно было знать Механику и науку о невѣсомыхъ въ мірѣ физическомъ.

Нѣмецкимъ языкомъ я хотъ мало занимался, но все-таки кой-что зналъ. Вдругъ, на второмъ году въ Философіи, бросилъ Нѣмецкій языкъ и сталъ учиться Французскому, въ ущербъ настроенія моихъ мыслей къ идеализму. Столь внезапный переворотъ случился такъ:

Digitized by Google

Въ одномъ домѣ, гдѣ я давалъ уроки, старшая сестра моихъ учениковъ, дѣвица однихъ со мною лѣтъ, такъ завлекла меня, что вся моя философія чуть-было не рушилась. Въ домѣ этомъ я никогда не обѣдалъ и не бывалъ на вечерахъ; слѣдовательно, прельстительницу свою не иначе могъ видѣть, какъ во время ученья, и то не въ учебной комнатѣ, а чрезъ залу въ гостиной, куда она впрыгивала по часту, рѣзвилась и красовалась передъ зеркаломъ. Незнакомый съ практическимъ романтизмомъ и сидя съ своими учениками за столикомъ, бокомъ къ раскрытымъ дверямъ залы, я долго не замѣчалъ проказъ рѣзвушки, и она, вѣрно, ужъ думала и не разъ говорила: *ахъ какъ простъ Петруша мой*. Чтобъ обратить на себя вниманіе такого простачка, какъ *Петруша,* рѣзвушка эта стала высылать ко мнѣ, съ маленькой своей сестричкой, букеты прекрасныхъ цвѣтовъ. затѣйливо подобранныхъ и перевязанныхъ ленточкою, и высылала каждый день, когда я приходилъ для урока. Получивъ первый букетъ, и поблагодаривъ дитя, я, безъ всякаго заключенія, полюбовался цвѣтами, принесъ ихъ домой и поставилъ въ стаканъ, похвастався передъ сестрами. При второмъ букетѣ, я вздумалъ спросить малютку: много у васъ цвѣтовъ? Много! И вы сами нарвали? Нѣтъ! нарвала сестрица и велѣла мнѣ отнести къ вамъ. Я поцаловалъ маленькую посланницу и сказалъ: поблагодарите вашу. сестрицу.

Получивъ букетъ въ третій разъ, я задумался. Благодарность чрезъ посредство — холодна, и повторять благодарность — значило бы худо цѣнить жертву, особенно отъ такого лица, которое сама природа заставляетъ насъ уважать. Чтожъ тутъ дѣлать? Поблагодарить лично — нельзя; дожидаться случая увидѣться близко — не скоро дождешься, а можетъ быть случая и совсѣмъ не

Digitized by Google

выпадетъ. Въ раздумьи, я далъ учившимся дѣтямъ задачку, а самъ, вставши со стула, началъ ходить по комнатѣ. По обыкновенію, рѣзвушка моя выскочила въ гостиную; я встрепенулся, посмотрѣлъ на дѣтей — дѣти занимаются, и когда увидѣлъ, что рѣзвушка взглянула въ нашу комнату, вдругъ, какъ бы нечаянно, по какому-то безсознательному движенію, послалъ къ ней воздушный поцѣлуй. Рѣзвушка убѣжала, меня бросило въ жаръ; но дерзкой и неприличный поступокъ уже сдѣланъ.

Съ тяжкою мыслію, что теперь будетъ со мною, я хотѣлъ было сѣсть на стулъ, но побоялся; дѣти замѣтятъ мое смущеніе. Хотѣлъ кончить ученье, но не пришло время; сочтутъ страннымъ и сдѣлаютъ вопросъ. Я продолжалъ ходить и чувствовалъ, что положеніе мое безвыходно; рвался, какъ птичка, попавшая въ сѣть, и былъ въ отчаяніи. Но минутъ чрезъ пять или шесть, рѣзвушка, какъ ангелъ хранитель, явилась опять въ гостиной, веселенькая, и, выбравши удобное время, сдѣлала мнѣ маленькій реверансъ и, за мою дерзость, заплатила такимъ же поцѣлуемъ. Какъ гора свалила съ плечъ: значитъ, она ничѣмъ не обидѣлась; значитъ, не сказала матери о моемъ поступкѣ, значитъ поняла, что я горюю и вышла утѣшить. О, какъ это разумно и благородно! Обрадованный такъ внезапно, я готовъ былъ перелетѣть залу, броситься на колѣни и излить предъ ней всю мою душу, еслибъ было возможно, еслибъ никто не увидѣлъ. Сердце мое билось; но я сталъ, какъ вкопаный и въ отвѣтъ не смѣлъ подать ни малѣйшаго знака.

Успокоившись и кончивъ урокъ, я весело возвратился домой, какъ кадетъ послѣ перваго, но жаркаго сраженія, и началъ помышлять уже о тактикѣ и о войнѣ наступательной. Нечаянный дебютъ удался и былъ принятъ хорошо; почему жъ не попытаться повторить?

Digitized by Google

Я такъ и сдѣлалъ, попытался; мнѣ отвѣчали, и—такимъ образомъ — устроился между нами родъ электрическаго телеграфа, чрезъ который мы безмолвно передавали другъ другу свои чувства.

Прошло недѣли двѣ. Телеграфическое сообщеніе показалось мнѣ недостаточнымъ, хотѣлось поговорить: тоже, кажется, чувствовала и моя контръ-агентка, стараясь выразиться жестами. Мнѣ нельзя было говорить жестами, да я и не умѣлъ; придумать другое средство для переговора — въ чужомъ домѣ, гдѣ я посторонній и гдѣ въ семейный кругъ меня не приглашаютъ — тоже я не могъ. Все зависѣло отъ контръ-агентки, и она придумала.

Между переднею и учебною комнатою находилась еще комната, чрезъ которую я входилъ и выходилъ и которая сообщалась со внутренними, надворными апартаментами дома. Разъ, когда я проходилъ чрезъ эту комнату, вбѣжала милая моя шалунья, сдѣлала мнѣ привѣтствіе рукою и убѣжала. Я вздрогнулъ, на привѣтствіе отвѣтить не успѣлъ, но понялъ, что тутъ можно иногда сказать съ нею слова два или три; потому что человѣкъ, который меня встрѣчалъ, тотчасъ уходилъ сказать дѣтямъ о моемъ приходѣ, и я минуты на три оставался совершенно одинъ. Дѣйствительно, въ слѣдующій же мой приходъ мы успѣли поговорить, и она позволила мнѣ пожать и поцѣловать руку.

Однажды, при подобномъ свиданіи, она сказала мнѣ нѣсколько словъ по французски и, когда я, не безъ стыда, отвѣчалъ, что по французски не знаю, возразила съ какимъ то обязательнымъ тономъ: «какъ же это? Французскій языкъ нужно знать.» Я далъ слово и Нѣмецкій языкъ бросилъ.

Digitized by Google

Мы были невинны и чисты, какъ дѣти, но таились; мы любили другъ друга, любили видѣться, говорить и передавать поцѣлуи, но только воздушные. Я берегъ ея цвѣты; весело встрѣчалъ день, когда мнѣ надобно было быть въ ихъ домѣ; она безпокоилась, слегка выговаривала, когда я приходилъ къ нимъ поздно или совсѣмъ не приходилъ, какъ это случилось два раза, по необходимости. Дома не знали о душевныхъ моихъ движеніяхъ, не знала и моя наставница; впрочемъ, эта умная и проницательная женщина находила во мнѣ маленькую перемѣну, какую-то сдержанность и сантиментальность. Незнаю, что бы со мною случилось дальше, еслибъ эта чисто-сердечная связь продолжилась. Нашествіе Французовъ разорвало ее, и мы разлучились навѣки; но я никогда незабуду существа, которое вызвало изъ души моей новое чувство, неземное. Быть можетъ, безъ милой моей прельстительницы, это чувство заглохло бы во мнѣ или возродилось бы только по земному.

—

III. ШКОЛА ВО ВРЕМЯ И ПОСЛѢ НАШЕСТВІЯ ФРАНЦУЗОВЪ.

Въ двѣнадцатомъ году, когда въ Москвѣ, при вторженіи Наполеона I-го въ предѣлы Россіи, все пришло въ судорожное движеніе, пріуныла и Славяно-греко-латинская академія. Это — былъ ея предсмертный часъ. Съ самой весны, по мѣрѣ того, какъ приближался непріятель, ученіе и надзоръ слабѣли, классы пустѣли, учители не занимались, думая о себѣ, опускали свои часы; начальники-монахи недоумѣвали, что дѣлать съ академіею и что будетъ съ ними.

Digitized by Google

Въ Москвѣ вербовались полки изъ охотниковъ. Многіе ученики и студенты бросились въ военную службу и нарядились уже въ мундиры, гусарскіе и уланскіе. Чуть было не соблазнился и я. Почемужъ и не такъ? Всѣ идутъ на защиту отечества, я не пришлецъ и не сирота въ Россіи; у меня есть отецъ и сестра-мать, есть любимая наставница, есть другъ души. Почему не пожертвовать за нихъ своею наукою, своими силами, а если придется, и самою жизнію? Почему не стать за отечество, гдѣ у меня столько драгоцѣннаго? Никто мнѣ на это не возразилъ, кромѣ одного задушевнаго друга, и то не словами, а слезою, предвѣстницею нашей разлуки; и я непремѣнно бы ушелъ или въ кавалеристы или въ ополченіе, еслибъ сильный въ свое время Митрополитъ Платонъ, управлявшій тогда Московскою Епархіею, не сдѣлалъ вскорѣ распоряженія, по которому вербовать учащихся въ Духовныхъ училищахъ строго было воспрещено.

Въ Августѣ московскіе жители стали выѣзжать, выѣхала и моя наставница, съ семействомъ, увезли и моего друга; я остался безъ дѣла, мрачный и грустный, какъ осенняя ночь. Сборы въ присутственныхъ мѣстахъ, вывозъ казеннаго имущества, гоненіе отъ черни иностранцевъ, непріятныя афишки и другаго рода тревоги, напр. толки, что Наполеонъ-антихристъ, что онъ печатаетъ плѣнныхъ звѣриною печатью, выжигая знаки на тѣлѣ и проч. все это, какъ тяжелымъ камнемъ, давило мой духъ.

Отецъ мой выѣзжать и не думалъ: «что мнѣ, старику, сдѣлаютъ Французы и какъ я оставлю церковь? (онъ былъ священникъ). Грѣхъ предъ Богомъ!» — Вотъ его отвѣты на всѣ убѣжденія выѣхать и насъ вывезти. Старшая сестра, которая была правою рукою отца, рѣши-

Digitized by Google

лась было съ нимъ остаться; младшія сестры, замужнія, собрались и, какъ ихъ мужьямъ нельзя было выѣхать, то упросили меня и одного родственника, такого же, постарѣе меня годомъ, школьника, проводить ихъ.

26 Августа, въ день Бородинской битвы, вечеромъ, выѣхалъ я съ сестрами на трехъ, нагруженныхъ ихъ имѣніемъ, подводахъ, по Троицкой дорогѣ, чрезъ Александровъ, во Владимірскую губернію къ Юрьеву-Польскому. Въ Красномъ селѣ, въ двухъ верстахъ отъ Юрьева, находился отецъ старшаго изъ моихъ зятьевъ священникомъ, человѣкъ семейный, но зажиточный. У него предположено было остановиться на время и выждать дальнѣйшаго хода военныхъ дѣйствій, и мы остановились, пріѣхавъ въ 30 день Августа.

Какъ я и товарищъ мой ѣхали только проводить, оставивъ въ Москвѣ одинъ отца, а другой мать, то въ слѣдующій же день отправили насъ, тѣмъ же путемъ, обратно. Доѣхавъ до Сергіевскаго Посада и не имѣя при себѣ никакихъ видовъ, мы по-боялись ѣхать далѣе; потому что крестьяне подмосковныхъ селеній также, какъ и простой народъ въ Москвѣ, подозрѣвали Французовъ, что они разсылаютъ шпіоновъ, и раздраженные противъ врага, хватали подозрительныхъ имъ людей, водили ихъ на расправу и били.

Дорогою мы слышали еще, что какой-то ученикъ Троицкой семинаріи, проходя одною деревнею, принятъ былъ мужиками за шпіона; его схватили и, съ толчками, привели въ сборную избу. На вопросъ; кто такой? приведенный замялся, сначала назвалъ себя студентомъ, потомъ семинаристомъ, но ни чѣмъ не могъ доказать своего званія. «А! это хранцускій фискала, закричали

Digitized by Google

мужики, связать его и представить къ начальству,» и связали бы непремѣнно, если бы сотскому, который былъ поумнѣе, не попало въ голову, какъ вывѣдать правду. «Стой ребята, закричалъ сотскій, коли не фискала, а семинаристъ, такъ онъ чай знать *Богородичу*,» и обратившись къ ученику сказалъ: «читай *Богородичу*!» Разумѣется, семинаристъ зналъ молитву *Богородице Дѣво*, прочиталъ и такимъ образомъ избавился отъ бѣды.

Боязнь быть схваченными, подобно Троицкому семинаристу, заставила насъ явиться къ ректору Троицкой семинаріи и просить, нельзя ли выдать намъ билеты, какіе обыкновенно выдавались ученикамъ и студентаиъ во время отпусковъ. Ректоръ, родственникъ одного изъ моихъ зятьевъ, зналъ и могъ бы снабдить насъ видами, но не рѣшился, по причинѣ носившихся неблагопріятныхъ слуховъ, и уговорилъ пробыть у него до другаго дня, т. е. до 3 числа Сентября, опасаясь отпустить насъ, что бы на попали какъ на непріятеля. Дѣйствительно, вѣстей, что дѣлается въ Москвѣ, приходило много; народъ толпами тянулся къ Троицѣ, но никто ничего не могъ сказать опредѣленнаго: одни говорили, что видѣли наши войска по сю сторону Москвы, другіе — что Французы уже въ Москвѣ, третьи—что вошли въ Москву не Французы, а Англичане, на помощь. Москвичи и жители подмосковные наполнили весь посадъ; мы искали попутчиковъ въ Москву, но никто не вызвался; всѣ направлялись далѣе, по Ярославскому тракту, шли и ѣхали во всю ночь. Однимъ и безъ видовъ, какъ пуститься къ Москвѣ? Почему и рѣшились мы ночевать у Ректора, какъ онъ намъ совѣтовалъ или приказывалъ.

Ночь мы совсѣмъ не спали; проговорили о своихъ родныхъ и прогоревали. Утромъ пришла вѣрная вѣсть, что въ Москву вошли Французы и — вчера, т. е. 2

Digitized by Google

числа Сентября, вечеромъ. Въ Посадѣ сдѣлалась страшная суета; народъ не то, что шелъ или ѣхалъ, а бѣжалъ и скакалъ. Площадь опустѣла, многія лавки закрылись, посадскіе чины убрались; всякъ, кто могъ уйдти уходилъ; кто не могъ, незналъ, что дѣлать. Въ монастырѣ нарушился порядокъ Богослуженія, монахи задумались и, тоже, порывались удалиться, подъ предлогомъ, что надобно вывезти монастырскія сокровища.

Одинъ маститый старецъ, Митрополитъ Платонъ, жившій въ то время въ Виѳаніи, за три версты отъ Сергіевой Лавры, мужественно принялъ печальную вѣсть и, съ опытнымъ упованіемъ на Бога, какъ бы предрекъ, что непріятель въ Лаврѣ не будетъ. Во все пребываніе Французовъ въ Москвѣ, онъ не выѣзжалъ изъ Виѳаніи, кромѣ какъ въ Махрищскую обитель, за 40 верстъ, и то на одни сутки, управлялъ Лаврой и подвѣдомственными ей монастырями, хотя былъ на покоѣ, уволенный отъ заботъ епаршескихъ. Секретарь его распоряжался въ Посадѣ, какъ чиновникъ полиціи, и все шло спокойно, по добру и по здорову. Провидѣніе еще разъ спасло обитель Преподобнаго Сергія: Французы были въ Дмитровѣ и Александровѣ, но въ Сергіевскій Посадъ не показывались.

Вотъ еще черта прозорливости Пресвященнаго Платона: въ тотъ самый день, когда непріятель оставилъ Москву, онъ, сидя за обѣдомъ, какъ бы забылся или вздремалъ, что подъ старость случалось съ нимъ нерѣдко, но вдругъ, нѣсколько очнувшись, произнесъ: *вышелъ*, и впалъ опять въ забвеніе. Обѣдавшіе съ нимъ изумились, не понимая, что значитъ слово *вышелъ;* но на другой день узнали, что точно непріятель вышелъ.

Достойный этотъ Святитель будто ждалъ исполненія своихъ пророчествъ; онъ скончался не съ большимъ

Digitized by Google

черезъ мѣсяцъ, когда враговъ Россіи далеко уже загнали отъ Москвы.

Ночевавъ у Ректора, мы, по его наставленію, тѣмъ же утромъ отправились назадъ, въ Красное село. Тутъ-то мы почувствовали себя круглыми сиротами, безъ родителей и безъ крова, и дорогою долго не могли говорить, молча взглядывали другъ на друга и чуть не плакали. Когда пріѣхали въ Александровъ, случайно остановились у одного красильщика, въ домѣ котораго расположился, тоже проѣздомъ, какой-то помѣщикъ, съ большимъ семействомъ; для нихъ готовили кушанье и накрывали столъ. Чтобъ не стѣснять ни барь, ни людей, мы, перекусивши кое-чего, вышли на крыльцо; вышелъ къ намъ и помѣщикъ, мужчина среднихъ лѣтъ, съ лицомъ добрымъ и пріятнымъ. Распросивъ кто мы такіе, какъ и куда ѣдемъ, и видя жалкое наше положеніе, онъ далъ моему товарищу пятирублевую ассигнацію. Тотъ посовѣстился было принять, но принялъ, потому-что денегъ съ нами было очень мало. Я еще имѣлъ рублей пятнадцать, а у него не было и трехъ. Предполагая возвратиться въ Москву чрезъ недѣлю, мы ничѣмъ не запаслись достаточно, ни платьемъ, ни обувью, ни деньгами; все осталось дома, а я, по глупости, оставилъ и деньги. Когда нашъ незнакомый благодѣтель удалился, мы прослезились оба. «Это братъ, милостыня,» сказалъ я товарищу, «вотъ до чего мы дожили,» и съ этими слова ми отказался отъ участія въ подаяніи, за что мой товарищъ, сначала, на меня посердился.

Въ Красномъ селѣ, сестры ждали своихъ мужей, а пріѣхали мы. Возвращеніе наше всѣхъ перепугало; но, къ счастію, часа черезъ два послѣ насъ, прибыли и зятья. Разсказамъ, сужденіямъ, предположеніямъ не было

Digitized by Google

конца; но все сходилось къ одному: посмотримъ, что будетъ дальше; авось, Богъ милостивъ. Трусости замѣтно не было; не трусилъ и я, а рвался и думалъ, какъ бы пробраться въ Москву: но какъ ничего придумать не могъ, а сестры и зятья смѣялись надъ моими порывами, считая ихъ ребячествомъ, то я успокоивалъ себя надеждою, что буду непремѣнно въ Москвѣ, спорилъ и стоялъ за это, какъ за правду.

При новомъ образѣ жизни, безъ дѣла, безъ заботъ съ одною тупою грустію, время тянулось долго; чтобъ сократить его, я и товарищъ мой, каждый торговый день, ходили въ городъ, т. е. въ Юрьевъ, за вѣстями. Слуховъ было много, но вѣрныхъ — никакихъ; объ извѣстіяхъ же оффиціальныхъ и думать было нечего.

Сидя въ домѣ на лавкахъ, мы, повременамъ, смотрѣли на какую-то старинную карту, разводили полки, судили и рядили сами; но какъ ни храбрились, два раза были встревожены порядочно: разъ, когда въ селеніе Симу, въ 17 верстахъ отъ села Краснаго, привезли раненаго Багратіона; другой, когда увидѣли проходящаго нашимъ селомъ даточнаго крестьянина съ полуобритымъ лбомъ.

Раненый вскорѣ померъ, и мы разсуждали: если палъ такой Генералъ, какъ Багратіонъ, то значитъ наши военныя дѣла худы, и стали говорить, не убраться ли намъ куда подальше.

Крестьянинъ же, привезенный и принятый въ рекруты, точно шелъ изъ Владиміра, гдѣ вдругъ сдѣлалась тревога; жители бросились вонъ изъ города, Рекрутское присутствіе оставило пріемъ и даточные разошлись; вышло однако: пуганая ворона куста боится. Владимірскіе ратники завидѣли гдѣ то взводъ нашихъ

Digitized by Google

драгунъ, сочли ихъ за Французовъ, прибѣжали въ городъ, и все всполошилось. Незная настоящей причины тревоги, мы и наши хозяева уложили имѣніе на телеги и приготовили лошадей, на случай, чтобы, коли непріятель двинется изъ Владиміра къ Юрьеву, тотчасъ выѣхать въ лѣсъ или куда нибудь въ болѣе безопасное мѣсто. На другой день пустая тревога обнаружилась, и мы разъэкипажились, смѣясь надъ своею и общею трусостію.

Въ Красномъ селѣ я прожилъ мѣсяца полтора. Какъ скоро пришло извѣстіе, что Французы изъ Москвы вышли, младшій зять тотчасъ туда отправился, на рекогносцировку, и на четвертый день привезъ вѣсть, что отецъ мой живъ, но раненъ, и что домъ старшаго зятя, находившійся на Лубянкѣ, цѣлъ; слѣдовательно, есть гдѣ пріютиться.

На другой день, по пріѣздѣ зятя, мы всѣ, кромѣ сестеръ и ихъ дѣтей, пустились въ Москву, на пепелище, запасшись всякою провизіею; пріѣхали на четвертый день вечеромъ; была страшная вьюга; въ домѣ зятя пристать оказалось нельзя: окна всѣ перебиты и комнаты занесены снѣгомъ. Къ счастію, скоро сыскали пріютъ, во дворѣ у сосѣда; дали намъ небольшую комнату, хотя совсѣмъ нетопленную, но, по крайней мѣрѣ со стеклами и съ печкою. Тутъ мы поселились, затопили печь, нагрѣли кушанья, поужинали, легли спать и чуть-чуть не переугорѣли.

Утромъ, всѣ принялись за свои дѣла. Я отправился къ отцу и нашелъ его въ подвалѣ, гдѣ онъ, послѣ пожара, нашелъ пристанище съ другими, подобными страдальцами, и жилъ во все время пребыванія Французовъ въ Москвѣ. На немъ была изорванная женская шубейка, опорки, грубое и дырявое нижнее платье, на головѣ обвязка тряпкою.

Digitized by Google

Я не могу описать чувства, съ какимъ встрѣтился съ бѣднымъ моимъ отцомъ; я заплакалъ и долго не говорилъ ни слова. Отецъ, всегда въ сердечныхъ движеніяхъ великодушный, ободрилъ меня своимъ мужествомъ, сказавъ: «полно! теперь ужъ прошло; я живъ, сестра жива и ты съ нами: надобно благодарить только Бога.» Тутъ онъ мнѣ разсказалъ, гдѣ находились сестра и какъ его поранили, или какъ его, неосторожнаго, Богъ спасъ отъ смерти.

Было такъ: наканунѣ, когда войти Французамъ, отецъ мой увѣрился, что Москва будетъ отдана; почему отпустилъ сестру и прислугу, верстъ за 50, къ одному родственнику, простился съ жильцами и остался въ домѣ совершенно одинъ. Французы вошли. Яузская часть, гдѣ находился домъ отца моего, не горѣла два дня. Въ это время, отецъ непрестанно принималъ и угощалъ непріятелей; незваные гости обидъ еще не дѣлали, забирали только вещи, кому что понравится. Такимъ образомъ въ домѣ все было пересмотрѣно и открыто: ворота стояли настежъ, комнаты не запирались, а чуланы сараи и погреба, послѣ посѣщеній, и не затворялись. На третій день явился Полякъ, потребовалъ отъ отца, чтобы показалъ, что у него есть, отецъ водилъ его вездѣ и говорилъ, что все уже взято. Полякъ не вѣрилъ, съ бранью и угрозами кричалъ по-русски: «врешь, у тебя гдѣ нибудь зарыто.» Старику показалось больно, что Полякъ или, какъ онъ рисовалъ его: «Полячишка, дрянь, такъ лѣтъ 18-ти, мозглявый,» помыкаетъ имъ и командуетъ. Спорили долго, остановились на крыльцѣ у жильцовъ, крыльцо вышиною въ три ступени. Разсерженный отецъ не стерпѣлъ, толкнулъ своего противника въ шею, и Полякъ съ крыльца полетѣлъ. Отецъ не оробѣлъ и не ушелъ; а Полякъ, оправившись, выхватилъ

Digitized by Google

саблю и, махнувши по головѣ, навѣрное зарубилъ бы его, еслибъ въ эту самую минуту не закричалъ и тѣмъ не остановилъ не равнаго поединка французскій офицеръ, ѣхавшій мимо. Полякъ оробѣлъ, ударъ былъ невѣренъ; однако отецъ упалъ. Офицеръ прогналъ Поляка, кликнулъ Русскихъ, и Русскіе подняли отца, перевязали ему рану и, когда загорѣлась Таганка, увели его на пруды Новоспасскаго монастыря, а потомъ помѣстили его съ собою въ подвалѣ, гдѣ я и нашелъ его, не совсѣмъ еще оправившагося отъ раны.

Не умѣю и не смѣю судить о поступкѣ отца; въ крайности, кажется, и я сдѣлалъ бы тоже: но многіе изъ родныхъ и знакомыхъ прямо говорили ему, что поступилъ неблагоразумно.

У отца моего все было расхищено, а домъ сгорѣлъ. Сестра выѣхала наскоро и взяла съ собою очень мало. У меня сберегліись два рубля серебромъ. На нихъ я купилъ отцу сапоги и шапку, а зятья снабдили его бѣльемъ, рясою и подрясникомъ.

Чрезъ двѣ недѣли все наше семейство сошлось на житье въ уцѣлѣвшій домъ старшаго зятя. Домъ былъ довольно великъ и, за размѣщеніемъ родственныхъ семей, немало приносилъ дохода отъ жильцовъ. Вскорѣ я началъ давать уроки и мало помалу сталъ разживаться. Академія долго не открывалась, цѣлый почти годъ; и на уроки времени у меня было довольно.

Жизнь въ Красномъ селѣ и жизнь въ Москвѣ не подъ своею кровлею памятны мнѣ и — памятны не столько по ихъ особенности, сколько по лѣтамъ созрѣвающаго юноши.

Въ Красномъ селѣ, такъ же, какъ и мы, стояла одна группа родныхъ, которую, кромѣ прислуги, составляли

Digitized by Google

двѣ дамы и двѣ племянницы ихъ, дѣвицы. Познакомившись съ нами, онѣ часто приглашали меня и товарища моего къ себѣ на вечера. Я любилъ бывать у нихъ; любилъ въ хорошіе дни гулять съ ними по полямъ, а въ дни сумрачные — играть въ карты. Въ этой группѣ больше всѣхъ нравилась мнѣ одна изъ племянницъ, которую сестры называли почему-то кокеткою, а мы съ товарищемъ — хорошенькою. Мнимая кокетка, живая и острая на слово, непрестанно острила надо мною, я ни мало не сердился и подшучивалъ надъ нею самъ, тетки смѣялись и бесѣды шли весело. На гуляньяхъ она часто брала меня за руку, подъ предлогомъ какой нибудь опасности, хваталась крѣпко и какъ бы въ шутку дѣлала иногда щипки. Все это было мнѣ пріятно, но я скромничалъ; я живо помнилъ сердечнаго своего друга, дарившаго меня цвѣтами и воздушными поцѣлуями, и не хотѣлъ измѣнить ему. Чтобы вышло дальше, не знаю, еслибъ Французы пробыли въ Москвѣ долго; но скромничать и въ двусмысленныхъ рѣчахъ и поступкахъ изворачиваться — мнѣ становилось очень трудно. Впрочемъ, когда я поѣхалъ, мы простились довольно холодно.

Съ заѣзжими дамами я игралъ въ карты по женски, т. е. безъ денегъ. Знакомство съ ними поколебало меня только въ сердечной вѣрности. Но какъ въ Красномъ селѣ досуга было много, то, на бездѣльи, я приучился играть въ карты на деньги, въ горку; сверхъ того, началъ пить водку. Играть въ горку меня согласили — товарищъ и одинъ молодой человѣкъ изъ домашнихъ, гдѣ мы стояли; а пить водку принудили — на сельскихъ праздникахъ. Вотъ какой прогрессъ сдѣлалъ я въ Красномъ селѣ.

Digitized by Google

Въ Москвѣ, въ домѣ зятя, жилъ съ нами родственникъ его, чиновникъ, довольно ученый, но молодецъ на всѣ руки. Съ нимъ я сошелся, больше какъ-то по духу, нежели по симпатіи, потому что въ немъ много было добраго, но все чѣмъ нибудь запачкано и загрязнено. Это—былъ Эпикуръ въ дырявой тогѣ Діогена. Сводя дружбу съ человѣкомъ, искушеннымъ и искуснымъ во многомъ, я, въ бурные годы юности, едва не сбился съ пути совершенно. Поддержать было некому: въ домѣ ничего не знали, да если я боялся и уважалъ кого, такъ это одного отца. Добрая и умная наставница моя долго не пріѣзжала, а семейство сердечнаго друга не возратилось въ Москву совсѣмъ.

Чиновникъ, новый мой пріятель, остроумный по природѣ, чтилъ Вольтера, Руссо и Маккіавеля, умѣлъ спорить о разныхъ предметахъ и всегда становился въ оппозицію съ общими мнѣніями. Плохо учась Логикѣ и не зная Діалектики, я не могъ съ нимъ препираться, но рѣдко склонялся на его сторону, хотя видѣлъ, что въ спорахъ онъ бралъ верхъ надъ людьми поумнѣе меня, да едва ли и не его. Однажды, не смотря ни какого, онъ доказывалъ: если человѣкъ худъ и не можетъ исправиться, то виноватъ не онъ, а родители, и доказывалъ, думаю, не столько по увѣренности, сколько въ защиту своего поведенія. Въ другой разъ, въ противность общему приговору, порицалъ поступокъ двухъ сестеръ, молодой вдовы и дѣвицы, которыя, когда вошли въ ихъ домъ Французы, не находя гдѣ скрыться и сберегая свою честь, выбѣжали на набережную, обнялись и бросились въ рѣку. Онъ это называлъ самоубійствомъ, говорилъ, что несчастныхъ сестеръ руководилъ стыдъ быть обезчещенными, а не благоразуміе и святость, и что, вообще, физическая жизнь важнѣе жизни нравственной.

Digitized by Google

Таковъ мнѣ достался путеводитель! Съ нимъ-то я провѣрялъ теорію зазорной жизни практически, и если неуспѣлъ ни къ чему пристраститься, то опытно узналъ, что значитъ волокита, гуляка, игрокъ на билліардѣ, посѣтитель трактировъ и такъ называемыхъ герберговъ, гдѣ держали кофе и кофейницъ и приманивали народъ музыкою, пивомъ и билліардною игрою.

Прошелъ годъ по выходѣ Французовъ изъ Москвы; открылась Академія; надобно было учиться и доканчивать курсъ Философіи. Отвыкнувъ отъ школы и занятій срочныхъ, я медленно и съ трудомъ принимался за дѣло. Тутъ вскорѣ пошелъ слухъ о преобразованіи Духовныхъ училищъ и открытіи въ Московской Епархіи новой Академіи. Обстоятельство это и пріѣздъ моей наставницы, которой надлежало дать отчетъ за все время разлуки съ нею, сильно на меня подѣйствовали: она желала и мнѣ хотѣлось быть въ новой Академіи, а какъ попасть? Конечно, надобно заниматься наукою; и я принялся.

—

IV. ШКОЛА ВЪ НОВООБРАЗОВАННОЙ СЕМИНАРІИ.

Въ 1814 году, Славяно-греко-латинская академія кончила свой вѣкъ; студентовъ ея разжаловали въ ученики Семинаріи; домъ, въ которомъ она помѣщалась, назначили подъ уѣздное училище и эмблемму свѣчки сняли. Учители старой академіи не годились въ новую, не годились и въ новыя семинаріи, кромѣ монаховъ, которые, вѣроятно, были посмышленѣе; ученые монахи, всѣ, пригодились въ училищную службу, можетъ быть не всѣ по достоинству, а потому что некуда было дѣвать ихъ.

Digitized by Google

Учащіеся въ старой академіи—тѣ, которые кончили Богословскій курсъ, съ аттестаціею хорошихъ студентовъ, приглашены были учиться въ новой Академіи, для полученія высшихъ ученыхъ степеней; недостигшіе же Богословскаго класса—студенты Философіи и ученики Поэзіи и Реторики — должны были поступить въ Семинаріи, а прочіе — въ уѣздныя и приходскія училища, по экзаменамъ.

Семинарій въ Московской епархіи назначено двѣ, обѣ внѣ Москвы, въ Перервѣ и въ Виѳаніи. Въ октябрѣ сдѣлали намъ экзаменъ, по экзамену зачислили меня довольно низко, но къ продолженію ученія признали способнымъ, и я перебрался жить и учиться въ Перерву, отъ Москвы въ 7 верстахъ.

Выборъ семинаріи предоставленъ былъ на волю; не удерживали, если кто изъ учащихся, по какимъ нибудь обстоятельствамъ, не могъ оставить Москвы или не хотѣлъ учиться долѣе; почему нѣкоторые изъ моихъ товарищей — одни отправились въ Виѳанію, а другіе выбыли въ свѣтское званіе. Совѣтовали и мнѣ перейти въ Университетъ или въ Медицинскую Академію, на что склонялся было и отецъ, находя для себя труднымъ и даже невозможнымъ содержать меня, когда я оставлю уроки; но я чувствовалъ, что мнѣ надобно уклониться изъ Москвы. Мысль мою предъугадывала какъ бы и моя, заботливая обо мнѣ, наставница; свѣтское ученіе того времени она почему-то находила не безвреднымъ, а медикомъ не хотѣла меня и видѣть. «Будь свѣтскимъ, говорила она, но выучись въ училищахъ духовныхъ; если отецъ не въ состояніи тебя содержать, я содержать буду; ступай съ Богомъ въ Перерву и только учись хорошенько; Перерва недалеко, съ родными и

Digitized by Google

со мною можно видѣться часто.» И вотъ я изъ студентовъ Академіи сдѣлался ученикомъ Семинаріи.

Поступивъ въ Богословскій классъ, я недолго оставался на своемъ коштѣ: Ректоръ Перервинской Семинаріи, человѣкъ внимательный и благорасположенный, скоро принялъ меня на полное казенное содержаніе. Такимъ образомъ, имѣя готовый столъ и квартиру и пользуясь пособіемъ своей благодѣтельницы, я не былъ въ тягость отцу ни мало, ни чѣмъ не стѣснялся и жилъ еще роскошно въ сравненіи съ другими. По этому, учиться прилежно ничто мнѣ не мѣшало, и я сталъ догонять моихъ товарищей.

По преобразованіи Духовныхъ училищъ, предметы наукъ умножены, распредѣлены правильнѣе и меньше спеціально. Старую Академію раздѣлили на училища и семинарію; къ училищамъ отнесли приуготовительныя науки, а въ составъ наукъ семинарскихъ вошли Поэзія, Реторика, Философія и Богословіе, и, вмѣсто четырехъ классовъ, открыты три отдѣленія: низшее, среднее и высшее, или отдѣленіе словесности, философское и Богословское. Кромѣ предметовъ, преподававшихся въ послѣднихъ четырехъ классахъ прежней академіи, въ ковоустроенной Семинаріи преподавали еще математику, Церковную исторію, герменевтику, оспопрививаніе, а Греческому языку учили не желающихъ только, какъ прежде, а всѣхъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ.

Наставниковъ или преподавателей въ преобразованной изъ академіи Семинаріи положено шесть: наукъ Богословскихъ, Философскихъ, Физико-математическихъ, словесности, Всеобщей и Церковной исторіи и Греческаго языка. Языки Нѣмецкій, Французскій и Еврейскій распредѣлены были по нимъ же, а искусство оспо-

Digitized by Google

прививанія отнесено къ обязанности семинарскаго врача. Двое изъ наставниковъ были монашествующіе, а четверо присланы изъ С.-Петербурга — три кандидата и одинъ студентъ. Назывались они профессорами, но послѣ названіе это присвоено однимъ магистрамъ; кандидаты же и студенты переименованы въ учителей.

Управленіе Семинаріи раздѣлено на три части: учебную, нравственную и хозяйственную. Первою завѣдывалъ ректоръ, а второю и третьею инспекторъ и экономъ, оба подъ главнымъ наблюденіемъ ректора. Административныя дѣла производились въ Правленіи, которое составляли ректоръ, инспекторъ и экономъ; предсѣдательствовалъ ректоръ. Правленіе имѣло канцелярію и управляло какъ семинаріею, такъ и подвѣдомственными ей уѣздными и приходскими училищами.

Ректоръ былъ вмѣстѣ и профессоръ Богословскихъ наукъ, а инспекторъ — наукъ философскихъ, должность эконома могла быть поручена также профессору или учителю; но въ Перервинской Семинаріи исправлялъ ее іеромонахъ неученый.

Курсъ семинарскаго ученія опредѣленъ шестью годами, по два года въ каждомъ отдѣленіи: однако въ Низшемъ и Среднемъ, даже, отдѣленіи можно было пробыть четыре года, но въ Богословскомъ—никакъ. Ученики всѣхъ трехъ отдѣленій дѣлились на три разряда: первый, второй и третій. Къ первому разряду принадлежали ученики лучшіе, ко второму—хорошіе, къ третьему—средственные. Кончившимъ Богословскій курсъ въ первомъ разрядѣ предоставлено званіе студента; студентамъ дано право поступать въ Академію, для высшаго образованія, и преимущество предъ учениками въ распредѣленіи на священно-служительскія мѣста, равно и на мѣста учительскія въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ.

Digitized by Google

Нѣтъ сомнѣнія, что преобразованіе Духовныхъ училищъ имѣло цѣлію возвысить духовенство въ понятіяхъ о своихъ обязанностяхъ и умножить число просвѣщенныхъ священнослужителей. Однако говорятъ, что эта цѣль мало или совсѣмъ не достигается: находятъ, что Духовенство худо знаетъ свои обязанности и, даже, не понимаетъ значенія своего въ обществѣ; что священники вообще корыстолюбивы, а сельскіе, сверхъ того, грубы, невѣжественны и держатъ себя низко. Печатная гласность нынѣшняго времени такъ характеризуетъ служителей Православной вѣры — это важное въ государствѣ, и, скажу, въ Царствѣ Христовомъ, сословіе — и громитъ ихъ не только предъ лицемъ Россіи, но и за границею.

Главными причинами исчисленныхъ недостатковъ поставляютъ: 1) управленіе дѣлами церкви чрезъ монашествующихъ, 2) несоотвѣтственное бѣлому духовенству воспитаніе и образованіе и 3) содержаніе клира отъ алтаря, а не изъ государственной казны или отъ десятины съ прихожанъ, установленной закономъ.

Православному христіанину горько читать и слышать неблаговидные и, кажется, не совсѣмъ благонамѣренные отзывы о своихъ духовныхъ отцахъ. Гласность, разсѣявающая такіе отзывы по свѣту, къ чему служитъ? Разумѣется, больше къ тому, что остановитъ распространеніе Православія и усилитъ вредный для духовнаго преуспѣянія индефферентизмъ. Въ цѣломъ свѣтѣ одинъ только покровитель и подпора Православія — Русскій Царь: на что же глумиться надъ сословіемъ, чрезъ которое онъ защищаетъ и упрочиваетъ состояніе православныхъ въ своемъ и иныхъ государствахъ. Станемъ къ дѣлу ближе и посмотримъ, на сколько основательны изложенныя причины.

Digitized by Google

1) Власть обыкновенно ввѣряютъ лицу болѣе просвѣщенному, честному, опытному въ управленіи или подготовленному къ тому и преимущественно способному къ отношеніямъ въ жизни общественной, нежели частной, или домашней. Въ Россіи, Государь ввѣряетъ управленіе Церковію, т. е. дѣлами Церкви и лицами, церковный клиръ составляющими, монашествующимъ, а не бѣлому духовенству и, конечно, на томъ основаніи, что монахи болѣе имѣютъ способовъ и возможности выполнить требуемыя ввѣренною имъ властію условія.

Во первыхъ, монахъ образованнѣе священника; не потому однако, чтобы онъ ученѣе выходилъ изъ школы, а потому, что онъ, отрѣшенный отъ міра, имѣетъ болѣе возможности учиться во всю жизнь. Поэтому-то лучшіе писатели, богословы и литераторы, почти всѣ были монахи. Въ Россіи много священниковъ образованныхъ, но много ли отъ нихъ сочиненій дѣльныхъ и видныхъ?

Во вторыхъ, монахъ честнѣе и—тоже, не потому, чтобы священнослужитель изъ бѣлаго духовенства, равный монаху и породою и образованіемъ, былъ менѣе честенъ, а потому, что у монаха менѣе соблазновъ къ безчестному, и онъ почетнѣе въ мнѣніи мірянъ, а это въ духовной администраціи не бездѣлица.

Въ третьихъ, посвящая себя духовной дѣятельности исключительно, образованный монахъ часъ отъ часу становится опытнѣе въ дѣлахъ вѣры и благочестія и забываетъ о дѣлахъ мірскихъ: кто же достойнѣе управлять паствою, пастырями и пасомыми, какъ не тотъ, кому опытно знакомы духовныя нужды паствы? Кто назидательнѣе послужитъ Церкви и отечеству, какъ не

Digitized by Google

тотъ, кто дальше стоитъ отъ міра и защищенъ стѣнами монастыря отъ обольщеній житейскихъ? Дайте выборъ народу, какъ было въ древней Церкви; и — повѣрьте — народъ, при равныхъ достоинствахъ, скорѣе изберетъ въ пастыреначальники монаха, нежели священника!

Въ четвертыхъ, правда, монахъ не столько способенъ къ отношеніямъ въ жизни общественной, а тѣмъ паче частной или домашней, сколько священнослужитель, имѣющій жену и обязанный семействомъ; монахъ холоденъ ко всему, что мы называемъ свѣтскими обычаями, правилами приличія, комфортомъ; не заботится о мѣрахъ цивилизаціи; не принимаетъ участія въ прогрессѣ; чуждъ горя и радостей семейныхъ и не сочувствуетъ вдовству и сиротству: за то онъ никому въ этихъ общественныхъ отношеніяхъ и не мѣшаетъ; за то онъ самый вѣрный исполнитель велѣній Верховной Власти, которую онъ понимаетъ въ точномъ смыслѣ обоезавѣтнаго ученія Церкви и которой повинуется если не изъ сердечнаго убѣжденія въ пользѣ закона, то по убѣжденію разума, что повиноваться должно. Характеръ монашества — смиреніе, а смиреніе состоитъ ве въ недостаткѣ собственной воли, а въ ея отрицаніи. Предпиши Верховная Власть, — монахъ на все готовъ, что только не разрушаетъ сущности его званія; онъ будетъ содѣйствовать и общественному комфорту и цивилизаціи и прогрессу, по возможности. Разберите же теперь, какое лицо способнѣе къ церковной администраціи — то ли, которое больше способно къ отношеніямъ въ частной и общественной жазни, или то, которое не противоборствуетъ симъ отношеніямъ и которому легче и удобнѣе состоять подъ условіями Верховной Власти. Бѣлое духовенство, стоящее, такъ сказать, на рубежѣ Церкви и міра, управляя Церковію

Digitized by Google

встрѣтило бы въ своихъ административныхъ дѣйствіяхъ много затрудненія и препятствій: по семейству, будучи привязано къ интересамъ частной жизни, оно не можетъ съ полнымъ усердіемъ пещись объ интересахъ общихъ, даже въ отношеніи религіозномъ; а находясь въ близкихъ сношеніяхъ съ людьми свѣтскими, оно какъ бы невольно принимаетъ характеръ свѣтскости и мало по малу теряетъ тѣ особенности своего сана, которыми необходимо долженъ отличаться клиръ отъ мірянъ, дабы не уронилось достоинство учрежденія Церкви среди прочихъ государственныхъ учрежденій.

Возражаютъ: управленіе въ рукахъ монашества тяжело для клира, и возраженію даютъ видъ справедливости: монахъ, имѣющій власть, поступаетъ съ подвластными деспотически, гордъ и любочестивъ и не радѣетъ о существенныхъ нуждахъ клира. Дѣйствительно, всему этому есть примѣры и, примѣры для свѣтскихъ людей довольно разительные: начальники Епархій ни во что ставятъ не дать суда и апелляціи обвиняемому и перевесть священника съ лучшаго мѣста на худшее по своей прихоти; требуютъ отъ подчиненныхъ земныхъ своей особѣ поклоновъ, не уважаютъ въ нихъ на старости, ни заслугъ, ни другихъ личныхъ достоинствъ, хотя бы сами были гораздо моложе и безъ заслугъ особенныхъ; никто, въ присутствіи Архіерея не смѣетъ сѣсть безъ его приказанія, тогда какъ священники имѣютъ на то право даже во время священнослуженія съ нимъ. Вообще, монашествующіе считаютъ себя выше прочихъ служителей вѣры; это аристократы въ духовенствѣ, которые, чтобъ поддержать свое зн ченіе, поставили даже неученыхъ монаховъ выше лицъ бѣлаго духовенства, ученыхъ и одинаковыхъ съ ними Іерар-

Digitized by Google

хическихъ степеней. Все это правда; но есть причины не неуважительныя.

Равно, имѣетъ видъ правды и то, что облеченные во власть монахи и сами во всемъ обезпеченные не радѣютъ о существенныхъ нуждахъ клира: клиряне обременены семействомъ, которое надобно кормить, одѣвать и учить въ школѣ; содержаніе получаютъ отъ произвольной дачи за исправленіе христіанскихъ требъ; содержаніе это нерѣдко такъ скудно, что едва стаетъ его человѣку и бездѣтному, особенно въ селахъ. Клиряне трудятся много; завѣдывая приходомъ, они исправляютъ разные должности по вѣдомству своего начальства, несутъ нѣкоторыя обязанности по требованіямъ начальства свѣтскаго, совершаютъ табельныя службы и службы по особеннымъ нарядамъ и — не только ничѣмъ за то не вознаграждаться, но на старости и при потерѣ силъ къ служенію не пользуются даже пексіею. Кто въ этомъ виноватъ? Конечно не царь, а правители—монахи, которые знаютъ лишъ себя, а о другихъ, такихъ же слугахъ Богу и царю, не хотятъ какъ бы и помнить.

Что бы яснѣе видѣть на сколько справедливо столь рѣзкое возраженіе, отдадимъ Іерархическую власть Бѣлому духовенству, а монаховъ запремъ въ монастыри — пусть молятся а себѣ самихъ, и посмотримъ, что должно выдти!

Разумѣется, Святѣйшій Синодъ и Епархіальное начальство будутъ составлять священники, пожалуй, и діаконы, подобно какъ у Папы кардиналы, только семейные. Жены и дочери ихъ назовутъ себя барынями, а сыновья — барями; не захотятъ же они стать въ ряду съ попадьями, поповнами и поповичами приходскими. Завяжется такая же Духовная аристократія, только, при помощи женщины, съ большею еще силою. Ари-

Digitized by Google

стократія же, въ какомъ бы то ни было сословіи, всегда ставитъ себя выше правъ своего общества; значитъ, деспотизмъ и гордость, имѣя не одну пищу, а и подстреканіе, нимало не ослабѣютъ.

Мудрено подумать о духовныхъ барыняхъ и барышняхъ: свой ли онѣ составятъ кругъ, какъ нынѣ, но его составить не изъ кого; или, по значенію ихъ мужей и отцовъ, войдутъ въ высшій кругъ свѣтскаго общества? Въ послѣднемъ случаѣ, привыкши смотрѣть на Духовенство, какъ на сословіе, въ которомъ все, кромѣ человѣчества и закона, вопреки свѣтскому обществу, намъ страннымъ покажется увидѣть на балахъ, въ театрахъ, маскерадахъ, на общественныхъ танцахъ и гуляньяхъ дамъ и дѣвицъ Духовныхъ, а тѣмъ болѣе священника, мужа или отца, какъ естественнаго ихъ спутника. Но положимъ, что это — привычка; привычки измѣняются. Положимъ, что современемъ станемъ мы смотрѣть безъ предосужденія на Духовныя лица во всѣхъ свѣтскихъ и публичныхъ собраніяхъ: что, думаете, выдетъ? Думаете ли вы, что выдутъ благія послѣдствія для Церкви и народа, Церковь составляющаго? Никакъ не повѣрю. Скажете, свѣтскія собранія, какъ неприличныя Духовному сану, можно запретить; конечно, и женскому полу? иначе нельзя. Хорошо! но тогда появятся злѣйшіе монахи — какіе-то полумонахи; не отшельники міра, а изгнанники. А вникните въ чувство человѣка, когда онъ изгнанникъ или отшельникъ! У изгнанника оно враждебно, у отшельника только не симпатично.

Нельзя сказать, чтобы священникъ-епископъ не потребовалъ отъ подначальныхъ ему клирянъ земныхъ себѣ поклоновъ, а скорѣе можно полагать, что такого

Digitized by Google

глубокаго уваженія пожелаетъ себѣ и жена его: человѣкъ любочестивъ, а лесть хитра на выдумки, не хуже поэзіи. Однакожъ земные поклоны въ духовенствѣ не лесть породила и не гордость, а смиреніе и покорность. Кланяться въ землю начали монахи, и едва ли кто принуждалъ ихъ къ этому. Монахи смиреніе и покорность считаютъ существенными своими качествами; а чѣмъ ихъ лучше выразить передъ аввою начальникомъ, какъ не земнымъ поклономъ? За монахами послѣдовало и Бѣлое духовенство, частію изъ подражанія, а частію и изъ лести. Да и что дурнаго, когда монахъ или, даже, священникъ, которому смиреніе и покорность совсѣмъ не лишни, преклоняются долу предъ своимъ архипастыремъ? Не такъ-то было бы складно, еслибъ вошло въ обычай кланяться низко предъ женою архипастыря, а предъ самимъ архипастыремъ — и достойно и праведно: это — святитель и носитъ образъ *Апостола*. Не должно слишкомъ осуждать и то, что нѣкоторые архіереи явно требуютъ отъ духовенства земныхъ поклоненій себѣ; архіерея нельзя равнять съ свѣтскимъ начальникомъ, онъ рукоположитель священника, властитель и наставникъ его по праву благодати: быть можетъ, такое требованіе архіерея не есть слѣдствіе гордости и любочестія, а имѣетъ цѣлію пріучить носящихъ Духовное званіе подчиненныхъ смиренію и покорности и поставить ихъ примѣромъ въ сихъ добродѣтеляхъ для мірянъ.

Негодуютъ, что въ публичныхъ собраніяхъ никакое духовное лицо не смѣетъ сѣсть при своемъ архіереѣ безъ его приказанія. А это водится и въ свѣтскомъ быту: вездѣ, по всѣмъ въ Россіи вѣдомствамъ, подчиненный не садится при своемъ начальникѣ. Архерей еще приказываетъ сѣсть, а свѣтскій начальникъ не даетъ иногда

Digitized by Google

и приказанія. Не мѣшало бы, впрочемъ, главнымъ пастырямъ и учителямъ мірянъ дать грубому у насъ аристократизму примѣръ снисхожденія къ низшимъ себя. Поступитъ ли такъ Бѣлое духовенство, если поставить его во главѣ Духовнаго управленія?

Безпрекословно, что клиръ въ Россіи много имѣетъ нуждъ и семейный его бытъ слишкомъ стѣсненъ въ своихъ отношеніяхъ. Въ журналѣ *Телескопъ*, за 1831 годъ, № 13, напечатана была сравнительная таблица доходовъ духовенства во всѣхъ странахъ христіанскихъ, взятая изъ одного англійскаго журнала. Въ этой таблицѣ показано, сколько каждый житель страны издерживаетъ въ годъ на духовенство и вычтено на наши деньги серебромъ: высшая издержка = 36 р. 31 к. — это въ Англіи, средняя = 2 р. 50 к. — это въ Испаніи и Португаліи, а самая низшая = $37^1/_2$ коп. — это въ Россіи у православныхъ, а у Русскихъ иновѣрцевъ = 1 р. 25 к. Мудрено вѣрить англійской статистикѣ; но, дѣйствительно, есть приходы, гдѣ содержаніе причта еще ниже. Въ селахъ положено строить церкви тамъ, гдѣ есть 400 душъ или 100 домовъ. По таблицѣ, нормальный доходъ причта былъ бы 150 р. въ годъ, изъ которыхъ на долю священника приходится 75 р., на долю діакона 37 р. 50 к., а причетникамъ по 18 р. 75 коп. а если нѣтъ діакона, то священникъ получаетъ 90 р. а причетники по 30 р. каждый. Въ то время, когда составлена сравнительная таблица такого денежнаго дохода, при пособіи руги или дачь натурою, какъ-то хлѣбомъ и другими сельскими произведеніями, было очень достаточно для содержанія семействъ, и я помню, что приходы, гдѣ священникъ могъ почучать до 400 р. ас. а причетникъ до 100, слыли богатѣйшими; въ среднихъ же и бѣдныхъ приходахъ, первымъ получалось 200, 100

Digitized by Google

и даже 50 р. асс., а послѣднимъ въ четверть или треть менѣе. Нынѣ положеніе церковныхъ причтовъ почти тоже; пособіе отъ казны только еще вводится, а денежные доходы возвысились сравнительно лишь съ общею цѣнностію, т. е. ихъ надобно считать на серебро. Нынѣ, значитъ, въ богатомъ приходѣ священникъ получаетъ 400 р. сер. а въ бѣдномъ — 50 р., причетникъ — въ первомъ 100, а въ послѣднемъ — около 20 р. сер. и такихъ бѣдныхъ приходовъ не мало. Въ такихъ приходахъ безсемейные еще могутъ какъ нибудь содержаться; а если пять—шесть человѣкъ дѣтей, если два или три сына, которыхъ надо непремѣнно отдать въ школу, иначе угодятъ въ рекруты: что тутъ дѣлать бѣдняку? А если останется съ дѣтьми вдова, — куда дѣваться? Въ селѣ, не въ городѣ: бѣги хоть на тотъ свѣтъ, къ Богу! Вотъ крайне стѣсненное положеніе, на которое особенно жалуются! И жалоба справедлива; прекословить нельзя.

Но не безпрекословно то, что монахи будто ни мало не заботятся объ улучшеніи быта клирянъ и что, управляй Бѣлое духовенство, совсѣмъ было бы другое. Въ мое время вотъ монахами что сдѣлано: Святѣйшимъ Синодомъ преобразованы училища и дано лучшее содержаніе казеннокоштнымъ воспитанникамъ; причтамъ бѣдныхъ приходовъ назначено жалованье, которое во многихъ мѣстахъ уже и производится; учреждены по епархіямъ Попечительства для поддержанія въ существованіи Духовныхъ вдовъ и сиротъ, а также заштатныхъ или отставныхъ священнослужителей, и поставлено въ обязанность епархіальнымъ начальствамъ заботиться объ устройствѣ священнослужительскихъ сиротъ женскаго пола. Какъ въ мое время было, такъ, думаю, есть и нынѣ много епархіальныхъ начальниковъ, которые, безъ

Digitized by Google

побужденія отъ Святѣйшаго Синода, сами пекутся объ улучшеніи быта подчиненнаго имъ духовенства, напр. устрояютъ при училищахъ бурсы, гдѣ недостаточныхъ отцовъ дѣти содержатся пищею за небольшую плату или совсѣмъ безъ платы; дозволяютъ жить ученикамъ въ монастыряхъ складчиною и, даже, съ маленькимъ пособіемъ отъ монастырей, заводятъ училища для дѣвицъ духовнаго званія безъ помощи отъ казны; открываютъ богадѣленные домы для престарѣлыхъ; снабжаютъ и пополняютъ училищныя библіотеки книгами, а скудныя церкви — утварію и ризницами изъ собственности; вносятъ капиталы на вспомоществованіе учащимся, хотя небольшіе, но сколько могутъ. А потому, нельзя рѣшительно утверждать, что монашествующее духовенство холодно къ духовенству Бѣлому и не понимаетъ нуждъ его. Правда, въ православномъ клирѣ много еще пауперизма — бѣдность въ сельскихъ приходахъ, до нищеты, а въ городахъ стѣсненное положеніе священнослужительскихъ вдовъ и сиротъ, до уничиженія; но причиною того не монашеское управленіе, а во 1-хъ, недостатокъ собственныхъ Духовнаго вѣдомства средствъ, при которыхъ Бѣлое духовенство едва ли бы было въ состояніи сдѣлать столько, сколько сдѣлано и дѣлается монахами, напр., свѣчные доходы: монахи обратили ихъ въ пользу и пособіе для клира, а священники, управляющіе военными церквами, оставили за церквами; во 2-хъ общее всѣхъ сословій состояніе, изъ которыхъ нѣтъ ни одного такъ обезпеченнаго, что бы бѣдность, даже крайняя, совсѣмъ не встрѣчалась.

2. Находятъ, что воспитаніе и образованіе Духовенства не соотвѣтствуетъ его назначенію, и хотятъ, что бы священники образовались въ университетахъ, какъ у иностранцевъ и иновѣрцевъ.

Digitized by Google

Когда я кончилъ курсъ ученія, а кончилъ я его 25 лѣтъ, первою моею мыслію было возблагодарить Бога, что я Русскій, слѣдоват. православный; что сынъ священника, слѣдов. по породѣ и воспитанію ближе къ общечеловѣческой цѣли, и что образовался въ духовныхъ училищахъ, слѣдов. голова моя не забита суетными науками и вольномысліемъ. Говорю это откровенно, по чистой совѣсти. Можетъ быть, и всякой хвалитъ свою долю, какъ куликъ свое болото; но со мною точно такъ было, и эта благодарность сохранилась въ моей душѣ на всю жизнь, хоть послѣ того я былъ уже не Духовнаго званія.

Духовенство значимо, когда его уважаютъ міряне. Русскій народъ уважаетъ своихъ Духовныхъ, считая ихъ не столько постырями и учителями своими, сколько молитвенниками за него предъ Богомъ. Замѣтьте, какъ наши православные домогаются и съ какимъ благовѣніемъ принимаютъ благословеніе отъ всякаго священнослужителя, особенно отъ Архіерея, и какъ скорбятъ и порицаютъ, когда видятъ въ нихъ мірскіе пороки. Уваженіе къ священному сану такъ же, какъ и къ власти — въ характерѣ людей истинно православныхъ, и въ Русскомъ царствѣ оно составляетъ одну изъ существенныхъ чертъ народности. Ксензъ и пасторъ, чтобъ заслужить уваженіе отъ исповѣдниковъ папизма и протестантизма, непремѣнно должны быть милостивы, поучительны, снисходительны и благотворительны, иначе ихъ поставятъ на ряду съ людьми свѣтскими; Русскій же чтитъ своего священника и безъ этихъ качествъ. Весьма многіе изъ поселянъ, въ праздничные дни, когда ожидаютъ священника, не пьютъ водки, доколѣ не начнетъ священникъ. У средняго класса людей, въ парадныхъ случаяхъ, если приглашаютъ священника, хотя бы и не для мо-

Digitized by Google

литвословія, всегда уступаютъ ему въ собраніяхъ мѣсто почетное. Случилось несчастіе, есть семейное горе, къ кому больше обращается Русскій, какъ не къ духовному отцу, для котораго у него нѣтъ задушевныхъ тайнъ.

Но, спросятъ: стоятъ ли такого уваженія сами священники. Конечно стоятъ, потому-что сколько ихъ ни чернятъ и ни осмѣиваютъ, сколько ни оглашаютъ ихъ пороковъ и паденій, обычай уважать Духовный санъ ни мало не ослабляется. Значитъ, есть что нибудь хорошее и у самихъ священниковъ; значитъ, и само Духовенство поддерживаетъ себя въ своемъ достоинствѣ: если бы не такъ, натурально поколебался бы и обычай. Священники — люди; но какъ они священники, ихъ пороки ярко свѣтятъ: а потому не иначе можно поддерживать уваженіе къ себѣ, какъ значительнымъ перевѣсомъ доблести и добродѣтели. Какой ксензъ или пасторъ такъ готовъ на подвиги самоотверженія, какъ Русскій священникъ? На войнѣ — часто онъ идетъ впередъ, во время эпидеміи — не бѣжитъ отъ своего прихода и не оставляетъ зачумленнаго страдальца безъ напутствованія. Одинъ умирающій больной упросилъ священника пріобщить его; но, принявъ св. дары, не могъ удержать ихъ, извергнулъ. Чтоже? священникъ принялъ извергнутые дары самъ. Подобныхъ подвиговъ было не мало во время холеры: почему же любители гласности не говорятъ объ нихъ? Не потому ли, что въ Русскомъ крѣпкомъ народѣ надобно прежде всего преобразовать Духовенство, чтобъ достигнуть прогресса и и въ религіи, которая слишкомъ стара и мѣшаетъ цивилизаціи?

Хотѣть, что бы наше православное Духовенство образовалось въ университетахъ, значитъ — худо пони-

Digitized by Google

мать, что такое православная вѣра, и ставить Духовенство наряду съ прочими гражданскими сословіями. Фридрихъ Великій думалъ же, что народная вѣра не больше, какъ необходимое средство для управленія государствомъ; Вольтеръ говорилъ: «если бъ не было религіи, надобно ее вымыслить;» такъ разсудила и Французская революціонная Директорія, когда, отвергнувъ всѣ религіи, вздумала учредить какую-то свою. Лучше всѣхъ подобныхъ мыслителей, разумѣлъ религію Наполеонъ I-й; возстановивъ въ католической Франціи Римскую вѣру, онъ старался ограничить духовную власть Папы и поставить сего первосвященника въ тѣ предѣлы, въ какихъ ему дѣйствительно надлежало бы стоять по разуму ученія Христова. Но въ смыслѣ православной вѣры и по духу законовъ нашихъ православныхъ царей, не религія для государства, а государство для религіи. Христіанинъ православный знаетъ, что если онъ существуетъ на землѣ, то существуетъ для неба, и что общество людей только то истинно и законно, которое прямо или косвенно, посредственно или непосредственно ведетъ своихъ членовъ къ настоящей цѣли ихъ существованія. Таково въ Европѣ одно Русское государство или, по крайней мѣрѣ, такимъ оно можетъ и должно быть, какъ государство подъ управленіемъ православнаго Царя — Монарха, хрістіанина по преимуществу.

Разумѣя такъ религію и православное Русское царство, какое надлежитъ намъ имѣть понятіе о своемъ Духовенствѣ; понимать ли его, какъ только сословіе, наравнѣ съ прочими гражданскими сословіями, или, какъ сословіе такое, въ которомъ, кромѣ качествъ гражданина, есть нѣчто особенное? Конечно, послѣднее понятіе вѣрнѣе, и вотъ по какимъ уваженіямъ: а) Ду-

Digitized by Google

ховное сословіе, т. е. предстоятели церкви, священнослужители, не есть установленіе Верховной въ государствѣ власти; b) сословіе это имѣетъ свои права, дарованныя ему отъ Господа, и свои обязанности, въ жизни и ученіи Апостоловъ изложенныя, и c) оно предстательствуетъ за народъ предъ Богомъ не одною молитвою, но словомъ и дѣломъ, способствуя всякому другому въ государствѣ сословію идти назначеннымъ ему путемъ временной жизни правильно, не сбиваясь съ пути къ жизни вѣчной.

Эти особенности духовенства требуютъ и особенаго воспитанія его и особенныхъ пріемовъ въ его образованіи. Университеты и гимназіи должны образовать полезныхъ гражданъ: вотъ собственно цѣль ихъ учрежденія! Но образовать достойнаго священнослужителя— это не ихъ дѣло; это дѣло Духовныхъ училищъ, а не Свѣтскихъ; дѣло священнослужителей же и ихъ сыновъ и воспитанниковъ. Говорятъ, чтобъ имѣть хорошихъ священно-служителей, стоитъ только завести при университетахъ Богословскій факультетъ, и пусть деканомъ сего факультета будетъ Духовная особа; тогда въ священнослужители будутъ поступать не кое-какіе люди, а люди имѣющіе къ Духовному званію наклонность или чувствующіе въ себѣ призваніе; призванный же, несомнѣнно, надежнѣе и достойнѣе того, кто принимаетъ священный санъ волею или неволею, какъ учащіеся въ академіяхъ и семинаріяхъ. Справедливо! Но много ли вы найдете призванныхъ? И какое средство употребитъ университетъ, чтобъ заохотить молодыхъ людей къ Духовному званію, которое хоть сколько нибудь да требуетъ и жизни аскетической. Въ Россіи, каждый годъ надобно приготовить священниковъ и діаконовъ не меньше 2,000 человѣкъ; нужны еще церковнослужители,

Digitized by Google

которыхъ тоже надобно чему нибудь выучить. Гдѣ же такое число призванныхъ и охотниковъ къ духовному званію найдутъ университеты, хотя бъ призваніе и наклонность разумѣть въ самомъ обширномъ смыслѣ, въ смыслѣ Сенсимонистовъ и Фурьеристовъ?

Къ тому же не одна природа опредѣляетъ наше призваніе и даетъ намъ особенную къ чему нибудь склонность, а и воспитаніе. Родившись отъ свѣтскихъ отца и матери, человѣкъ по свѣтски и воспитывается. Какъ же откроется въ немъ призваніе къ священнослужительству или появится наклонность къ Духовному званію? — Случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ? Но такіе случаи, какъ и вообще случаи, весьма рѣдки. Извѣстно, ребенокъ всегда ближе къ званію своихъ родителей и сродняется съ нимъ на колѣняхъ еще матери. Посмотрите на дѣтей священно и церковнослужительскихъ! 6-ти и 8-ми лѣтъ, они много уже знаютъ въ должности своихъ отцовъ и поступая въ Духовное, а не Свѣтское, училище, встрѣчаютъ тамъ и товарищество и учителей и начальниковъ такого же настроенія. Тутъ уже не скроется призваніе и склонность не заглушится; тутъ и тотъ, кто не склоненъ по природѣ или по несвойственному воспитанію, и тотъ сдѣлается способенъ служить алтарю или церкви.

Въ университетахъ работы и такъ много, а въ Русскихъ, которые до сихъ поръ учатся у университетовъ иностранныхъ, еще больше; на что же обременять ихъ столь обширнымъ Богословскимъ факультетомъ, котораго, притомъ, предметъ стоитъ въ Россіи несравненно выше, нежели за границею? Развѣ нѣтъ у насъ академій, или организація духовныхъ училищъ, въ рукахъ монашества, не достигаетъ того совершенства, какого она могла бы достигнуть въ рукахъ людей свѣтскихъ.

Digitized by Google

Упрекаютъ, что въ семинаріяхъ и академіяхъ не такъ преподаютъ науки и не тѣ, какія надлежало бы знать священнику, наприм. въ училищахъ и въ семинаріяхъ не учатъ, а, чему надобно учить, заставляютъ *зубрить*, т. е. выучивать съ книги на память безъ толку: въ академіяхъ учатъ по старой методѣ и, приготовляя учителей, не объясняютъ правилъ педагогіи; во всѣхъ Духовно-учебныхъ заведеніяхъ учатъ языкамъ Греческому и Латинскому, которые не нужны, а не учатъ медицинѣ, агрономіи, законовѣдѣнію, что необходимо для священниковъ сельскихъ. Но посмотримъ, сколько тутъ правды и основательности и нѣтъ ли какой задней мысли въ упрекахъ?

Въ низшихъ училищахъ зубрятъ вездѣ, и въ Духовныхъ и въ Свѣтскихъ, но не совсѣмъ же безъ толку: учитель все-таки изъясняетъ прежде, а потомъ и заставляетъ зубрить.

Не зубрить нельзя: мальчикъ, 10 — 12-ти лѣтъ, какъ усвоитъ себѣ отвлеченныя понятія, опредѣленія и правила въ наукѣ, если не вытвердитъ ихъ на память, не выучитъ слово въ слово? Пусть онъ не понялъ и не понимаетъ, что учитъ: въ такихъ лѣтахъ это очень естественно; пойметъ послѣ, когда раскроется разсудокъ. Есть ученики, которые памятью только и живутъ, и есть — у которыхъ память очень слаба; ученье урока на память — для тѣхъ и другихъ не безполезно. Не выгоняйте зубренія изъ школъ! Самый лучшій способъ образованія человѣка науками тотъ, когда ученикъ слѣдуетъ естественному развитію нашихъ способностей. Память у насъ раскрывается прежде всего; прежде всего и обогащайте ее. Учители Духовныхъ училищъ это знаютъ; а если нѣкоторые злоупотребляютъ .зу-

Digitized by Google

бреньемъ, т. е. заставляютъ учениковъ заучивать уроки на память, нимало не объясняя предварительно, или же требуютъ отвѣта въ урокахъ слово въ слово по книгѣ отъ такихъ учениковъ, которые, по возрасту, способны отвѣчать своими словами, не отбиваясь много отъ текста, такъ это сплошъ да рядомъ найдешъ и въ Свѣтскихъ училищахъ.

Что въ Академіяхъ учатъ по старой методѣ, т. е. не даютъ свободы мышленію, это — правда: но для того-то люди, назначенные въ священнослужители, и учатся въ семинаріяхъ и академіяхъ, а не въ гимназіяхъ и университетахъ, гдѣ свобода мышленія, или своемысліе, можетъ иногда допускаться. Было время, когда изъ Русскихъ университетовъ изгнали Философію, въ академіяхъ она удержалась; значитъ, въ основѣ академическаго образованія больше прочности, нежели въ образованіи университетскомъ. Духовное училищное начальство не побоялось Кантова переворота въ Философіи и съ новѣйшими Философами не запретило знакомиться, ни въ академіяхъ, ни въ семинаріяхъ.

Правда такъ же, что въ Духовныхъ Академіяхъ, приготовляя профессоровъ и учителей, не даютъ уроковъ въ педагогикѣ; а это въ самомъ дѣлѣ нужно бы. Преподаютъ же въ академіяхъ Церковное краснорѣчіе, гдѣ есть правила, какъ учитель церкви долженъ себя держать и обращаться съ своими слушателями, дабы поученія его имѣли больше успѣха; почему же бы не составить и не преподавать правилъ для учителей въ школахъ? Тогда профессоры и учители лучше бы умѣли обращаться съ учениками и студентами, и обращеніе ихъ было бы однобразнѣе, тогда много бы уменьшилось тѣхъ недостатковъ и злоупотребленій, которые, въ

Digitized by Google

захолустьяхъ, рѣзко выдаются на видъ и за которые люди желчные порицаютъ Духовныя училища вообще.

А что во всѣхъ Духовно-учебныхъ заведеніяхъ учатъ Греческому и Латинскому языкамъ, а не учатъ медицинѣ, агрономіи и законовѣдѣнію, это ужъ какая-то странность.

Языки Латинскій и Греческій необходимы въ Духовныхъ училищахъ. Кромѣ того, что это — языки классическіе, нужные для людей, въ собственномъ смыслѣ ученыхъ, они вовсе не лишни и для ученыхъ спеціально, т. е. и для рядовыхъ священнослужителей: на нихъ и Священное писаніе, и церковныя служебныя книги, и вся христіанская библіотека написаны. Какъ ты повѣришь какое нибудь Богословское сочиненіе, написанное на новѣйшемъ языкѣ или переведенное на новѣйшій, если не знаешь ни по-латыни, ни по-гречески? Не стыдно ли будетъ священнику, когда на вопросъ міянина, что за слова акафистъ, канонъ, алтарь и проч. не съумѣетъ онъ что отвѣтить? И что за образованный человѣкъ, какимъ долженъ быть каждый Духовный, который не въ состояніи разобрать обще-употребительныхъ терминовъ, непрестанно встрѣчающихся и въ книгахъ и въ разговорахъ? Кажется, такое требованіе имѣетъ цѣлію не возвысить Русское Духовенство, а уронить его въ глазахъ своего народа и иностранцевъ.

И точно: замѣните Латинскій и Греческій языки медициною, агрономіею и законовѣдѣніемъ, что выдетъ изъ священниковъ? Выдутъ не врачи душъ, а лѣкаря; не пастыри церкви, а ученые земледѣльцы; не знатоки права Каноническаго, а стряпчіе. Конечно, хорошо знать всякую науку, но не съ ущербомъ же знанія спеціальнаго, знанія того, что принадлежитъ священнослужителю существенно. Конечно, хорошо имѣть по селені-

Digitized by Google

ямъ оффиціальныхъ медиковъ, и священникъ, который всегда присущъ своему приходу, зная медицину, былъ бы очень полезенъ для поселянъ; да развѣ прилично служителю алтаря пускать кровь, перевязывать раны, помогать родильницамъ, щупать и осматривать то, чего и сами больные отвращаются? Хорошо также быть священнику и агрономомъ, да кто послушаетъ его теоріи; а если огородниковъ-хлѣбопашцевъ обязать слушаться, кто будетъ отвѣтствовать въ случаѣ неудачи? Русскіе законы знаютъ священники довольно, но не ихъ дѣло приводить законы въ силу и имъ не кстати быть ходатаями за поселянъ предъ сельскою полиціею.

Легко чужими руками загребать жаръ! Священникамъ, вишь, дѣлать нечего: сельскій священникъ, сверхъ своей должности, очень, вишь, можетъ быть и учителемъ въ сельской школѣ, и деревенскимъ лѣкаремъ, и наставникомъ въ земледѣліи, и руководителемъ простыхъ людей въ отношеніяхъ къ правительству. Что же будутъ дѣлать свѣтскіе, тоже учащіеся въ школахъ? Писать да говорить.

3. Русскіе священники ведутъ себя низко, неприлично сану, особенно сельскіе. Не имѣя опредѣленнаго содержанія, они принуждены собирать свои доходы разными непозволенными средствами: то лестію, то потворствомъ, то вымогательствомъ. Дайте причтамъ жалованье или какъ иначе опредѣлите безбѣдное имъ содержаніе закономъ; священники будутъ дѣйствовать свободнѣе — не будутъ зависѣть отъ личности прихожанъ и стѣсняться жалобами и негодованіемъ причетниковъ! Такъ говорятъ даже люди благонамѣренные и — не безосновательно.

Наше Духовное начальство давно заботится какъ бы обезпечить сельское духовенство въ содержаніи, и

Digitized by Google

остановилось на томъ, что надобно дать причтамъ жалованье, и раздаетъ уже. Но раздаваемое жалованье не вполнѣ покрываетъ житейскія нужды не только церковнослужителя, но и священника, которому противъ перваго назначается втрое и вчетверо. Значитъ, зло вырывается не съ корнемъ, и сельское духовенство, если не въ такой мѣрѣ, все же остается въ необходимости прибѣгать къ непозволеннымъ средствамъ, дабы поддержать себя въ нуждѣ.

Есть болѣзни, искорененіе которыхъ вредно и можетъ породить другую, опаснѣйшую болѣзнь: такого свойства нравственное зло вообще; виды его различны: истреби одинъ, оно принимаетъ другой, часто больше еще гибельный.

Назначаемое сельскому духовенству жалованье не вполнѣ обезпечиваетъ его въ содержаніи, а не полное обеспеченіе оставляетъ причты въ томъ же почти положеніи зависимости отъ прихожанъ, какъ и безъ жалованья. Такъ! но, по моему мнѣнію, обезпеченіе отъ правительства и должно быть неполно.

Если Духовенству опредѣлить содержаніе совершенно безнужное, тогда немудрено, что служеніе церкви сдѣлается государственною службою; тогда священникъ сочтетъ себя не служителемъ Бога и царя, а слугою только царя и станетъ далеко отъ простыхъ мірянъ. Въ духѣ ли это будетъ православія, и въ истинномъ ли духѣ Промысла Божія о мірѣ? Нѣтъ! Духовный пастырь долженъ блюсти ввѣренное ему стадо, руководить его на пути жизни и словомъ и дѣломъ, т. е. руководить примѣромъ, совѣтомъ и наставленіемъ; но примѣръ, совѣтъ и наставленіе дѣйствительны для насъ больше въ такихъ людяхъ, которые сколько ни-

Digitized by Google

будь близки къ намъ по ихъ внѣшней обстановкѣ и въ положеніи которыхъ мы сами желали бы чѣмъ нибудь участвовать.

Протестантскій пасторъ можетъ стоять далеко отъ простолюдина, которому онъ нуженъ только въ церкви, для общественнаго Богослуженія, поученій и немногихъ, необходимыхъ лицу каждаго мірянина, священныхъ обрядовъ. Православный христіанинъ имѣетъ нужду во священникѣ не только въ церкви но и въ своемъ домѣ: у православныхъ есть таинство елеосвященія, при одрѣ болящаго; есть священные обряды, которые только въ домѣ и совершаются; православный любитъ видѣть подъ своимъ кровомъ крестъ Господень, но не на стѣнѣ, а въ рукахъ священника; любитъ начать какой нибудь семейный праздникъ молитвою, но съ благословенія священника; любитъ даже, чтобы всякая въ его домѣ собственность была освящена чрезъ священнослужителя. Положимъ, что это — дѣла благочестія, а не необходимыхъ для христіанина обязанностей; но православное духовенство должно уважать такого рода произвольныя требованія, или требы своихъ мірянъ. Обезпечьте же содержаніе сельскимъ причтамъ и запретите имъ выпрашивать, вынуждать или какимъ бы то ни было образомъ вымогать у поселянина за исправленіе произвольныхъ требъ: священникъ не пойдетъ на зовъ и найдетъ много предлоговъ къ уклоненію, даже, если и не запретить вымогательство — въ такомъ случаѣ онъ пойдетъ только къ щедрому и богатому. Хорошо ли это будетъ, и согласно ли съ духомъ православія? Примѣръ и наставленіе такого пастыря, который служитъ изъ жалованья, пожалуй и съ усердіемъ къ должности, но не изъ любви, усердія и снисхожденія къ своей паствѣ, не могутъ имѣть желаемаго дѣйствія на тѣхъ пасомыхъ,

Digitized by Google

съ которыми онъ не захочетъ стоять въ близкихъ сношеніяхъ. Человѣкъ больше считаетъ другомъ того, кому онъ благодѣтельствуетъ, нежели того, кому за благодѣяніе обязанъ благодарностію. Мірянинъ, истинно православный, когда знаетъ, что его духовный отецъ не отринетъ ни какой отъ него жертвы, любитъ подѣлиться съ нимъ изъ послѣдняго и ни мало не скорбитъ, если сдѣлаетъ что нибудь лишнее для церкви и священника. На что же охлаждать въ Русскомъ народѣ такое чувство и выводить изъ обычая поступки, источникъ которыхъ скрывается въ благочестіи древнихъ христіанъ?

Но съ жалованьемъ не вполнѣ достаточнымъ для содержанія, и съ дозволеніемъ пользоваться посильнымъ пособіемъ отъ прихода, Духовенство можетъ держать себя прилично, но будетъ близко къ простолюдину и общительно съ прихожанами. Сельскій священникъ, не во всемъ завися въ житейскомъ быту отъ своего прихода, не уронитъ себя до низости, въ какую иногда впадаетъ онъ по неволѣ; а имѣя нужду въ поддержкѣ отъ прихожанъ, онъ всегда будетъ къ нимъ ласковъ, привѣтливъ и внимателенъ.

Кто какъ ни думай, а по моему мнѣнію, сельское или, вообще, приходское духовенство — одно въ государствѣ сословіе, которому дать совершенно обезпеченное содержаніе отъ правительства вредно. Есть у насъ священники, которые живутъ однимъ жалованьемъ изъ казны; но сравните ихъ съ священниками приходскими, которымъ нѣтъ никакого жалованья, увидите не малую разницу, увидите, въ комъ больше качествъ желаемыхъ въ православномъ священнослужителѣ.

Переселившись въ Перервинскую Семинарію, разумѣется, я не думалъ такъ, какъ теперь думаю: тогда я

Digitized by Google

монаховъ не любилъ и боялся, особенно послѣ двухъ странныхъ поступковъ со мною префекта, въ старой академіи. Московскіе священники, какъ-то еще съ изстари, не жаловали монашество; вмѣстѣ съ ними, мнѣ очень тогда хотѣлось, чтобы духовными училищами, да хоть и Епархіями, управляло бѣлое духовенство. Но я и въ то время находилъ, что для сельскаго духовенства отличные ученики или студенты не нужны и что священники изъ учениковъ, кончившихъ Богословскій курсъ во второмъ и третьемъ разрядѣ, очень достаточны для церквей, гдѣ приходъ составляютъ одни поселяне. Въ селахъ немудрые священники полезнѣе высокоумныхъ; они ведутъ себя простѣе и легче сближаются съ своими прихожанами.

Многимъ изъ моихъ товарищей не понравилось въ Семинаріи: поступившимъ на казенный коштъ — не правилось содержаніе, а своекоштнымъ, разселившимся по квартирамъ въ деревнѣ, не хотѣлось жить внѣ Москвы, иные же просто не желали больше учиться. Недовольныхъ нашлось человѣкъ 20, и ихъ черезъ два мѣсяца уволили безобидно, даже съ милостивыми аттестаціями. Всѣ они скоро распредѣлились: кто поступилъ во священники или въ діаконы въ село, а кто вышелъ къ свѣтское званіе — въ приказные или въ Медико-хирургическую академію. Осталось насъ, т. е. Богослововъ, не съ большимъ сорокъ человѣкъ.

Въ Перервѣ, гдѣ и прежде существовала Семинарія, до риторическаго класса, устроенная въ монастырѣ, съ зданіями для Митрополита, размѣстили насъ таки изрядно; жилыя и классическія комнаты были порядочны: но пища въ самомъ дѣлѣ была очень дурна, черный хлѣбъ — какой-то солодѣлый, масло негодное, крупа зат-

Digitized by Google

хлая; словомъ, всѣ припасы дурные или, лучше, всѣ не нравились. Мы забушевали; въ слѣдствіе чего и объявлено: кто недоволенъ, можетъ просить объ увольненіи. Такъ главные недовольные, а за ними и лѣнивые, выбыли.

Непріятности начались съ того, что въ столовой не стали давать ложекъ; разъ принесли, и ложки пропали, потому что послѣ обѣда мы съ собою ихъ не взяли. Прежніе Перервинцы, которыхъ въ низшее и среднее отдѣленія Семинаріи поступило человѣкъ до 50, имѣли обыкновеніе носить за столъ ложки съ собою; когда мы вышли изъ за стола, они ли или служители оставленныя нами ложки забрали, и въ слѣдующій разъ намъ уже ихъ не подали. Раздраженные ослушаніемъ прислуги и упорствомъ эконома противъ нашего законнаго требованія, мы всѣ изъ столовой вонъ и — къ Ректору. Велѣно ложки выдать и приказано, чтобы ихъ убирали за нами служители.

Говорятъ, что обычай — не смѣю сказать, правило — имѣть свою ложку и носить ее въ столовую самому, былъ и въ Троицкой семинаріи. Странно! какъ митрополитъ Платонъ могъ терпѣть такой непорядокъ въ учебномъ заведеніи, которое находилось подъ его наблюденіемъ, почти непосредственнымъ? Если такъ водилось въ столичныхъ семинаріяхъ, при архіереѣ ума и опыта необыкновенныхъ, образователѣ Московскаго Духовенства и воспитателѣ многихъ отличныхъ архипастырей, то что надобно думать о духовныхъ училищахъ въ провинціяхъ? Много было чернаго; но въ то время черна была Россія. Во всемъ преобладали грубость, глупость и безвкусіе. Просвященный Платонъ зналъ свой вѣкъ и, хотя былъ человѣкъ придворный и знакомый

Digitized by Google

съ Европою, снисходилъ къ недостаткамъ времени, сообразуясь съ неразвитымъ еще въ Россіи чувствомъ внѣшняго приличія. Въ методѣ его управленія замѣтна заботливость больше о народной нравственности, а не о цивилизаціи, о приличіи церковномъ, а не гражданскомъ, о пониманіи пастырями своей обязанности, а не о комфортѣ ихъ. Поэтому на содержаніе въ духовныхъ училищахъ не обращалось близкаго вниманія; школьники содержались скудно, воспитывались какъ аскеты, въ чернотѣ, нуждахъ и терпѣніи. Съ преобразованіемъ духовныхъ училищъ, содержаніе улучшалось; вмѣсто 30 руб. асс. какъ отпускалось прежде на пищу и одежду одного ученика, положено отпускать 80 руб. асс. Положеніе, по тогдашней дешевизнѣ припасовъ, достаточное; Духовные же воспитаники не дворяне.

Зная положеніе и понимая, что на 80 руб. можно одѣвать и кормить изрядно, мы искали причины, отъ чего нашъ столъ невыносимо худъ — нѣтъ ни одного порядочнаго блюда. Пожалуй, занеможешъ. Сперва мы говорили эконому: экономъ извинялся, что такіе попались припасы, и ихъ немного; просили инспектора, нельзя ли какъ перемѣнить припасы или не всѣ вдругъ употреблять худые: инспекторъ сознался, что нельзя, ибо припасы приняты отъ прежняго семинарскаго начальства; «непринять ихъ значило бы подвергнуть виноватыхъ бѣдѣ, а это не по христіански; потерпите не много, старые припасы скоро выдутъ.» Мы терпѣли съ мѣсяцъ, пробавляясь кое-какъ молокомъ да яицами и употребляя одинъ только казенный хлѣбъ; по праздникамъ уходили въ Москву и, въ добавокъ, таскали изъ домовъ пироги или, что случится, другое, получше.

Ректоръ слышалъ и зналъ хорошо о нашихъ неудовольствіяхъ и терпѣніи, но молчалъ; а намъ не хотѣлось

Digitized by Google

его тревожить; мы его уважали уже за его умъ, пріятное съ нами обращеніе и основательныя лекціи. Прошелъ мѣсяцъ, терпѣніе истощалось; стали разсуждать, нельзя ли какъ помочь дѣлу: быть можетъ, экономъ и инспекторъ насъ обманываютъ—говорятъ, что худые припасы скоро выдутъ и будутъ хорошіе! пойдемъ лучше къ Ректору и объяснимъ ему все это. Идти къ Ректору я не согласился и просилъ, что бы шли безъ меня. Товзрищи знали, что Ректору я близокъ, по родству его съ моимъ зятемъ, и непремѣнно требовали, чтобъ шелъ. Противиться стыдно, да и нельзя; весь Богословскій классъ возсталъ. Я не противился, далъ согласіе, и только просилъ немного повременить, говоря: «пища, господа, такая же, какая была вчера, третьяго и четвертаго дня; надобно выждать, когда будетъ дурна особенно; нужно доказательство на лицо, неопровержимое, а обыкновенно не-хорошая пища, пожалуй, придется иному и на вкусъ.» Убѣжденіе пустое, но товарищи не возразили; терпя много, потерпѣть немного — ничего.

Дня чрезъ два, подали намъ въ обѣдъ масло — совершенный скипидаръ; не только ѣсть нельзя, невозможно и нюхать. На видъ масло хорошо, но такъ наспиртовано, что скипидарная вонь задушила всю столовую. Эконома при обѣдѣ не было; спросить не у кого, отчего такое масло, а отвѣтъ служителей: такое выдано. Мы взяли кострюлю, въ которой масло было растоплено и изъ которой намъ его подавали, и отправились, человѣкъ 10, къ Ректору. Остановясь въ передней и условившись, кому прежде говорить и съ чего начать, вызвали Ректора чрезъ келейника. Ректоръ вышелъ, благословилъ насъ и, смекнувъ въ чемъ дѣло, принялъ видъ не столько начальника, сколько отца или благодѣтеля.

Digitized by Google

«Что, господа, вѣрно что нибудь у васъ непріятное?»

Такъ точно, ваше высокопреподобіе! Просимъ, прикажите улучшить пищу: никакого почти кушанья нельзя ѣсть и многіе не ѣдятъ; ѣдятъ одинъ хлѣбъ, но и тотъ не хорошъ. Не смѣя васъ безпокоить, мы нѣсколько разъ говорили эконому, чтобъ закупалъ припасы непорченые; обѣщалъ, но не исполняетъ. Жаловались отцу инспектору, тоже безъ успѣха; говоритъ: «надобно повременить; припасы заготовлены прежнимъ начальствомъ семинаріи, но они скоро выдутъ.»

Это правда, господа, перервалъ Ректоръ: мы имѣли неосторожность принять припасы испортившіеся; но мнѣ говорили, что ихъ употреблять можно, а выходить нельзя.

Мы поднесли ему кострюлю; понюхалъ и сказалъ: «да! масло не хорошо, очень нехорошо. Ефимъ, дай мнѣ чернаго хлѣба!» (Ефимъ былъ келейникъ). Ефимъ подалъ хлѣба, порядочную порцію. Отломивъ небольшой кусокъ и обмакнувъ въ масло, ректоръ сталъ кушать. Въ это время входитъ профессоръ исторіи, большой говорунъ, съ вѣстями изъ Москвы; Ректоръ завязалъ съ нимъ разговоръ и, во время разговора, будто забывшись, съѣлъ, обмакивая въ масло, всю порцію. Ефимъ унесъ тарелку, на которой подавалъ хлѣбъ; профессоръ, принявъ благословеніе, вышелъ; мы стоимъ, да глядимъ, держа кострюлю въ томъ же положеніи. Ректоръ потребовалъ опять хлѣба; принесли. Опять обмакнулъ и сталъ ѣсть; но заморщился, бросилъ кусокъ на тарелку, сказалъ: «противно» и съ этимъ словомъ отпустилъ насъ, прибавивъ: «столъ вашъ будетъ лучше, я постараюсь.»

Digitized by Google

Возвратясь въ комнаты, мы разсказали товарищамъ всѣ подробности своего посольства, потолковали, посмѣялись и заключили, что Ректоръ мастерски отдѣлался отъ нашей претензіи и что мы, съ своею кострюлею, остались въ дуракахъ, когда онъ самымъ дѣломъ доказалъ, что масло ѣсть можно. Заключеніе прискорбно; но мы утѣшались тѣмъ, что не смѣлъ же Ректоръ сказать, что масло хорошо, и обѣщалъ таки улучшить пищу.

Вечеромъ, часовъ въ 10, когда надобно было ложиться спать, зовутъ меня къ Ректору. Прихожу; говорятъ, чтобы шелъ прямо, безъ доклада; иду и нахожу Ректора въ спальнѣ: раздѣтый, сидитъ на кровати, въ одномъ нижнемъ платьѣ; передъ нимъ свѣча на столикѣ, и книжка, въ рукахъ четки. «Ты вооружаешься противъ меня; вотъ я, весь тутъ; можешъ дѣлать, что хочешъ.» Такой неожиданный пріемъ, ночью и одинъ на одинъ, поразилъ меня; я не могъ ничего сказать, дрожь пробѣжала по всему тѣлу, навернулись слезы и я сталъ, какъ разбитый параличемъ. Съ минуту продолжалось молчаніе. Ректоръ всталъ, надѣлъ туфли и полурясокъ и вывелъ меня въ гостиную. Тутъ онъ прочиталъ мнѣ предлинную рацею: говорилъ, что мы, Москвичи, слишкомъ прихотливы и притязательны; что пища груба, но не такъ худа, чтобъ употреблять ее нельзя было; что причина, почему припасы не таковы, какіе бы должны быть, намъ извѣстна, но мы не хотѣли принять ее въ уваженіе, а хотѣли подвергнуть начальство непріятности, за то, что дурные припасы приняло. Хорошо ли это? Не благороднѣе ли бы было для господъ студентовъ переждать и дать собою примѣръ терпѣнія прочимъ, а не идти противъ начальства скопомъ и заговоромъ?

Digitized by Google

Я чувствовалъ всю силу словъ ректора и не смѣлъ сказать вопреки ничего; признался откровенно, что мы виноваты: «не повѣрили экономy и отцу инспектору и думали, что ваше высокопреподобіе не знаете, чѣмъ насъ кормятъ.»

«Нѣтъ, я зналъ, возразилъ Ректоръ, и зналъ что вы недовольны; но мнѣ нужно было узнать, какъ вы поступите. Вы поступили не такъ, какъ я надѣялся, и мнѣ очень больно. Повѣрьте, что я принимаю въ васъ живое участіе и не употреблю возло ни ва шей доброты ни вашего благородства. Скажи товарищамъ, что я забываю этотъ случай, прошу и ихъ забыть его; онъ черенъ. Прощай, Богъ тебя благословитъ!» и, благословивъ, отпустилъ, продержавши не менѣе часа.

Товарищи, тоже какъ и я, совсѣмъ не думали, чтобы Ректоръ слишкомъ горячо принялъ нашу претензію. Совѣстно было, что мы такъ его оскорбили, и желая поправить дѣло, утромъ послали старшаго испросить отъ лива всѣхъ извиненіе. Посланнаго ректоръ выслушалъ благосклонно и сказалъ: «я не сержусь и теперь спокоенъ; будьте спокойны и вы.

Пища наша, дѣйствительно, стала лучше: старые припасы мѣшали съ новыми, а масло перетопили какъ-то съ лукомъ, и скипидарный запахъ пропалъ. Масло было не прежнее, а купленное вновь, и очень хорошее, но испорчено по неосторожности. Въ кладовой, надъ кринками масла, стоялъ штофъ съ скипидаромъ; штофъ лопнулъ и кринки облилъ; но какъ на маслѣ скипидара не замѣтили, то его и употребили-было.

Чрезъ нѣсколько времени, когда старые припасы вышли, нашъ столъ пришелъ въ настоящій свой порядокъ; конечно, не былъ онъ затѣйливъ, но здоровъ и доволь-

Digitized by Google

но сытенъ. Штатныя семинарскія блюда — щи да каша, рѣдко — пироги, рѣдко — жаркое; но мы не жаловались и были довольны. Лакомиться же — ходили въ Москву, каждое почти воскресенье и во всѣ табельные дни.

Мѣсяца черезъ три, построили намъ желѣзныя кровати и не пышные спальные приборы; а черезъ годъ, дали сюртуки и сапоги, чѣмъ и завершилась для насъ, оканчивающихъ курсъ, казенная экипировка. Въ послѣдствіи же, казеннокоштнымъ воспитанникамъ выдавали кое-какія вещи еще.

Всякое дѣло требуетъ въ началѣ труда особеннаго: такъ началось и наше, по новой методѣ, ученье. Всѣ лекціи, Богословія и историческія, надобно было писать, такъ какъ учебниковъ не было. Греческому языку надлежало учиться съ азбуки; прежде учились ему только охотники. Не смотря на это, я вздумалъ еще заниматься математикою.

Въ первый послѣ Французовъ годъ, начальство старой академіи никакого не сдѣлало распоряженія объ учащихся, и мы просто шатались. Старшій братъ товарища, или спутника моего въ Красное село, университетскій кандидатъ физико-математическаго факультета, предложилъ мнѣ учиться геометріи; и я, сколько ни былъ разсѣянъ, ходилъ къ нему по временамъ и, подъ его руководствомъ, чертилъ геометрическія фигуры охотно. Знаній я пріобрѣлъ немного, но мнѣ жаль было потерять ихъ; геометрію я полюбилъ. Въ семинаріи математическія науки преподавались въ среднемъ отдѣленіи, въ одни часы съ нашимъ историческимъ классомъ; я упросилъ своего профессора дозволить мнѣ, вмѣсто историческаго класса, ходить на математическій. Профессоръ позволилъ подъ условіемъ, что лекціи его я

Digitized by Google

буду прочитывать и въ субботу, когда онѣ повторялись, давать ему отчетъ. Такимъ образомъ я дослушалъ геметрію и довольно прошелъ изъ алгебры.

Въ Перервѣ разсѣяваться нечѣмъ: деревня, поле и лѣсъ, и мѣстоположеніе незавидное. Въ Москву же ходили мы на одни сутки, съ вечера, съ четырехъ до четырехъ часовъ вечера жа; слѣдовательно и тутъ погулять не приходилось. Но неволѣ станешь учиться. Черезъ годъ я подогналъ своихъ товарищей и былъ съ избранными изъ нихъ посвященъ въ стихарь, для сказыванія проповѣдей.

Нашъ Ректоръ, одинъ изъ наилучшихъ чиновъ своего званія, профессоръ не по рангу, а по глубокому и обширному знанію наукъ Богословскихъ, училъ и руководилъ насъ примѣрно. Послѣ двухъ случаевъ, съ ложками и масломъ, у насъ не было уже никакихъ непріятностей: мы жили покойно, учились прилежно и такъ любили и уважали ректора, что съ нуждами своими, общими и частными, относилась къ нему безъ боязни, какъ любимые дѣти къ отцу. Онъ снисходилъ даже нашимъ прихотямъ, и вотъ тому примѣръ:

Отъ скуки въ зимнее время и для развлеченія, вздумалось намъ устроить домашній театръ. Какъ Москвичи, любители и знатоки театра, многіе изъ насъ могли играть хорошо, а нѣкоторые могли спланировать изъ комнатъ и приличную сцену. Хотѣлось, а приступить къ дѣлу не смѣли; нужно испросить дозволеніе, а какъ рѣшиться? Въ началѣ преобразованія дух. училищъ, на все, чего нѣтъ въ училищномъ уставѣ, смотрѣли, какъ ни запрещенное. Обращаемся предварительно къ профессору исторіи, за совѣтомъ. Тотъ, воспитанникъ Петербурской академіи, говоритъ: «у насъ въ академіи

Digitized by Google

этихъ затѣй не было, но въ театръ ходить студентамъ не воспрещали. Попытайте, спроситесь отца Ректора! Онъ къ вамъ снисходителенъ; можетъ быть и дозволитъ. Только, когда пойдете, скажите мнѣ; въ это время и я къ нему приду.» Не разсуждая долго, мы рѣшили сходить, и двое изъ болѣе надежныхъ отправились. Посылали было меня; но я кое-какъ отговорился, боясь выставить себя зачинщикомъ. Когда посланные пришли, профессоръ былъ уже у Ректора и, вмѣстѣ съ ректоромъ, вышелъ къ нимъ въ переднюю. «Что скажете,» спросилъ ректоръ. Наши депутаты не безъ робости объяснили причину своего прихода. «О, о! что вы вздумали. Знаю, что въ домашнихъ театрахъ грѣха не много; въ прежнее время и въ Троицкой и въ Виѳанской семинаріи игрывали. Митрополитъ Платонъ не только незапрещалъ, но поощрялъ еще; самъ иногда назначалъ піесы и при представленіяхъ всегда почти присутствовалъ.» И тутъ разсказалъ за анекдотъ, какъ однажды этотъ мудрый архипастырь вывелъ очень невыгодное заключеніе объ одномъ студентѣ изъ того, что тотъ хорошо съигралъ *Безбожника*. «Но то было время, а нынѣ другое, продолжалъ Ректоръ; что объ насъ скажутъ, если мы будемъ заниматься театрами? Ужъ, конечно, не похвалятъ.

Депутаты, ободренные и присутствіемъ профессора и тѣмъ, что Ректоръ не совсѣмъ антагонистъ театра, стали просить настоятельно, убѣждая, что мы утомляемся серьезными занятіями, не знаемъ, какъ отдохнуть и разсѣяться: выдти не куда, все сидимъ, все одно и тоже, развлеченій никакихъ. Профессоръ убѣжденія поддерживалъ, и ректоръ наконецъ согласился и, улыбнувшись, сказалъ профессору: «мнѣ сдѣлаютъ выговоръ, а я его передамъ

Digitized by Google

вамъ; вы больше виноваты. «Не спорю, отвѣтилъ профессоръ, только незнаю, кому легче придется выговоръ.»

Этимъ еще не кончилось: согласившись, ректоръ не отпустилъ нашихъ посланныхъ, а остановивъ, спросилъ, какъ и гдѣ предполагаемъ мы устроить театръ, и когда узналъ, что мы избираемъ классическую средняго отдѣленія комнату, какъ просторную и удобную больше другихъ, возразилъ: «это неловко; вы стѣсните учениковъ и учащихъ, могутъ выдти жалобы; не лучше ли будетъ въ моей залѣ? (Ректоръ жилъ въ митрополичьихъ покояхъ, и зала была огромная). Тогда и я могу быть на вашихъ представленіяхъ; приготовленіемъ вы меня не обезпокоите, и вамъ можно распоряжаться во всякое время».

Дозволеніе Ректора и предложеніе приняты были съ восторгомъ. Тотчасъ сдѣлали подписку на расходы и, собравши рублей до ста, въ слѣдующее же воскресенье отправились въ Москву для закупокъ, что нужно, и пригласили одного знакомаго актера изъ московскаго театра, чтобъ показалъ, какъ лучше устроить сцену, и научилъ сценическому порядку; сами росписали и поставили кулисы, повѣсили занавѣсъ, съ приличными эмблемматическими изображеніями и эпиграфомъ въ стихахъ, добыли нужные костюмы и, для увертюры, сыгрались на трехъ или четырехъ инструментахъ, на какихъ играть умѣли. Театръ вышелъ хоть куда.

Въ назначенный день роздали балеты нѣкоторымъ ученикамъ средняго и низшаго отдѣленій; всѣхъ помѣстить было негдѣ. Зрителей собралось не мало; кромѣ своихъ, профессоровъ, насъ и прочихъ учащихся, пріѣхали изъ Москвы гости. Устройство театра всѣ хвалили и дебютъ былъ принятъ очень хорошо. Ректоръ остался доволенъ.

Digitized by Google

Я былъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, игралъ первостепенную ролю и меня признали однимъ изъ лучшихъ актеровъ, что меня очень тѣшило.

Такъ какъ все шло чинно и зрители остались довольны, то, чрезъ нѣсколько времени, позволили намъ опять играть. Прежде мы играли комедію: ***Братомъ продажная сестра,*** а теперь выбрали драму: ***Желѣзная маска,*** и сыграли также хорошо, къ удовольствію посѣтителей.

И во второй разъ безпорядковъ никакихъ не произошло; не было ни опущеній по классу, ни отступленій отъ правилъ поведенія. Мы дорого цѣнили снисхожденіе къ намъ ректора, и потому, относительно своихъ обязанностей, старались держать себя строго.

Болѣе двухъ разъ не удалось намъ играть.. Дѣло приходило къ концу курса, приближались экзамены; надобно было заниматься попристальнѣе. Къ тому же ожидали ревизора; въ семинаріи больше стало дѣятельности и движенія, взгляды ея какъ то разширились. Мы не понимали, что такое ревизоръ; ревизій прежде не было, а были экзамены, да диспуты. Экзаменатора мы не трусили, по крайней мѣрѣ я такъ себя чувствовалъ, и ждали ревизора спокойно, приготовляясь къ экзамену.

Ревизора прислали изъ Петербургской академіи, человѣка умнаго и многоученаго, о классической образованности котораго и прежде доходили до насъ слухи. Ревизія началась экзаменомъ съ нашего Богословскаго отдѣленія. Экзаменъ былъ не труденъ: устные вопросы и небольшое сочиненіе на тему изъ текста Свящ. Писанія. На вопросахъ мы отличились; ревизоръ насъ похвалилъ, и Ректоръ, довольный нашими отвѣтами, ска-

Digitized by Google

залъ спасибо. Вообще, учебная часть въ семинаріи признана ревизоромъ въ состояніи удовлетворительномъ.

Какъ оказалась Перервинская семинарія по части нравственной, экономической и административной, свѣденій до насъ не дошло, и мы не добивались ихъ, довольствуясь отзывомъ о себѣ и радуясь, что ученье наше кончилось.

Послѣ экзаменовъ у Ректора былъ обѣдъ, на которомъ, кромѣ ревизора и своихъ профессоровъ, случилось не мало лицъ постороннихъ, духовныхъ и свѣтскихъ, пріѣхавшихъ изъ Москвы. За обѣдомъ зашла прежде рѣчь о неудобствѣ Московской семинаріи (Перервинская семинарія бумажно называлось Московскою, а Виѳанская — Виѳанскою) быть въ Москвѣ: многимъ отцамъ трудно содержать дѣтей на квартирахъ; многіе изъ учениковъ семинаріи имѣютъ въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ братьевъ, которыхъ они могли бы руководить; сами же, не видя, кромѣ деревни, ничего, грубѣютъ и отвыкаютъ отъ обращенія съ людьми хорошаго тона. Всѣ эти сужденія, съ которыми соглашался и ревизоръ, я слышалъ, находясь въ это время въ комнатахъ Ректора. Онѣ имѣли свою силу; потому что, курса черезъ три, семинарію перевели съ Перервы въ Москву.

Потомъ заговорили о небходимости рекреаціонныхъ и гимнастическихъ занятій для учащихся, особенно въ такой семинаріи, какъ Перервинская, гдѣ и лѣтомъ нѣтъ почти развлеченій, а зимою — совсѣмъ никакихъ. Заспорили и, разбирая какія игры и забавы полезнѣе и приличнѣе воспитанникамъ духовнымъ, коснулись и домашняго театра. Спорили долго и довольно жарко, но тѣмъ дѣло и кончилось. Ревизоръ не допускалъ теа-

Digitized by Google

тральныхъ представленій; онъ признавалъ ихъ мало полезными и, въ нѣкоторомъ отношеніи, неприличными; настоятельно же не отвергъ.

Вопросъ, можно ли въ духовныхъ училищахъ дозволять театральныя представленія, какъ это дозволяется въ училищахъ свѣтскихъ, стоилъ бы разрѣшенія, но онъ не разрѣшенъ положительно доселѣ: одни говорятъ, что можно, другіе — хоть и можно, но не должно. Первые находятъ, что театръ, подъ умною и благонамѣренною дирекціею, вообще полезенъ; домашнія же представленія дресируютъ молодыхъ людей, пріучаютъ ихъ къ ловкости въ словахъ, поступкахъ и въ самой поставѣ, а это духовнымъ воспитанникамъ, которые въ семействахъ своихъ ничего подобнаго не видятъ, не только не лишне, но весьма бы нужно, по ихъ назначенію дѣйствовать публично, всенародно. Развѣ хорошо видѣть священника или діакона, который ни стать, ни ступить, ни сдѣлать возгласа порядочно неумѣетъ? Вторые, не оспаривая пользы театра вообще и не отвергая приличія театральныхъ представленій въ училищахъ свѣтскихъ, отвергаютъ его для училищъ духовныхъ; говорятъ, что непристойно воспитаннику, имѣющему назначеніе быть служителемъ церкви и алтаря, рядить себя въ чужой кафтанъ, для посмѣшища, и какимъ глазомъ будешъ смотрѣть на священнослужителя, о которомъ знаешь, что онъ нѣкогда былъ лицедѣемъ, или актеромъ?

По моему мнѣнію, защитники вопроса больше имѣютъ на своей сторонѣ и безпристрастія и основательности. Театръ, вообще, есть своего рода школа, гдѣ человѣкъ, какъ бы практически, изучая науку о человѣкѣ въ его дѣйствительности и возможности (коме-

Digitized by Google

дія и трагедія:), нечувствительно облагороживается въ личныхъ качествахъ, внутреннихъ и наружныхъ. Нѣтъ примѣра, чтобы отъ театра люди дѣлались хуже; но примѣровъ смягченія нравовъ, возвышенности въ поступкахъ, правильнаго развитія вкуса и раскрытія чувства приличія — много. Театральныя представленія, въ основаніи своемъ, значитъ, полезны. Если въ публичные театры вкрадывается иногда что нибудь и вредное, то въ домашнихъ театрахъ вреднаго всегда избѣгнуть можно; а съ предосторожностію, почему не позволить такого рода увеселеній, отъ которыхъ, кромѣ пользы, ничего не послѣдуетъ? И въ старину люди умные не гнушались сценическими представленіями: театръ возродился въ Европѣ отъ Духовныхъ, прародители его — католическіе монахи; и у насъ, въ Россіи, первые актеры были семинаристы, т, е. люди Духовнаго званія. Не соблазнялись же тогда тѣмъ, что актеръ будетъ въ послѣдствіи священнослужителемъ. Въ училищахъ театръ — игра дѣтская, оживляющая духъ и развлекающая хандру въ трудныхъ однообразныхъ занятіяхъ наукою; а въ дѣтскихъ играхъ все, что безвредно, извиняется, и упрекать облеченнаго въ священный санъ взрослаго человѣка за то, что онъ въ дѣтствѣ, между школьными товарищами, игралъ такую или такую роль, безразсудно.

Въ Свѣтскихъ училищахъ есть танцы, гимнастика, фехтованье, а въ Духовныхъ нѣтъ ничего, что бы могло полировать кровь и сообщать членамъ тѣла гибкость и ловкость. Допускаются ребяческія игры; но люди, достигая послѣдняго въ дѣтствѣ возраста, ребячиться не любятъ. Танцы и фехтованье совсѣмъ не къ лицу, а гимнастическія упражненія, если устроить ихъ систематически, стоить будутъ дорого и не мало отни-

Digitized by Google

мутъ времени. По моему мнѣнію, въ семинаріяхъ и академіяхъ Духовныхъ театры всего лучше; одно только условіе, что бы выборъ піесъ приняло на себя начальство и въ представленіяхъ учениковъ или студентовъ участвовало бы своимъ присутствіемъ и вниманіемъ. Тогда, сверхъ пользы развлеченія, культура тѣла, а съ умѣньемъ взяться за дѣло, и культура самой души несомнѣнны.

Перервинская семинарія въ порядкѣ ревизіи была послѣднею. Ревизоръ когда пріѣхалъ къ намъ, онъ уже осмотрѣлъ и академію и Виѳанскую семинарію. Побывавъ затѣмъ въ Московскихъ уѣздномъ и приходскомъ училищахъ, подвѣдомственныхъ Перервинской семинаріи, ревизоръ отправился во-свояси.

Послѣ отъѣзда ревизора, насъ на нѣсколько времени задержали въ Перервѣ: надобно было лучшихъ учениковъ выслать въ академію, ихъ требовалось не менѣе десяти человѣкъ. Я между перворазрядными товарищами, которыхъ было больше 20, зачисленъ былъ въ первомъ десяткѣ; слѣдовательно имѣлъ полное право быть отправленъ въ академію, чего такъ и добивался. Назначеніе въ академію неподлежало произволу семинарскаго начальства; начальство объявляло о требованіи и могло только соглашать, если студенты, т. е. ученики, кончившіе курсъ въ первомъ разрядѣ, не охотно принимали требованіе. Насъ призывали въ правленіе по одиначкѣ и приглашали по порядку списка. Изъ перваго десятка, кромѣ меня, никто не согласился, а изъ втораго изъявили желаніе только четверо; причиною поставляли то, что и въ академіи надобно писать много, а это трудно и безполезно, а для многихъ, по слабости груди, вредно. Ректору очень было непріятно,

Digitized by Google

что охотниковъ не нашлось и 10-ти человѣкъ, а изъ перваго десятка отказались почти всѣ. Онъ сталъ уговаривать, уважилъ отзывъ перваго по списку студента, который дѣйствительно былъ здоровьемъ слабъ и, поступивши въ монахи и смотрителемъ уѣзднаго училища, вскорѣ померъ отъ чахотки; но прочимъ не повѣрилъ никому и приписывалъ отказъ холодности къ наукамъ и, какъ онъ выразился, отвратительной въ молодомъ человѣкѣ лѣности. Студенты любили своего наставника и, замѣтивъ, что онъ скорбитъ и обижается ихъ къ нему невниманіемъ, дали согласіе, предоставивъ выборъ его волѣ. Не исключивъ никого изъ объявившихъ желаніе беспрекословно, ректоръ назначилъ пять человѣкъ изъ перваго десятка; и затѣмъ, по совершеніи молебствія, распустили семинарію на вакаціонное время, до Сентября, намъ же приказано было явиться за три недѣли раньше, для полученія аттестатовъ и отправленія въ академію.

Академическій вурсъ начинается съ 15 Августа; мы явились въ семинарію дня за четыре. Выдали намъ аттестаты и снабдили путевыми издержками, по 35 руб. на каждаго. Принявъ благословеніе отъ ректора и, съ чувствомъ искренней признательности къ нему, выслушавъ послѣднее его наставленіе, мы отправились обратно въ Москву, дабы запастись чѣмъ нибудь въ путь и проститься съ родными.

Отецъ мой очень былъ доволенъ, что меня назначили въ академію, а наставница пришла въ восхищеніе, что желаніе ея исполнилось съ такою точностію. Первый благословилъ меня небольшимъ образомъ Трехъ Святителей и, благословляя сказалъ: «будешъ ли ты служителемъ церкви или выдешъ въ свѣтское званіе, никогда не оста-

Digitized by Google

вляй ученія этихъ великихъ учителей Вселенскихъ;» а вторая наговорила мнѣ кучу ласковостей, снабдила меня сахаромъ, чаемъ и кое-какими аптекарскиии снадобьями, на случай, если мнѣ какъ нибудь не поздоровится, и обязала непремѣнно писать къ ней, когда пріѣду въ академію и какъ тамъ устроюсь.

Напутствованный хорошо, я простился не безъ слезъ и вечеромъ, 13 Августа, съ двумя товарищами, въ кибиткѣ тройкою, отправился въ Сергіеву Лавру.

—

V. ШКОЛА ВЪ НОВООБРАЗОВАННОЙ АКАДЕМІИ.

Опять пришлось учиться не въ Москвѣ: словно-какъ чего то опасались, что изъ Москвы вывели всѣ высшія учебныя заведенія Духовнаго вѣдомства. Академія помѣщена была внутри монастыря и занимала зданія бывшей Троицкой семинаріи и царскіе чертоги, построенные еще при Императрицѣ Елисаветѣ. Явившись къ ректору и инспектору, мы приняты были ими привѣтливо и переданы академическому эконому, для назначенія намъ пристанища, на время, когда соберутся студенты всѣ.

Три дня мы гуляли: въ Лавру ожидали Государя Императора, а между тѣмъ студенты собирались. Осмотрѣвши монастырь и побродивши по Посаду, я обратился мыслію къ минувшему своему житью въ семинаріи. Живо мнѣ представились всѣ стороны почти двухлѣтняго моего пребыванія въ Перервѣ. Брошенный на произволъ обстоятельствъ, я въ Москвѣ сбивался съ пути и ученія и поведенія; Перерва меня поправила. Философское

Digitized by Google

вольномыслiе, которое, хоть я учился худо, мнѣ очень нравилось, разбилось о Богословскiй догматизмъ. Догматическiй тактъ сначала мнѣ былъ тяжелъ: не смѣй думать иначе, нежели учатъ, а учатъ по канвѣ Св. Писанiя; надобно вѣрить, а не разсуждать. Ректоръ, глубокiй знатокъ своего дѣла, умѣлъ внушить намъ разумную вѣру; доказавъ Богодухновенность Библейскихъ книгъ съ математическою точностiю, онъ уже легко передавалъ намъ Богословскiя истины, утверждая ихъ на текстахъ Писанiя. Кичливый мой умишко смирился, и я полюбилъ науку Богословiя.

Благоразумная строгость ректора, не хвалившаго, а щадившаго столичныя наши привычки, и особенное его ко мнѣ вниманiе довели меня до состоянiя воспитанника благонравнаго. Въ школѣ ничѣмъ неотличая отъ прочихъ, ректоръ нерѣдко бралъ меня съ собою въ Москву и дорогою всегда заводилъ разговоръ, какой нибудь нравоучительный. Я былъ съ нимъ откровененъ, вмѣшивалъ въ разговоръ свои мысли, иногда спорилъ; и онъ не только не сердился, а еще вызывалъ меня на диспутъ. Но не столько нравоученiя этого умнаго педагога падали мнѣ на душу, сколько его назидательное обращенiе со мною. Хотя мнѣ было за 20 лѣтъ; но я былъ простъ и открытъ, какъ ребенокъ; нерѣдко попадалъ въ сѣти, какiя иногда разстилали мнѣ товарищи. Ректоръ самъ былъ не хитръ; но, какъ человѣкъ прозорливый, видѣлъ мою простоту и безлукавство и зналъ, что я слишкомъ довѣрчивъ къ людямъ. Однимъ съ собою случаемъ онъ далъ мнѣ понять, какъ простодушiе и довѣрчивость къ другимъ приводятъ иногда умнаго человѣка въ затрудненiе дѣйствовать удачно въ свѣтѣ, и спросилъ: должно ли беречь въ себѣ эти дѣтскiя качества и можно ли сдѣлаться хитрымъ, не потерявши ихъ? Я

Digitized by Google

сначала заикнулся, а потомъ сказалъ: простота — своего рода глупость, а довѣрчивость показываетъ незнаніе людей и неопытность въ жизни; убытка немного, если и потеряешъ ихъ. «Нѣтъ, возразилъ ректоръ, простота больше предполагаетъ не-порочность, а довѣрчивость — уваженіе къ людямъ; потерять ихъ или не имѣть — большое, по моему, не щастіе. Простодушныхъ людей любятъ всѣ, даже и люди злые; человѣкъ же довѣрчивый къ другимъ взаимно выигрываетъ довѣріе другихъ и къ самому себѣ. Да и что за бѣда, если кто тебя и обманетъ? Ни честь твоя, ни твоя совѣсть не страждутъ. Если ты сознаешъ, что ты простъ и довѣрчивъ, храни эти качества, какъ благодѣяніе природы, не презирай и не измѣняй своей личности.» Этотъ урокъ, выраженный только иными словами, крѣпко удержался въ моей памяти; на сколько же онъ былъ мнѣ полезенъ въ жизни, покажетъ дальнѣйшій ходъ моей біографіи.

Въ семинаріи, живя вмѣстѣ съ товарищами и близко узнавши каждаго, я пріобрѣлъ себя друга. Это была личность замѣчательная, въ которой, кажется, всѣ контрасты молодости гармонировали. Я полюбиль его за живость, гибкій умъ и мягкосердечіе; а онъ привязался ко мнѣ потому, что я, какъ ему казалось, лучше другихъ могъ цѣнить его. Этотъ другъ много разъ вводилъ меня въ искушенія; но я никогда на него нежаловался, не жалуюсь и теперь. Есть искушенія, которыя убиваютъ человѣка на всю жизнь: это — искушенія дьявольскія. Искушенія моего друга совсѣмъ не были дьявольскія; онѣ не разслабляли духа, а укрѣпляли его. Другъ мой падалъ и вставалъ бодро, и не боялся опять упасть; съ нимъ и я привыкъ не бояться паденій. Паденія неразлучны съ человѣческою натурою; но, съ его

Digitized by Google

примѣра, я пересталъ страшиться ихъ и, падая, всегда чувствовалъ, что могу встать. Достойный добрыхъ воспоминаній, другъ мой не пошелъ въ академію, а опредѣлился на службу и былъ четыре года прекраснымъ учителемъ и, послѣ, священникомъ, любимымъ своею паствою за назиданіе словомъ и дѣломъ. Стоило бы разоблачить нашу дружбу, дабы показать, въ какой мѣрѣ и съ какими орудіями борьба духа и плоти не опасна въ юности; но безъ воли и согласія друга, котораго давно нѣтъ на свѣтѣ, я не смѣю на то рѣшиться. Впрочемъ и самъ считаю за лучшее оставить подъ покровомъ то, на что смотрѣть было бы хотя и поучительно, но не всякому пріятно.

Вотъ съ какими запасами я вступилъ въ академію, высшее и послѣднее святилище Духовнаго просвѣщенія! Черезъ два дня по нашемъ пріѣздѣ, студенты собрались всѣ; намъ и прочимъ новонабраннымъ дали экзаменъ, всѣхъ признали способными слушать академическіе уроки и размѣстили по комнатамъ. Студентовъ прежняго набора было человѣкъ до 70, а вызванныхъ вновь, изъ восьми епархій, 60: первые жили въ чертогахъ, а для насъ достраивали новый корпусъ, на мѣстѣ, гдѣ прежде была семинарія.

Изъ товарищей моихъ, которые не охотно пошли въ академію, четверо выбыли въ первомъ же мѣсяцѣ; они просили академическое начальство, и ихъ уволили безпрепятственно. Насъ, Москвичей, осталось шестеро; мы не были разлучены и жили вмѣстѣ, въ одной комнатѣ, имѣя и старшаго изъ своихъ же товарищей.

Въ комнатахъ студенты помѣщались человѣкъ по восьми и по десяти; рекреаціонныхъ залъ и отдѣльныхъ комнатъ для занятій не было, ни у насъ, ни у

Digitized by Google

студентовъ старшихъ. Тѣ и другіе, гдѣ спали, тутъ и занимались, на общемъ столѣ; тутъ же, въ свободное отъ занятій время, и отдыхали. Кромѣ сего недостатка, который въ послѣдствіи устранили, и кромѣ физическаго кабинета, который тоже устроенъ послѣ, всѣ прочія принадлежности казенно-учебнаго заведенія новооткрытая Московская академія имѣла вполнѣ и довольно въ надлежащемъ видѣ.

Въ каждой изъ жилыхъ комнатъ, равно-какъ и во всякомъ классѣ, находился старшій, изъ студентовъ же. Старшихъ избирало начальство, какъ посредниковъ въ сношеніяхъ между собою и студентами. Комнатныхъ старшихъ назначалъ инспекторъ, а классическихъ — ректоръ; первые обязаны были ежедневно рапортовать инспектору, хорошо ли состоящіе подъ ихъ старшинствомъ студенты вели себя въ теченіи дня, а послѣдніе, послѣ каждаго класса, доносили ректору, все ли въ учебные часы шло въ должномъ порядкѣ. Какъ скоро начались лекціи, меня сдѣлали старшимъ по классу математическому.

Курсъ академическаго ученія положенъ четыре года и раздѣленъ на двѣ части или отдѣленія, философское и Богословское. Въ каждомъ отдѣленіи надобно пробыть два года; поступившіе до насъ студенты, съ нашего прибытія перешли въ Богословское отдѣленіе, а мы начали курсъ съ философскаго. Отдѣленія академіи, по равенству состава и степени преподаваемыхъ наукъ, къ нимъ отнесенныхъ, можно бы назвать факультетами; но первому изъ нихъ, т. е. философскому, не дано было права возводить въ высшія ученыя степени. Это право предоставлено одному отдѣленію Богословскому, и потому академическіе кандидаты, магистры и доктора,

Digitized by Google

какъ бы далеки ни были въ знаніи наукъ философскихъ, называются кандидатами, магистрами и докторами Богословія. Философія, наука наукъ, сочтена въ академіи наукою вспомогательною.

Учебный составъ Московской академіи былъ слѣдующій: шесть профессоровъ и шесть баккалавровъ, или адъюктъ-профессоровъ. Первые, по табели о рангахъ, причислены къ VII разряду свѣтскихъ Государственныхъ чиновъ, а послѣдніе къ VIII; тѣ и другіе должны были служить въ ученыхъ должностяхъ не менѣе четырехъ лѣтъ, а служа болѣе, получали чины по порядку выслуги.

Въ составъ административный входили исключительно чины Духовные, архимандриты и іеромонахи: ректоръ, инспекторъ и экономъ, которые управляли, всякой своею частію, точно такъ же, какъ въ семинаріи. Ректоръ, которымъ могъ быть и архіерей, — главный начальникъ и предсѣдатель академическаго правленія, прочіе — члены правленія. Секретарь — изъ баккалавровъ, два письмоводителя и нѣсколько писцовъ.

Академическое правленіе дѣлилось на внутреннее и внѣшнее первое завѣдывало дѣлами собственно академіи, а послѣднее управляло семинаріями, и состояло подъ указами, или предписаніями бывшей коммиссіи духовныхъ училищъ, которую составляли Члены Святѣйшаго Синода и оберъ-прокуроръ.

Для возведенія въ ученыя степени, рѣшенія разныхъ ученыхъ вопросовъ и, частію, размѣщенія кончившихъ курсъ студентовъ по училищныхъ должностямъ, при академіи учреждена конференція. Въ конференціи обязаны присутствовать ректоръ, какъ предсѣдатель, инспе-

Digitized by Google

кторъ же и всѣ профессора, какъ дѣйствительные члены, съ правомъ голоса; приглашались въ присутствіе и баккалавры, но только для совѣщанія. Въ составѣ конференціи числились еще почетные члены, которые избирались изъ особъ извѣстныхъ какъ ученостію, такъ и полезною для Духовныхъ учебныхъ заведеній дѣятельностію. Почетные члены могли присутствовать въ засѣданіяхъ конференціи, но права голоса не имѣли. Въ чрезвычайныхъ собраніяхъ предсѣдательствовалъ митрополитъ, а безъ митрополита, во время ревизіи, ревизоръ.

Студенты, по окончаніи академическаго курса, выдержавъ послѣдній экзаменъ, подвергались рѣшительному о своей участи дѣйствію конференціи. Конференція разсматривала ихъ учебные списки и списокъ по поведенію, строго разбирала сочиненія и, соображая все это, составляла списокъ свой, внося въ него студентовъ по порядку сравнительнаго достоинства, опредѣляемаго большинствомъ голосовъ.

Составленный списокъ конференція разграничивала на четыре отдѣла: въ первый отдѣлъ входили магистры, во второй — старшіе кандидаты, въ третій — младшіе кандидаты, а въ четвертомъ студенты оставались и выпускались изъ академіи студентами же. Чтобы попасть въ отдѣлъ магистровъ, нужно быть отличнымъ, т. е. стоять въ первомъ разрядѣ по спискамъ обоихъ отдѣленій, философскаго и богословскаго, и имѣть хотя одно сочиненіе на данную тему, могущее выдержать критику: съ небольшимъ отступленіемъ отъ сего правила, студентъ заносился въ отдѣлъ старшихъ кандидатовъ, съ правомъ получить степень магистра по истеченіи года, если, поступивъ въ училищную службу, окажется наставникомъ способнымъ; къ отдѣлу кандидатовъ млад-

Digitized by Google

шихъ причислялись студенты средней руки, хорошіе, но не отличные, которымъ однакоже предоставлялось право или держать экзаменъ на магистра вновь или представить въ конференцію сочиненіе, достойное магистерской степени.

Списокъ конференціи академическое правленіе представляло въ коммиссію Духовныхъ училищъ на утвержденіе. Коммиссія или утверждала списокъ безъ измѣненія или измѣняла только разграниченія, если магистровъ назначалось слишкомъ много. Затѣмъ выдавались аттестаты, а магистрамъ, сверхъ того, дипломы, послѣдніе на Латинскомъ языкѣ. Получившіе аттестаты распредѣлялись по училищнымъ должностямъ, тоже съ утвержденія Коммисіи Духовныхъ училищъ; а если въ училищахъ вакантныхъ мѣстъ не доставало, то лишніе обращались въ вѣдомство епархіальныхъ начальствъ, для опредѣленія на мѣста священнослужительскія.

Въ мое время, коммиссія Духовныхъ училищъ довѣряла конференціямъ въ назначеніи кончившимъ курсъ студентамъ высшихъ ученыхъ степеней; но послѣ это довѣріе какъ-то ослабѣло. Въ доказательство стали требовать студенческихъ сочиненій и въ спискѣ дѣлали перемѣны не по одному разграниченію, а и въ порядкѣ номеровъ. Можетъ быть, академическія конференціи лишились полнаго къ своимъ дѣйствіямъ довѣрія не безъ причины, а можетъ быть — просто, по распоряженію начальства, которое нерѣдко бываетъ не довѣрчиво и безъ причины: но, какъ бы то ни было, недовѣрять академіи, какъ высшему учебному заведенію, не разсчетливо; это значитъ унижать его, а униженіе, какъ отрицаніе достоинства, подрываетъ въ человѣкѣ уваженіе къ самому себѣ и мѣшаетъ ему дѣйствовать энергически.

Digitized by Google

Кромѣ кандидата и магистра, ученые въ Духовенствѣ могутъ получать степень доктора Богословія; по признаніе докторомъ или удостоеніе этой степени принадлежитъ не академической конференціи, а Святѣйшему Синоду непосредственно. Право на полученіе степени доктора пріобрѣтается такимъ Богословскимъ сочиненіемъ которое съ пользою можетъ быть принято въ учебныхъ заведеніяхъ. Доктору дается дипломъ и, вмѣстѣ съ дипломомъ, наружный знакъ отличія — золотой наперсный крестъ. Докторатство исключительно принадлежитъ чинамъ Духовнымъ; люди свѣтскіе и иновѣрцы, хотябъ ихъ сочиненія были Богословскія и употреблялись въ православныхъ Духовныхъ училищахъ, не имѣютъ на него права.

Наружный знакъ отличія, золотой же крестъ, получаютъ и магистры, только не прежде, какъ по принятіи священства. Магистерскій крестъ меньше и носится на груди въ петлицѣ, а докторскій носятъ на шеѣ.

Сверхъ этихъ привилегій, доктора и поступающіе въ духовное званіе магистры, а также и кандидаты пользуются пожизненнымъ пенсіономъ. Въ прежнее время доктора получали по 600, магистры по 350, а кандидаты — по 250 руб. ассигн. въ годъ. Нынѣ пенсіонные оклады нѣсколько выше.

Очевидно, что пенсіонные оклады, какъ награда безъ заслуги, которой нѣтъ примѣра, имѣютъ двоякую цѣль: во первыхъ, удержать ученыхъ людей въ Духовномъ званіи, и во вторыхъ, дать нѣкоторое пособіе въ содержаніи такимъ на церковной службѣ лицамъ, которыхъ преимущество предъ другими уже признано.

Въ Философскомъ отдѣленіи академіи по штату положено три профессора и три баккалавра. При нашемъ

Digitized by Google

поступленіи, профессоровъ было только два: философіи и исторіи, каѳедру же третьяго занималъ баккалавръ. Предметы сего отдѣленія — профессорскіе: философія, физико-математическія науки и исторія, баккалаврскіе: словесность, Французская и Нѣмецкая литературы. Все это читалось и разбиралось на Русскомъ языкѣ, кромѣ Философіи, которую нашъ профессоръ преподавалъ по-Латыни.

Помня свою привязанность къ философіи и имѣя охоту къ наукамъ физико-математическимъ, я принялся за нихъ прилежно. Профессоръ философскихъ наукъ былъ человѣкъ очень умный и близко знакомый съ новѣйшею въ то время филоософіею; занимавшій же кафедру физико-математическую хотя былъ и баккалавръ, но знатокъ математики отличный. Исторіи я не слушалъ въ академіи, равно не учился нѣмецкой литературѣ, а словесностію занимался слегка, только для порядка. По классу философскому, въ первый годъ читали намъ исторію философіи: и какъ профессоръ былъ эклектикъ, по крайней мѣрѣ, наружно; то философская исторія читалась имъ и по Бруккеру, и по Тенеманну и по Буле. Входили иногда въ дѣло Тидеманнъ и де-Жерандо. Во второй годъ, мы слушали самую философію, или точнѣе, опытную психологію и логику, которыя преподавались както на свой манеръ, совсѣмъ не по учебнику, Карпе. Профессоръ нашъ любилъ идеализмъ, а академіи хотѣлось, чтобъ мы были экспериментаlисты. Метафизики и нравственной философіи намъ не читали, а съ главными ихъ предметами ознакомилъ насъ профессоръ при чтеніи философской исторіи.

Математика преподавалась по системѣ академика Гурьева, и въ теченіи двухъ лѣтъ мы прошли геомет-

Digitized by Google

рію, алгебру, тригонометрію, дифференціальное и интегральное изчисленія и остановились на изчисленіи варіаціонномъ. Изъ физики и, вообще, изъ прикладной математики ничего намъ не преподано; потому ли, что недостало времени, такъ какъ преподаватель былъ одинъ, или потому, что для прикладныхъ наукъ нужны инструменты, а кабинета заведено еще не было. По математическому классу, гдѣ я исправлялъ должность старшаго, считали меня первымъ.

Баккалавръ словесности читалъ эстетику, по какимъ-то запискамъ, своимъ или чужимъ, неизвѣстно, но мы подозрѣвали, что по чужимъ, и занималъ насъ сочиненіями. Въ мнѣніяхъ своихъ онъ не совсѣмъ сходился съ покойнымъ Мерзляковымъ, печатавшимъ тогда публичныя свои лекціи. Но кто изъ нихъ больше правъ, я судить не могъ; эстетика мнѣ казалась наукою неопредѣленною, далеко недоросшею до своего совершенства. Я какъ-то худо понималъ ее, хотя понять и силился: прочелъ эстетическія разсужденія Ансиліона, прочелъ эстетику Буттервека, но ничто не помогло. Пуще всего тягостно мнѣ было не уразумѣніе, что такое вкусъ и геній. Вкусъ еще не такъ; по крайней мѣрѣ теперь я его понимаю и могу опредѣлить: но геній мучитъ меня до-селѣ; опредѣленія ему нѣтъ, а описаніямъ не совсѣмъ что-то вѣрится. Г. д'Израели составилъ *Исторію генія* и, кажется, могъ бы сказать, что онъ такое; но не сказалъ, предоставивъ догадываться самому читателю.

Исторіею я не занимался въ академіи, разсчитывая, что изученіе науки повѣствовательной возможно безъ руководителя и доступно во всякомъ возрастѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ жизни. По нѣмецки я не много

Digitized by Google

зналъ, и хотѣлъ учиться далѣе, но недоставало у меня времени. На классъ Французской литтературы ходилъ я постоянно, но только ходилъ, и то потому, что боялся потерять этотъ языкъ, безъ упражненія.

Такимъ образомъ, все мое вниманіе, въ первой половинѣ академическаго курса, обращено было на философію и математику.

Возбужденный умными лекціями профессора философскихъ наукъ, уважавшаго преимущественно Платона Плотина и всѣхъ новѣйшихъ философовъ, исключая Гегеля, о которомъ тогда не было еще слышно въ Россіи, я ревностно слѣдилъ за ходомъ развитія мыслящей силы въ родѣ человѣческомъ. Правда, много разъ сбивался съ пути, но не на долго. Съ трудомъ выучившись понимать *Критику* Канта, я остановился на этомъ великомъ философѣ. Его x какъ я ни старался разрѣшить по системамъ Фихте и Рейнгольда, Шеллинга и Якоби, сталъ, какъ неподвижная точка предъ моими глазами, какъ таможенный столбъ, за которымъ всякое умствованіе представлялось мнѣ контробандою. x долго томилъ меня: Якобіева вѣра, или непосредственное вѣдѣніе абсолютной истины нѣсколько облегчало мой духъ; но лишь вспомню Кантовы антиноміи, все опять пропадало, x опять являлся, какъ призракъ, отъ котораго ничѣмъ неотвяжешься. Наконецъ я прибѣгнулъ къ Откровенію, и оно меня успокоило. Я повѣрилъ Канту, что его искомая величина ненаходима и о важнѣйшихъ для человѣка истинахъ сталъ разсуждать по ученію нашего Спасителя. Убѣдившись, что человѣкъ самъ собою, безъ помощи свыше, не можетъ достигнуть истиннаго знанія ни о Богѣ, ни о мірѣ, ни о себѣ самомъ, я призналъ *Критику Чистаго Разума* вспомогательною наукою

Digitized by Google

къ изученію теологіи, космологіи, антропологіи, основанныхъ на Священномъ Писаніи, а Канта первымъ философомъ, который, обличивъ нашъ умъ въ безсиліи, заставилъ его покориться вѣрѣ и искать истины не однимъ путемъ философствованія, а и путемъ благодатнаго Откровенія.

Съ Кантовымъ ученіемъ и, вообще, съ новѣйшею философіею начальство академическое ни мало знакомо не было; но, къ нашему счастію, оно держало себя такъ благоразумно въ отношеніи къ студентамъ, что не мѣшало намъ мыслить свободно. Тѣ изъ насъ, младшихъ и старшихъ, которые любили философію, часто, въ свободные часы, сходились на бесѣду, философствовали, спорили, помогали другъ другу въ пониманіи Кантова ученія, трудились надъ переводомъ техническихъ словъ его языка и разбирали системы его учениковъ, которые не сходились ни съ нимъ, ни между собою въ своихъ мнѣніяхъ. Такого рода бесѣды много мнѣ принесли пользы, особенно потому, что я худо зналъ Нѣмецкій языкъ. Старшіе студенты меня любили и часто помогали мнѣ переводами замѣчательныхъ статей въ новой философіи.

Разъ, съ однимъ изъ своихъ товарищей, когда мы не ознакомились еще съ Нѣмецкими учеными и Кантова философія казалась намъ лѣсъ-лѣсомъ, читалъ я *Вѣстникъ Европы* и встрѣтилъ въ немъ странный отзывъ о Кантѣ, Фихте, Шеллингѣ и другихъ идеалистахъ: ихъ раскритиковалъ какой-то, не помню, ученый, едвали не профессоръ, и, назвавъ помѣшанными, засадилъ въ Желтый домъ или — не хуже ли еще — въ тюрьму, какъ больныхъ заразительныхъ. Сначала мы повѣрили критикѣ и посмѣялись надъ собою, думая: въ самомъ дѣлѣ не безуміе ли, что мы чтимъ всякія нѣмецкія бре-

Digitized by Google

дни и силимся ихъ проникнуть, пожалуй и самъ угодишъ въ домъ сумашедшихъ; но послѣ, поговоривъ съ старшими, поумнѣе насъ, студентами, удивлялись, какъ такой нелѣпый отзывъ рѣшился пустить въ публику Русскій университетъ. Вѣстникъ издавался при университетѣ.

При свободѣ, какую намъ дозволяло начальство, не стѣсняя излишнею формальностію, и съ какой мы, въ неучебные дни и часы, могли отлучаться изъ комнатъ и даже изъ академіи, только не на ночь, занятія наши перемежались съ прогулками, шли какъ-то легко. Намъ не воспрещалось ни пить, ни ѣсть, ни лакомиться; но мы держали себя прилично, посадскихъ трактировъ не жаловали, а если кому вздумалось что-нибудь съѣсть или выпить, ходили въ лавки и тамъ пировали въ отдѣльныхъ комнатахъ, не сообщаясь ни съ кѣмъ изъ постороннихъ. Не рѣдко прихоти свои исполняли и дома: пили чай, ходили другъ къ другу въ гости и заводили разныя игры.

Однажды, въ день именинъ одного изъ старшихъ студентовъ, назначено было собраніе. Какъ день былъ учебный, то собранію положено быть послѣ ужина въ 10, 11 и 12 часахъ ночи. Званныхъ собралось человѣкъ сорокъ, въ большой довольно комнатѣ, въ которую входъ былъ чрезъ другую комнату, также жилую; на пиръ пригласили и меня. Сошлись, расположились пить чай, сперва такъ, а послѣ, на произволящаго, и съ прибавленіемъ. Покуда приготовляли чай, Ярославскіе студенты вздумали сыграть бурлацкую лодку; одинъ нарядился лоцманомъ, другой — рулевымъ, 12 человѣкъ сѣли на полъ за гребцовъ; заиграли гусли, скрипки и гитара, запѣли: *внизъ по матушкѣ по Волгѣ*, всѣ сдви-

Digitized by Google

нулись въ кружокъ, и проходная комната осталась совершенно пуста. Лоцманъ, одѣтый въ вывороченный тулупъ, въ уродливой шапкѣ, стоялъ на порогѣ, при самомъ входѣ въ бальную комнату, почти въ дверяхъ, и командовелъ. Вдругъ, откуда ни возмись, ректоръ; его не замѣтили. Изумленный необыкновеннымъ зрѣлищемъ и раздосадованный, что его никто невидитъ и и неслышитъ, этотъ незванный посѣтитель ударилъ лоцмана тростью по спинѣ, съ словами: «что это такое,» и прочистивъ себѣ входъ, перекрошилъ, также тростью, всю приготовленную на столѣ посуду — чашки, чайники и стаканы. Студенты, во время работы ректора надъ посудою, всѣ успѣли выбѣжать; ряженые переодѣлись, посторонніе убрались въ свои комнаты, а хозяева, остановясь въ комнатѣ передней или проходной, стали въ строй и ждали, что будетъ.

Оставшись одинъ и не видя, къ кому обратиться, ректоръ вышелъ въ переднюю и довольно съ покойнымъ видомъ спросилъ: «зачѣмъ же вы ушли?» Студенты были въ стрѣлѣ, выпили только по одной чашкѣ пустаго чаю; не показывая ни страха, ни унынія, они объяснили причину своего собранія и игру, прилично выразили неудовольствіе и заключили, что они оскорблены напрасно. Ректоръ выслушалъ молча и, не сказавъ ни слова, вышелъ. Никто его не проводилъ.

Имянинникъ досадовалъ больше всѣхъ: чашки, чайники и стаканы были взяты въ лавкѣ, на прокатъ; надобно было за нихъ заплатить и недешево. Поговоривъ съ товарищами, имянинникъ отправился сперва къ инспектору — заявить о произшествіи; не принялъ — легъ, сказали, спать; а потомъ къ ректору, но нашелъ всѣ входы запертыми.

Digitized by Google

Что дѣлать? Не горевать же, а спать съ досады не хочется; разсудили приняться снова за пиръ, а жалобу къ ректору и на ректора оставить до утра. Собрали кое-какъ по разнымъ комнатамъ, гдѣ что нашлось, чашекъ, блюдечекъ, рюмокъ, кружекъ, подбитыхъ, треснувшихъ и безъ ручекъ; надѣлали въ самоварахъ пуншу — водка, вино и ромъ не были еще выставлены наружу, — вызвали разбѣжавшихся гостей, и пошелъ пиръ горой. Прокутили почти до зари, ни кѣмъ и ни чѣмъ непотревоженные, и едва ли еще не лучше, нежели, какъ предполагали.

Утромъ передъ классами, имянинникъ и оба комнатные старшіе, гдѣ происходила пирушка, явились къ ректору. Ректоръ принялъ ихъ въ кабинетѣ и встрѣтилъ очень ласково, такъ—что первый зарядъ гнѣва разрядился у нихъ безъ выстрѣла. «Господа! вы ввели меня въ искушеніе, я поступилъ дурно; будете начальники, не берите съ меня примѣра; кажется, я ударилъ студента, прошу у него извиненія; я счелъ его за служителя.» Эти слова совсѣмъ разрядили и имянинника и нашихъ депутатовъ: они только и могли сказать, что чашки у нихъ были чужіе. «Это ничего, я заплачу; но мнѣ больно, что я повредилъ вашему дружескому общенію, о чемъ я забочусь и что, для будущей вашей жизни, очень дорого. Если у васъ опять будетъ подобное собраніе, скажите мнѣ, я приду самъ; а теперь извините меня неосторожнаго, забудьте непріятный случай и скажите товарищамъ, чтобъ и они его не помнили.» Затѣмъ, ректоръ отпустилъ претендентовъ. Растроганные добродушіемъ начальника, они безмолвно приняли благословеніе и, возвратившись къ своимъ товарищамъ, закричали: миръ, разсказали, что какъ было, и миръ принятъ былъ всѣми.

Digitized by Google

Ректоръ сдержалъ свое слово: въ тотъ же день онъ прислалъ деньги за чашки, 30 руб.; а спустя недѣли двѣ, когда случился также имянинникъ, посѣтилъ наше собраніе, съ инспекторомъ и съ какимъ-то пріѣзжимъ архимандритомъ, пилъ чай, слушалъ пѣніе и музыку на гусляхъ; пробылъ два часа и вышелъ довольный, позволивъ намъ продолжать свое веселіе.

Ректоръ былъ человѣкъ, не скажу — высокаго ума, но доброты необыкновенной. Студенты любили его, какъ отца, и онъ дѣйствительно обращался съ нами, какъ съ дѣтьми, Одинъ, несчастный, поддался какъ-то страсти къ вину: студентъ очень даровитый и хорошей нравственности; въ началѣ курса онъ ничего не пилъ, но черезъ годъ, побывавши въ вакаціонное время на родинѣ, сталъ пить и сдѣлался пьяницею. Ректоръ употреблялъ всѣ мѣры, чтобъ воздержать его: увѣщавалъ, стыдилъ келейно, срамилъ передъ товарищами, дѣлалъ выговоры въ классѣ, лишалъ, наконецъ, общаго стола; ни что не помогло; дастъ зарокъ не пить, непьетъ недѣли три, мѣсяцъ; но зарока не выдержитъ, запьетъ какъ запьетъ. «Не могу, это моя стихія,» разъ сказалъ онъ ректору, и ректоръ терпѣлъ, приписывая слабость болѣзни и въ какомъ то упованіи, что пьяницу, съ такимъ искреннимъ сознаніемъ, воздержитъ самъ Богъ, какъ кающагося грѣшника. Само собою разумѣется, что этотъ студентъ, бывшій прежде изъ первыхъ, далеко сталъ ниже своихъ сверстниковъ; но ректоръ далъ ему кончить курсъ и, взявши подъ клятвою слово совсѣмъ не пить, сдѣлалъ его кандидатомъ и назначилъ учителемъ въ уѣздное училище. Упованіе не посрамило: восемь лѣтъ поклявшійся служилъ и съ пользою и съ честію, былъ уже смотрителемъ училища, женил-

Digitized by Google

ся; но какъ здоровье свое разстроилъ онъ еще въ академіи, захирѣлъ и померъ.

Какой ректоръ или какой училищный начальникъ приметъ столь живое участіе въ воспитанникѣ, который ему чужой, непрестанно его безпокоитъ и срамитъ заведеніе? Миръ праху твоему мужъ доблестный и добродѣтельный! На землѣ не много тебѣ подобныхъ.

Инспекторовъ, во время моего курса, было двое: одинъ — въ первые два года, другой — въ послѣдніе. О первомъ ничего не могу сказать, ни дурнаго ни хорошаго: онъ былъ человѣкъ кроткій до слабости, ничего непомнилъ, забывалъ даже фамиліи студентовъ; замѣчателенъ особенно тѣмъ, что, послѣ какой-то болѣзни, непрестанно кивалъ головою, такъ что многіе ошибались, думая, что подзываетъ къ себѣ. Студенты его передражнивали; но передражнивали въ шутку, а не изъ насмѣшки и не изъ презрѣнія.

Къ чести сего инспектора должно однако сказать то, что, когда коммиссія Духовныхъ училищъ, предположивъ преобразовать Московскую академію и семинаріи Московскаго округа, потребовала Богословскихъ конспектовъ отъ всѣхъ ученыхъ монаховъ — ректоровъ, префектовъ и простыхъ учителей, съ цѣлію размѣстить ихъ соотвѣственно достоинству и познаніямъ каждаго, конспектъ его оказался лучше всѣхъ. Поэтому-то кивающій инспекторъ, чего впрочемъ прежде съ нимъ не было, служившій до преобразованія Іеромонахомъ и только учителемъ Французскаго языка, попалъ въ инспекторы академіи и назначенъ баккалавромъ Богословія.

Digitized by Google

Экономъ въ академіи былъ Іеромонахъ неученый — плутоватый, но и дураковатый. Какъ-то послали его въ Москву, размѣнять банковый билетъ, довольно значительной суммы, на билеты мелкіе, а частію и на деньги, тысячь до трехъ. Экономъ исполнилъ славно: привезъ новые билеты на полный капиталъ и на полные проценты билета размѣненнаго, привезъ и деньги. Академическое правленіе, принявъ отъ него исполнительную записку съ билетами и деньгами, насилу могло добиться, откуда взялись деньги. Оказалось, что Опекунскій совѣтъ выдалъ ихъ ошибочно; выдалъ билеты, не исключивъ изъ нихъ 3-т. рублей. Правленіе лишній, трехтысячный билетъ отослало въ совѣтъ обратно, и получило увѣдомленіе съ благодарностію. Будь экономъ уменъ, хлопотъ и напрасной переписки не вышло бы.

Студенты замѣчали, что экономъ при выдачахъ скупенекъ; все по немногу ужимаетъ у нихъ, напр. обочтетъ въ бумагѣ, въ перьяхъ, въ отпускѣ свѣчь и проч. отъ этого возродилось подозрѣніе на него въ раздачѣ порцій мяса и рыбы. Разсчитали, что мясныя и рыбныя порціи должны быть больше: экономъ увѣрялъ, что говядина и всякое мясо и рыба отпускаются въ кухню по положенію и, въ доказательство, предоставилъ студентамъ, наблюсти за пріемомъ въ кухнѣ припасовъ. Испросивъ у инспектора дозволеніе, студенты, поочередно, стали принимать сами и принимали все по вѣсу и мѣрѣ; наблюдали за поварами, когда готовилась пища; но порціи ни мало не увеличились. Черезъ нѣсколько дней открылась однако настоящая причина: главный поваръ, служившій еще въ Троицкой семинаріи и — много лѣтъ, былъ мастеръ своего дѣла; привыкши обращаться съ кипяткомъ и жаромъ, какъ съ

Digitized by Google

своимъ братомъ, онъ, когда въ кипящій ключемъ котелъ опускалась, на примѣръ, говядина и наблюдателю неоставалось за чѣмъ смотрѣть, до времени, когда говядину надобно вынимать, успѣвалъ и какъ-то умѣлъ выхватывать изъ кипятка кусокъ или два и прятать подъ котелъ въ золу. Такое воровство съ годъ продолжалось и при насъ: повара отставили, а эконому замѣтили, что зѣвака.

Въ первую весну пребыванія моего въ академіи я сдѣлался болѣнъ, по неосторожности. Сговорившись съ однимъ товарищемъ погулять и подышать свѣжимъ воздухомъ, мы прямо послѣ обѣда отправились съ Пафнутіевъ садъ, за монастырскою оградою, на юго-востокъ. Деревья только что распускались, земля завернулась въ бархатную зелень, все манило понѣжиться; захотѣлось намъ присѣсть, и мы сѣли на одинъ зеленый бугорокъ, а я и прилегъ еще. Земля была не совсѣмъ прогрѣта; мы скоро почувствовали подъ собою холодъ, хотя сидѣли на солнцѣ, встали и возвратились домой. Черезъ четверть часа заболѣла у меня голова, я легъ на койку, будто заснулъ; но къ вечеру открылась у меня жестокая лихорадка. Комнатный старшій донесъ инспектору, и меня въ тотъ же вечеръ отправили въ академическую больницу.

Больница устроена была отдѣльно отъ академіи, въ саду, деревянная, довольно просторная и удобная; имѣла восемь кроватей, но могла помѣстить до пятнадцати. При больницѣ были штабъ-лѣкарь, фельшеръ, трое служителей и достаточная аптека, съ надписью: *Врачу исцѣлися самъ*. Надпись эту сдѣлалъ митрополитъ Платонъ, говорятъ, въ напоминаніе одному лѣкарю, пьяному, но умному, и академія ее не смарала.

Digitized by Google

Въ больницѣ пробылъ я около двухъ мѣсяцовъ и поотсталъ не много отъ товарищей. Мнѣ было досадно, что долго лечусь: врачь — человѣкъ не молодой, практикъ, дослужившійся до штабъ-лѣкаря изъ фельдшеровъ, не умѣлъ скоро прервать моей лихорадки, и я четыре недѣли пролежалъ и три выздоравливалъ и поправлялся. При мнѣ перебывало въ больницѣ не мало; по одинъ изъ старшихъ студентовъ, Калужанинъ, жилъ тутъ постоянно и, кажется, потому больше, что любилъ отъединяться. Съ нимъ я сблизился, бесѣдовалъ и пилъ иногда у него чай; вообще онъ обходился со мною пріятельски и оказывалъ ко мнѣ довѣріе. Когда я сталъ выздоравливать, онъ сочинялъ проповѣдь и, сочинивши, вздумалъ прочитать мнѣ; позвалъ и сказалъ: «пожалуста слушай повнимательнѣе и, что замѣтишъ, говори откровенно.» Я сглупа повѣрилъ и, какъ былъ не очень трусливаго десятка, пустился было въ критику. Разъ или два онъ спустилъ мнѣ, поспорилъ и не согласился; но въ третій — вдругъ какъ вскочитъ и, поднявши кулакъ, закричитъ: «какъ ты смѣешь, мальчишка, давать свои мнѣнія, ничего не понимая;» я всталъ, но не сробѣлъ и принялъ свою позицію. Раздраженный бросился на меня съ яростію и, такъ какъ я былъ слабъ, не мудрено — прибилъ бы, еслибъ въ эту самую минуту не вошелъ въ нашу комнату другой старшій студентъ, изъ Московскихъ, и не загородилъ меня, удержавъ героя за руку. Тутъ-то я узналъ, что не одни журналисты не любятъ критики, но и сочинители спеціальныхъ книгъ, хотя на критику и вызываютъ сами. Прикинется человѣкомъ добросовѣстнымъ, желающимъ лишъ общей пользы; а затронь, увидишь, что такой же, какъ мой Калужанинъ.

Оправившись послѣ болѣзни и выпущенный изъ больницы, я выдержалъ, хоть не безъ труда, первый пе-

Digitized by Google

редвакаціонный экзаменъ порядочно. Много меня непытали, но по философскому классу дали вопросъ: кто въ ученомъ мірѣ принесъ больше добра, Платонъ или Аристотель. Я доказывалъ, что Платонъ, а Аристотель много надѣлалъ зла, остановивъ своимъ ученіемъ ходъ человѣческаго ума на цѣлое тысящелѣтіе. Мнѣ не повѣрили, какъ-то богословски оспаривали идеи Платона и давали преимущество Аристотелю. Профессоръ меня не поддерживалъ, но молчалъ, и споръ кончился ничѣмъ. Кто при какомъ мнѣніи остался, не знаю; но я остался при своемъ.

Вакацію, съ Іюля по 15 Августа, я провелъ въ Москвѣ, какъ студентъ на свободѣ; по утрамъ, что нибудь читалъ или писалъ, а по вечерамъ — искалъ случая, гдѣ бы побывать въ гостяхъ или погулять. Въ случаяхъ на Руси недостатка нѣтъ, имѣй только охоту. Это ужъ второй мой пріѣздъ въ Москву изъ академіи; въ первый разъ я пріѣзжалъ о святкахъ, но тогда пробылъ недолго, время же праздничное, не видалъ, какъ оно прошло. Пріѣзды мои начались съ отчета или, лучше сказать, съ разсказовъ, какъ и кто учитъ, какъ и чему учусь я. Объ ученьи съ особенною подробностію и любопытствомъ распрашивали отецъ и зятья, а о поведеніи—добрая моя наставица.

Удовлетворивъ пытливости и любопытству близкихъ мнѣ людей, я въ Іюльскую вакацію успѣлъ посѣтить и Перерву и ректора Перервинской семинаріи, и прежнихъ своихъ товарищей, изъ которыхъ многіе были учителями, а иные вышли уже на священнослужительскія мѣста и поженились. Въ Перерву я ѣздилъ на экзаменъ, какъ любознательный посѣтитель; у ректора обѣдалъ, какъ гость; а товарищами принятъ былъ, какъ

Digitized by Google

старый другъ, желанный и ожидаемый. Всѣ встрѣчали меня съ пріязнію и радушіемъ, у всѣхъ я нагостился весело, ни чѣмъ не стѣсняясь и съ удовольствіемъ взаимнымъ.

Перервинскій мой другъ, котораго я посѣщалъ чаще другихъ, живой, какъ я уже говорилъ, и никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, не унывавшій, вдругъ загрустилъ и чуть не впалъ въ отчаяніе.

Кто-то изъ знакомыхъ пригласилъ меня въ театръ: не желая безпокоить домашнихъ позднимъ приходомъ и находя неудобнымъ ночевать у пригласившаго, я предположилъ провести ночь въ Заиконоспаскомъ училищѣ у своего друга, гдѣ онъ былъ учителемъ и жилъ въ отдѣльныхъ комнатахъ, одинъ. Прихожу въ часъ заполночь: входъ въ комнаты съ галлереи, двери отворены, вижу огонь; значитъ, дома и не спитъ. Вхожу въ переднюю и, намѣреваясь сдѣлать сюрпризъ, прокрадываюсь въ пріемную, или гостинную комнату. Смотрю: другъ мой сидитъ за ломбернымъ столомъ, на столѣ перочинный ножикъ, нагорѣлая на палецъ свѣча и штофъ съ водкой, почти допитой; лѣвая рука въ крови, въ правой перо, тоже запачканное кровью, волосы всклокочены, самъ — красенъ, какъ вареный ракъ. Что за чудо? Подхожу ближе и вижу: столъ залитъ виномъ и кровью, лѣвая рука прорѣзана; другъ макаетъ въ рану перо и пишетъ письмо къ любовницѣ.

Вале (друга моего звали Валеріанъ)! что ты дѣлаешъ? спросилъ я въ полголоса, опасаясь, чтобы не вызвать на сцену чего ужаснаго и не обратить драму въ трагодію. Вале обернулся, дико на меня взглянулъ и отвѣчалъ хрипло: «хочу умереть; зачѣмъ ты пришолъ? Ты мѣшаешъ.»

Digitized by Google

Погоди! умремъ вмѣстѣ; безъ тебя мнѣ будетъ скучно.

«Не могу жить; здѣсь, на свѣтѣ: ничего у меня нѣтъ, все потеряно, потеряна основа жизни.»

Какъ ничего нѣтъ? У тебя есть другъ, у тебя есть душа; къ будущей жизнь, думаю, неготовая еще.

Другъ.... душа не готовая.... ха, ха, ха. Что дружба? дѣлежъ прихотей; друзьями могутъ быть и плуты и разбойники; дружба не питаетъ души: нуженъ раздѣлъ сердца, чистаго, непорочнаго; нужна любовь истинная, божественная любовь; только она питаетъ и насыщаетъ душу.»

Вѣрно, тебѣ измѣнили?

«Измѣнили?.... Да! и — жестоко.»

Зачѣмъ же ты поддался, ты — человѣкъ не глупый и доселѣ всегда счастливый?

«Зачѣмъ?... я думалъ, что женщина также высоко можетъ любить, какъ мужчина. За что называютъ насъ соблазнителями, обольстителями? За что законъ преслѣдуетъ мужчину, а не женщину, когда они бываютъ оба виновны? Не мы соблазняемъ женщинъ, а они насъ соблазняютъ; не Адамъ соблазнилъ Евву, а Евва — Адама. Урокъ нашей прародительницы твердо помнятъ ея дочери, не даромъ проклятыя. Покуда нѣтъ другаго, и глазки и ласки и рѣчь — всѣ къ тебѣ; не отвѣть — и губки и вздохи и слезы; отвѣтишь — вырветъ признаніе, признается сама, поклянется и завлечетъ тебя по уши. Ты думаешъ нашелъ ангела; думаешъ, склонилось къ тебѣ небо; отдаешься всею душою, начинаешъ чувствовать, мыслить неземное; и чтоже? Подвернулся другой, и—все пропало; истина твоя обратилась въ мечту, а жизнь сдѣлалась ноль. Чѣмъ возмешься жить? и настоящее и будущее въ тебѣ замерло.»

Digitized by Google

Полно! Ты не такъ прежде разсуждалъ, и разсуждалъ правильнѣе; прежде ты не винилъ женщинъ.

«Не винилъ!.... не винилъ потому, что незналъ; а теперь знаю. Если моя душа не готова на тотъ свѣтъ, она не въ силахъ уже приготовиться; слишкомъ напряженная, она порвалась, какъ струна, и потеряла тонъ всякой любви, даже любви къ Богу.»

Видя, что мой Вале далекъ отъ нормальнаго состоянія, я несколько помолчалъ, потомъ попросилъ у него водки, выпилъ рюмку; выпилъ и онъ. Я сталъ говорить горячѣе, и говорилъ минутъ пять. Вале молчалъ и, наконецъ, сказалъ: «ты непонимаешъ дѣла.»

Такъ — скажи, что съ тобою случилось, не дурачь меня!

«Слушай! и суди не умомъ, а чувствомъ, и поймешъ вѣрнѣе. Ты знаешъ, что въ воскресные и праздничные дни мы, учители, обязаны говорить проповѣди поочередно. Говоря уже не разъ, я замѣтилъ, что одна почтенная дама и двое молодыхъ людей, повидимому ея дѣти, дочь и сынъ, всегда бывали въ церкви, когда моя череда, и становились такъ, чтобъ можно было хорошо слышать. Разумѣется, мнѣ это было пріятно; они слушали внимательно, не спуская съ меня глазъ, такъ — что мои глаза, обращаемые къ народу, непремѣнно встрѣчались съ ихъ глазами. Проповѣди мы говорили не съ амвона, а съ каѳедры. Схожу однажды съ каѳедры, дама меня останавливаетъ, называетъ по имени и отчеству и проситъ, не льзя ли дать проповѣдь прочитать имъ на-дому. Почему нельзя: отдалъ, при обѣщаніи, что къ вечеру возвратятъ. Проповѣди не прислали, а прислали просить, чтобъ я пожаловалъ самъ; они живутъ не далеко, на той же Никольской улицѣ.

Digitized by Google

Иду съ простотою души, вхожу въ залу, гдѣ накрытъ круглый столъ, на столѣ чайный приборъ и самоваръ, за столомъ сидятъ знакомые мнѣ мать — вдова, ея дочь и сынъ, и два лица незнакомыхъ. Хозяйка — мать встрѣтила меня очень привѣтливо, извинилась, что обезпокоила, и посадила возлѣ себя за столъ, къ самовару. Чай разливала дочь, дѣвица лѣтъ 16-ти. Натурально, разговоръ начался съ проповѣди, которая лежала тутъ же, на столѣ; сперва ее похвалили, а потомъ заспорили и стали разбирать. Проповѣдь была о любви къ ближнему. Въ ней, между прочимъ, я излагалъ процессъ, какъ любовь, начинаясь съ союза супружескаго, развивается въ родствѣ, въ племени, становится любовію къ сородичамъ, въ государствѣ — къ соотечественникамъ и, наконецъ, обращается въ любовь къ ближнему вообще. Всѣмъ казалось непонятно, какъ изъ супружеской любви развивается любовь къ ближнему. Не помню, какъ я тогда объяснялся; по дѣло не въ томъ, меня слушали и противорѣчить, словно, боялись. Наговорившись досыта, я всталъ, чтобъ идти домой, и беру проповѣдь: проповѣди не дали. Мать, прощаясь, обязываетъ быть у нихъ опять и бывать чаще, когда вздумаю; дочь говоритъ комплиментъ, что я мастеръ, вишъ, говорить и меня пріятно слушать; братъ ея, мальчикъ 12 лѣтъ, провожаетъ меня до крыльца. Все прекрасно; я поддался обаянію, и посѣщенія устроились.»

«Не стану тебѣ описывать, что происходило во время этихъ посѣщеній; скажу только, какъ я глубоко упалъ. Дочь — дѣвица умная и хорошо воспитанная, не столько красивая, сколько ловкая и статная, сильно на меня дѣйствовала: она, такъ сказать, все выпила изъ моей души и упоила ее душою своею. Я сталъ не свой, до-

Digitized by Google

шелъ до сознанія, что безъ нее не могу жить, и еще не успѣлъ открыто признаться, какъ она вызвала меня на признаніе, признавшись сама, что также не можетъ безъ меня жить, и мы дали клятву вѣкъ принадлежать другъ другу и не разлучаться, во что бы то ни стало. Я поклялся искренно; казалось и она клялась искренно. Любовь, обыкновенно, мнительна; но эта душевно возлюбленная умѣла истребить во мнѣ всякое сомнѣніе. Вотъ какую она сдѣлала мнѣ жертву недавно, передъ твоимъ пріѣздомъ въ Москву:»

«Хоть я свободенъ былъ въ ихъ домѣ — могъ бродить вездѣ безъ запрета, и въ саду и въ комнатахъ; но намъ рѣдко удавалось встрѣчаться одинъ на одинъ, а когда встрѣчались, два — три слова, пожатіе руки, поцѣлуй, и то наскоро. Объясненія наши были очень быстры, говорили мы больше глазами. Двѣ недѣли назадъ, она мнѣ шепнула: «приходи въ слѣдующее воскресенье утромъ, когда начнется у васъ обѣдня; я буду одна, и приходи прямо въ спальню:» (она спала въ одной комнатѣ съ матерью); я сказалъ: да, и мы разстались. Смотри же, какъ разсчитано: въ назначенный день — моя проповѣдь; мать, какъ обыкновенно, будетъ въ церкви, съ братомъ, возмутъ и человѣка; горничную можно за чѣмъ нибудь услать; кухаркѣ — некогда. Тутъ и пытка, приду ли; тутъ и отводъ подозрѣнія; тутъ и способъ, въ случаѣ догадки, вывернуться. Пытка меня не испугала; можно успѣть — придти и сказать проповѣдь. Прихожу, не имѣя однакожъ никакой гнусной мысли: двери росперты, никого нѣтъ, иду прямо въ спальню; прелестница въ постели, совершенно дезабилье; вскакиваетъ бросается ко мнѣ на шею, обнимаетъ, цѣлуетъ и, тутъ же, гонитъ вонъ, тутъ же выводитъ изъ комнатъ до крыльца и запираетъ за мною дверь. Я успѣлъ только

Digitized by Google

поцѣловать ее въ плечо и, ошеломленный, возвратился къ своему дѣлу. Въ церкви я увидѣлся съ матерью, услышалъ, что дочь ея больна, и обѣщался быть у нихъ вечеромъ. Былъ, но больной сдѣлалось получше.»

Жертва безпримѣрная! Убѣжденный въ искренности и чистотѣ любви мнимаго своего ангела, я ни о чемъ уже не думалъ; думалъ только, какъ бы приличнѣе сдѣлать предложеніе — просить у матери руки ея дочери. И чтоже? Нынѣ утромъ слышу, что вчера ее сговорили: не вѣрю, бѣгу въ домъ и узнаю, что правда. Все существо мое вдругъ перевернулось: я почувствовалъ и чувствую, что палъ въ самую глубину ада и палъ невозвратно, какъ Люциферъ. Вотъ письмо, которое я пишу моею кровью: оно къ клятвопреступницѣ. Пусть кровавыя буквы неизгладимо напечатлѣются на преступной душѣ, и адскій огонь пусть жжетъ ее во вѣки.»

Вале замолчалъ и, сжавъ крѣпко свою голову руками, склонился на столъ. Я замѣтилъ, что онъ сдерживаетъ слезы, и далъ ему нѣсколько успокоиться. Потомъ, что бы отвлечь убитаго горемъ своего друга отъ предмета тяжкой его думы и вывесть изъ отчаянія, я спросилъ: можетъ ли притворство въ любви одного породить истинную любовь въ другомъ, любовь не чувственную, не плотскую, а такую, какую ты сознавалъ въ себѣ къ твоей клятво-преетупницѣ? «Значитъ, можетъ; ясный опытъ видишъ ты надо мною,» отрывисто отвѣчалъ Вале. Я заспорилъ; завязался разговоръ, и на эту тему мы проговорили почти всю ночь. Мысли наши то сходились, то расходились. Желая продолжитъ споръ, я перевернулъ тему и спросилъ: а порождаетъ ли истинную любовь любовь истинная, и сталъ доказывать, что порождаетъ непремѣнно и безусловно. Вале, допуская,

Digitized by Google

что порождаетъ, но не безусловно, сталъ опираться также на свой опытъ.

Этого не видно изъ твоего опыта; истинная, т. е. чистая, любовь совершенно довѣрчива, а ты и послѣ клятвы сомнѣвался въ своей возлюбленной, да и теперь замѣтно въ тебѣ желаніе больше несчастія ей, нежели счастія. Любовь твоя не совсѣмъ была чиста.

«Нѣтъ!» гордо отвѣчалъ Вале, «я любилъ ее искренно, любилъ всею полнотою моего сердца: любовь моя чиста.

Любилъ, а не любишъ. Истинная любовь неизмѣнима; ни какой случай, ни какія обстоятельства не сильны ни ослабить ее ни превратить въ ничто. Быть можетъ, преступница твоя — преступница по неволѣ; ты еще не знаешъ, точно ли она тебя не любила или любила чувственно и любить перестала, когда попался другой получше тебя.

Вале задумался, прошелся по комнатѣ и сказалъ; посмотримъ!

Утромъ онъ послалъ кровавое свое письмо; но отвѣта не получилъ, не получалъ его и въ послѣдствіи.

На другой день я опять посѣтилъ своего друга. Онъ сдѣлался болѣнъ, но былъ спокойнѣе. Отчаяніе, казалось, прошло; осталось одно уныніе. Онъ ждалъ меня и принялъ съ радостію, какъ больной врача.

Что отвѣтъ?

«Отвѣта нѣтъ.»

Нежди его и выбрось изъ головы, чего нѣтъ въ сердцѣ; плюнь на свою исторію и причти ее къ обыкновеннымъ шалостямъ холостой жизни!

Digitized by Google

«Я не думаю, и пересталъ ждать отвѣта; но мнѣ тяжело, съ головою легче сладить нежели съ сердцемъ.»

Конечно, послѣ такой сердечной передряги, не легко: когда голова не станетъ помогать; сердце само сладитъ съ собою: поболитъ, поболитъ, да и перестанетъ.

«Да! я согласенъ съ тобою.»

Предъ отъѣздомъ моимъ въ академію, Вале выздоровѣлъ и физически и нравственно; но все еще былъ не такъ живъ и веселъ, какъ прежде.

Изъ любовной исторіи моего друга я вывелъ для себя урокъ — никогда, ни въ какомъ случаѣ не давать клятвы, исключая законной присяги, и это правило, какъ Квакеръ, простеръ до того, что во всю свою жизнь никакихъ не дѣлалъ ни обѣщаній, ни обѣтовъ и, если кому давалъ, по необходимости, слово, то всегда подъ условіемъ возможности.

Прошла вакація; къ 17 Августа явился я въ академію, отдохнувши и поправившись въ здоровьи порядочно. Въ академіи новаго ничего не нашелъ: тѣ же начальники, тѣ же учащіе и учащіеся и тотъ же порядокъ въ лекціяхъ. Собранные изъ восьми губерній или епархій: Московской, Тульской, Калужской, Рязанской, Владимірской, Ярославской, Костромской и Вологодской, мы, въ теченіи года, успѣли познакомиться и вызнать другъ друга хорошо. Пословица говоритъ: что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай. Такъ и мнѣ казалось, что всѣ моего времени провинціалы въ академіи чѣмъ нибудь, да своенароднымъ, отличались какъ отъ насъ, Москвичей, такъ и между собою, если только можно судить о народности изъ пяти или шести лицъ, и то пола мужескаго. Изъ наблюденій своихъ надъ товарищами, а ча-

Digitized by Google

стію и надъ прочими студентами, старшими и младшими насъ курсомъ, я вотъ какое вывелъ заключеніе: Туляки — умны, но жестки и коварны; Калужане — тихихъ способностей, мягкосердечны и добры; Рязанцы— даровиты и рьяны, но духа, словно, республиканскаго; Владимірцы—ума гибкаго, но какъ-то слабодушны и вялы; Ярославцы — ровнаго ума, вкрадчивы и льстивы; Костромичи—сильныхъ способностей, великодушны, но хитры; Вологжане — способностей мягкихъ и простодушны. О Москвичахъ не говорю; самъ Москвичь и Москвичи есть всякіе. А если надобно уже что сказать въ отличительную ихъ черту, то скажу: Москвичи остры, плутоваты и насмѣшники. Не выдаю моего заключенія за вѣрное; но такъ мнѣ казалось тогда, такъ кажется и теперь.

Пришелъ къ концу и второй нашъ учебный годъ, а для старшихъ студентовъ послѣдній; наступили экзамены, для насъ — экзаменъ не рѣшительный еще, но для старшихъ — рѣшительный. Дрогнуло ихъ сердце, а мы не столько боялись, сколько съ любопытствомъ ждали, что будетъ и какимъ образомъ окончательный экзаменъ, первый еще въ Московской академіи, будетъ произведенъ. Къ экзаменамъ пріѣхалъ ревизоръ, тотъ же изъ Петербурга, который былъ у насъ въ семинаріи.

Окончательные академическіе экзамены, такъ же какъ и семинарскіе, дѣлятся на частные и публичные; только въ академіяхъ частные экзамены всегда производятся при ревизорахъ, которые, въ мое время, назначались коммиссіею Духовныхъ училищъ, гдѣ засѣдали члены Святѣйшаго Синода, а нынѣ назначаются Духовно-учебнымъ управленіемъ, гдѣ изъ членовъ Святѣйшаго Синода нѣтъ никого.

Первый въ Московской академіи окончательный экзаменъ состоялъ изъ устныхъ изложеній цѣлыхъ тракта-

Digitized by Google

товъ, не по выбору студентовъ, а по жребію, кому какой трактатъ достанется. Такъ проэкзаменованъ былъ каждый изъ студентовъ по всѣмъ Богословскаго отдѣленія предметамъ: собственно по Богословію, по Церковной Исторіи и Церковному Краснорѣчію; по классамъ же Греческому и Еврейскому экзаменовали переводами съ филологическимъ разборомъ. Сверхъ того, дано было два Богословскихъ сочиненія, которыя надлежало написать какъ экспромтъ, безъ всякихъ пособій и за одинъ присѣстъ. Экзаменъ у старшихъ студентовъ продолжался недѣли двѣ и кончился благополучно.

За тѣмъ принялись за насъ. Нашъ экзаменъ былъ полегче, хотя тоже, по Философскому отдѣленію, окончательный, и произведенъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и Богословскій. По философіи досталось мнѣ говорить о внѣшнихъ чувствахъ. Профессоръ, въ изустныхъ лекціяхъ, допускалъ, по системѣ Шеллинга, шестое чувство, чувство линейнаго ощущенія, а въ письменныхъ — сказалъ и изложилъ только пять наружныхъ чувствъ: я, излагая трактатъ, не опустилъ и шестаго чувства; не смотря на эту Нѣмецкую ересь, мнѣ никто не возразилъ, и дѣло прошло благополучно. По математикѣ я отличался на исчисленіи дифференціальномъ и удержался въ спискѣ по математическому классу первымъ. По классу исторіи меня не спрашивали. Что досталось мнѣ по классу словесности, теперь не помню, помню только, что меня спрашивали; но не помню, какъ я отвѣчалъ, худо или хорошо. Вѣроятно, отвѣчалъ средственно.

Помню также, что въ нашъ экзаменъ по словесности главный экзаменаторъ, т. е. ревизоръ, страшно разсердился: одинъ студентъ, близкій еще мнѣ пріятель, вынулъ билетъ на трактатъ о геніѣ и талантѣ. Ревизоръ,

Digitized by Google

который всегда молча смотрѣлъ на вынимаемые билеты и, узнавши, какой трактатъ, спокойно ожидалъ изложенія, тутъ вздумалъ проговорить: «ну — ка, скажите намъ, что такое геній; студентъ, ни мало не заикаясь, отвѣчаетъ: не знаю. Какъ? съ изумленіемъ спрашиваетъ ревизоръ и смотритъ въ списокъ, въ которомъ отвѣтчикъ, какъ студентъ очень умный, поставленъ высоко, едва ли не въ первомъ пяткѣ. «Вы изволите спрашивать опредѣленіе генія, я его не понимаю,» говоритъ студентъ. Ревизоръ взглянулъ на баккалавра; баккалавръ говоритъ студенту: отвѣчайте какъ написано.» Студентъ возражаетъ: «чтожъ я буду отвѣчать, когда не понимаю; написано безтолково.» Баккалавръ вспыхнулъ, ревизоръ зашевелился на креслахъ и сердито произнесъ къ студенту: «понимаешъ ли ты, что говоришъ?» Потомъ, обращаясь къ Ректору, говоритъ; «это — человѣкъ буйный, онъ не можетъ быть терпимъ, его надо исключить и — въ солдаты.» Немудрено, что такъ бы и вышло, если бъ за неосторожнаго студента не вступился ректоръ и самъ баккалавръ, которые его разумѣли хорошо. Все таки пріятеля моего лишили принадлежащаго ему мѣста и въ общемъ спискѣ зачислили довольно низко.

У насъ сочиненіе было одно. Послѣ чего происходилъ экзаменъ публичный и — только устный. На публичный экзаменъ много пріѣхало изъ Москвы Духовенства и свѣтскихъ. Спрашивали не всѣхъ, а по выбору предсѣдателя, т. е. Митрополита. Затѣмъ открылась конференція; студентовъ пригласили въ церковь Преподобнаго Сергія, помолиться, и распустили, съ приказаніемъ непремѣнно явиться къ 15 Августа. Старшіе студенты, не зная, кому въ какой губерніи Богъ приведетъ служить, разъѣхались почти всѣ, повидаться и проститься съ родными; изъ младшихъ же — большая часть, по не-

Digitized by Google

достатку путевыхъ средствъ, остались при академіи, на всю вакацію. Я опять уѣхалъ въ Москву, да мнѣ непростила бы и моя наставница, еслибъ я остался въ академіи, хотя недѣли на двѣ.

Нынѣ смѣются надъ публичными испытаніями въ Духовныхъ училищахъ; а мнѣ кажется, что это установленіе очень полезно для учебныхъ заведеній; тутъ ревизуются и ученикъ и учитель и училище и — ревизуются предъ публикою, а не келейно. На публичномъ испытаніи всякой изъ свѣдущихъ посѣтителей имѣетъ право спросить вызваннаго предсѣдателемъ ученика, попытать его возраженіемъ и, даже, вызвать на свой вопросъ или на возраженіе всякаго другаго ученика, кого вздумается. Для публичнаго испытанія, учащій выбираетъ изъ своего предмета особенныя статьи и обработываетъ ихъ тщательно: изъ выбора и обработки, а также и изъ защиты учениковъ при возраженіяхъ, публика можетъ видѣть и цѣнить достоинство учителя; а чѣмъ больше найдется достойныхъ учителей, тѣмъ авторитетнѣе предъ публикою училище. Не хорошо ли это?

Люди поверхностные говорятъ, что на публичныхъ испытаніяхъ ученики бываютъ подготовлены, то есть они напередъ знаютъ, о чемъ ихъ будутъ спрашивать: чтожъ изъ этаго? Публичныя испытанія не для однихъ учениковъ и экзаменатора — на это есть испытанія частныя — а для публики и для всего училища. А если какому посѣтителю мало того, что выставляется для испытанія, онъ вопросами и возраженіями можетъ поднять изъ науки, что угодно, и такимъ образомъ вызнать и то, чего въ программѣ не выставлено. Говорятъ еще: учитель не дозволяетъ ученикамъ отвѣчать своими

Digitized by Google

словами, а требуетъ, чтобы выставленныя на экзаменъ статьи излагали они слово въ слово, какъ имъ, учителемъ, написано: и это — не бѣда. Учитель знаетъ, что на публичномъ экзаменѣ испытуются не одни ученики, а и онъ самъ; ученики же могутъ выказать свою велерѣчивость при вопросахъ и возраженіяхъ отъ посѣтителей. По моему мнѣнію, лучше бы еще было, еслибъ ученики на публичныхъ испытаніяхъ отвѣчали просто по тетрадкѣ, не теряя напрасно времени и труда на заучиваніе слово въ слово, и приготовлялись бы больше къ разрѣшенію возраженій и вопросовъ, какіе, по выставленнымъ статьямъ, могутъ быть придуманы. Вѣдь, ищущій степени Магистра въ университетахъ читаетъ же передъ публикою свое разсужденіе по тетрадкѣ, защищая только его тезисы, и публика бываетъ довольна; почему же не быть ей довольною на публичныхъ испытаніяхъ чтеніемъ учениками избранныхъ статей и защитою содержимаго въ нихъ? Если на этихъ испытаніяхъ никто не даетъ вопросовъ и возраженій, — то не ученики и учитель виноваты, а виновата публика.

Вторая вакація не оставила въ моей памяти никакихъ слѣдовъ, кромѣ того, что это праздное время провелъ я очень весело: крѣпко сблизился съ однимъ изъ старшихъ студентовъ, человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ прекраснымъ; бродилъ и ѣздилъ съ нимъ по окрестностямъ Москвы; былъ, въ первый Спасовъ день, въ Кусковѣ, познакомился тамъ съ однимъ семействомъ, въ домѣ котораго было много дѣвицъ, своихъ и прибывшихъ на праздникъ. Въ Кусковѣ мы прогостили трое сутокъ, пѣли, плясали, танцовали и играли по сельски — въ хороводы и въ горѣлки. При хороводахъ я случайно наткнулся на какого-то немолодыхъ лѣтъ князя, который училъ меня, какъ знакомиться съ незнакомыми

Digitized by Google

дѣвицами. Но княжескій урокъ не пошелъ мнѣ въ прокъ; нужны смѣтка и немалая опытность, а у меня ихъ недоставало.

Къ 15 Августа собрались студенты всѣ. Кончившимъ академическій курсъ объявили степени — магистровъ, старшихъ и младшихъ кандидатовъ, объявили и назначенія на учительскія должности. Семь человѣкъ — пять магистровъ и двое кандидатовъ — оставлено при академіи, прочихъ же, всѣхъ, разослали по семинаріямъ, преимущественно — Казанскаго округа, гдѣ со временемъ предполагалось открыть свою академію; а до того, округъ этотъ причислили къ вѣдомству академіи Московской, преобразовавъ въ немъ семинарію.

Намъ не объявили ничего; но я зналъ, что въ общемъ спискѣ зачислили меня, хоть не высоко, но въ первомъ разрядѣ. Слѣдовательно, перейдя въ Богословское отдѣленіе, я надежно могъ добиваться степени магистра.

Въ замѣнъ выбывшихъ студентовъ вызвали новыхъ, болѣе 60 человѣкъ, и — изъ семинарій не одного уже Московскаго, а и Казанскаго округа. Насъ перемѣстили въ комнаты, гдѣ выбывшіе студенты жили, а новоприбывшихъ поселили въ корпусѣ, который занимали мы. Меня сдѣлали комнатнымъ старшимъ, во 2-мъ номерѣ, у студентовъ старшихъ, моихъ товарищей, и открыли ученіе.

Съ окончаніемъ перваго академическаго курса, академія измѣнилась не только въ учащихся, но и въ учащихъ: многіе изъ профессоровъ и баккалавровъ выбыли и ихъ каѳедры заняли новые магистры и кандидаты. Выбылъ и инспекторъ академіи; на его мѣсто

Digitized by Google

поступилъ магистръ, съ званіемъ баккалавра Богословскихъ наукъ, учитель и начальникъ не слишкомъ завидный, но за то изъявившій желаніе постричься въ монахи. Назначеніемъ этого магистра въ инспектора мы не очень были довольны: родомъ былъ онъ изъ Владимірскихъ, человѣкъ грубый, искательный и много о себѣ думавшій. Прежде, нежели сдѣлался онъ монахомъ и объявленъ инспекторомъ, я имѣлъ несчастіе подпасть его нерасположенію.

Какъ-то вздумалось будущему нашему инспектору подгулять, вѣроятно, съ горя, что скоро долженъ проститься съ міромъ, и подгулялъ онъ на порядкахъ, одинъ ли или прощаясь съ отъѣзжающими товарищами, только пробирался съ посада одинъ, шатался и чуть не падалъ. Встрѣтившись съ нимъ у монастырскихъ воротъ и желая укрыть безобразнаго отъ укорительныхъ взглядовъ, я взялъ его подъ руку и благополучно привелъ въ ближайшую комнату, въ которой жили письмоводители академическаго правленія, такіе же студенты, и — только двое. Здѣсь подгулявшій проспался и, вмѣсто того, чтобъ поблагодарить меня, за то, что я сберегъ его, увидѣвшись, сказалъ:» вы напрасно трудились; я самъ дошелъ бы къ своему мѣсту спокойно, и было бы лучше.»

Съ этого случая, будущій инспекторъ мнѣ опротивѣлъ. Вскорѣ онъ вступилъ въ свои должности; и хоть я, въ отношеніи къ нему, держалъ себя прилично, но онъ чувствовалъ, что я его презираю, и меня возненавидѣлъ.

Инспекторъ въ академіи можетъ надѣлать зла студенту не мало: однако я не опасался; меня хорошо зналъ

Digitized by Google

ректоръ, человѣкъ очень добрый и справедливый. Но, на мою бѣду, черезъ девять мѣсяцовъ ректора у насъ взяли и прислали новаго, который насъ не могъ хорошо узнать, потому что во весь остатокъ курса ничего недѣлалъ по должности профессора; читалъ св. Писаніе, и то изрѣдка, а главныя Богословскія науки предоставилъ своимъ баккалаврамъ, инспектору и другому іеромонаху, хотя также новичку, но гораздо поумнѣе инспектора. Инспектору досталось догматическое Богословіе и, спасибо, велѣно было дочитывать по системѣ бывшаго ректора; а другому баккалавру назначили Богословіе нравственное. Инспекторъ никогда ни о чемъ меня не спрашивалъ, ни на лекціяхъ, ни на повтореніяхъ; я сталъ сомнѣваться не потерять бы въ разрядномъ спискѣ своего мѣста. Къ этому еще, случилось мнѣ прогнѣвить его, и я совершенно отчаялся получить степень магистра.

Ректоръ, не занимаясь съ нами, какъ профессоръ, назначалъ и читалъ у насъ однѣ только проповѣди; разсужденій же не читалъ, и задавали ихъ баккалавры, присылая по нѣскольку предложеній на выборъ. Предложенія инспектора мнѣ не нравились и я послѣднее полугодичное разсужденіе писалъ на предложеніе его товарища, по нравственному Богословію. Посѣщая какъ-то комнаты, инспекторъ увидѣлъ, что я сочиняю, полюбопытствовалъ и, нахмурившись, сказалъ: «пишите! нравственное Богословіе вамъ нужнѣе догматическаго,» и, отворотившись, злобно улыбнулся.

Замѣчаніе и улыбка не прошли мнѣ даромъ, вскорѣ инспекторъ лишилъ меня старшинства въ комнатѣ, и сверхъ того, сдѣлали мнѣ выговоръ въ полномъ присутствіи правленія.

Digitized by Google

Вотъ вина, за которую я понесъ небывалое еще, сколько помнится, наказаніе: въ масляницу, за три мѣсяца до рѣшительнаго академическаго экзамена, я, въ послѣдній учебный день, сговорился съ однимъ изъ Московскихъ моихъ товарищей, также комнатнымъ старшимъ, съѣздить въ Москву, и вечеромъ, въ сумерки, пошли мы нанимать лошадей; показалось дорого, не наняли и промедлили съ часъ. Въ это время инспектору вздумалось пройти по комнатамъ: приходитъ въ мою комнату, нѣтъ огня и — никого изъ студентовъ (двое были, но спали, прочіе же разошлись по другимъ комнатамъ, такъ какъ время настало каникулярное); приходитъ въ комнату и моего сопутника, — тамъ, тоже, застаетъ не всѣхъ, но огонь былъ. Возвратившись, слышу, что былъ инспекторъ и, на счетъ моего и комнатныхъ моихъ товарищей отсутствія, ничего не говорилъ. Послѣ ужина, по заведенному порядку, являюсь къ нему, въ числѣ прочихъ старшихъ, съ репортичкою, что въ моей комнатѣ все благополучно. Инспекторъ, обобравъ репортички, принялъ и мою, безъ всякаго замѣчанія, и, поздравивъ всѣхъ съ сырною недѣлею и наступающимъ постомъ, отпустилъ. Не считая проступка своего важнымъ, я спокойно легъ спать; вставши утромъ, ждалъ масляничнаго завтрака и думалъ, какъ провести день. Въ 10 часовъ, когда на завтракъ принесли къ намъ блины, приходитъ тотъ товарищъ, съ которыхъ собирались мы въ Москву, и говоритъ, что насъ обоихъ зовутъ въ правленіе, видно, хотятъ за вчерашнее оштрафовать, и зовутъ сей часъ. Посмотрѣвъ другъ на друга, мы немножко возмутились, но не оробѣли и пошли бодро. Приходимъ, — вводятъ насъ въ присутствіе, гдѣ засѣдали уже ректоръ и всѣ прочіе члены; секретарь читаетъ намъ донесеніе инспектора и опредѣленіе пра-

Digitized by Google

вленія, въ такомъ смыслѣ: старшаго въ № 2-мъ (т. е. меня), за найденные въ его комнатѣ безпорядки, лишить старшинства и, сдѣлавъ ему выговоръ, занести о томъ въ журналъ; а старшему въ такомъ-то №, (т. е. вызванному со мною товарищу), изъявить признательность, за исправность, и также занести въ журналъ. Я вспыхнулъ, поклонился и вышелъ, раздраженный крайнею, какъ мнѣ казалось, несправедливостію, похожею на Шемякинъ судъ..

Старшимъ на мое мѣсто опредѣлили студента изъ моей же комнаты: мнѣ не хотѣлось и неприлично было оставаться подъ его старшинствомъ; я пошелъ къ ректору, разсказалъ ему подробности своей и своихъ комнатныхъ товарищей отлучки, жаловался, что меня наказали не въ мѣру вины, что такое наказаніе можетъ повредить мнѣ, и просилъ позволенія перейдти въ другую комнату. Ректоръ, настроенный противъ меня инспекторомъ, смягчился; старался меня успокоить, говоря, что мое наказаніе дальнѣйшихъ послѣдствій имѣть не будетъ, дозволилъ мнѣ перейдти въ другую, избранную мною, комнату, къ младшимъ студентамъ, подъ старшинство одного, любимаго мною, товарища.

Инспекторъ еще больше озлился, почему я, помимо его и, даже, не сказавшись, перебрался въ другую комнату; въ классѣ онъ уже не смотрѣлъ на меня и, до самаго экзамена, приготовляя по своему предмету студентовъ и переспросивъ всѣхъ, меня не спросилъ ни разу. Предметъ его — первый, и я пріунылъ, положившись однако на волю Божію.

Наступилъ экзаменъ; явился ревизоръ,-тотъ же, который былъ на первомъ окончательномъ экзаменѣ, у нашихъ предшественниковъ. Къ счастію или несчастію нашему,

Digitized by Google

ревизоръ явился довольно поздно, такъ что испытанія, по обоимъ отдѣленіямъ, надобно было произвести не болѣе, какъ въ пять или шесть дней. Ревизоръ, привыкши или, какъ говорится, наметавшись уже производить экзамены, тотчасъ, какъ только пріѣхалъ, распорядился своимъ дѣломъ. Вечеромъ, въ неучебное время, собрали насъ въ общую залу, задали краткое разсужденіе — написать до ужина — и, на другой день, въ восемь часовъ утра, велѣли собраться въ ту же залу и не приносить съ собою ни книгъ, ни тетрадей и ни какого клочка бумаги. Разсужденіе подали и утромъ собрались въ срокъ, безъ всего, какъ древніе атлеты на бой. Изустный экзаменъ начался изъ Богословія, по билетамъ на цѣлые трактаты и производился слѣдующимъ порядкомъ: вызвали троихъ на средину залы и первому, который выбралъ билетъ, дали минутъ пять подумать; между тѣмъ брлъ билетъ второй и вызывался еще одинъ. Когда первый, кончивъ трактатъ и отдѣлавшись отъ возраженій, уходилъ на свое мѣсто; вызывался опять одинъ, второй начиналъ говорить, а третій бралъ билетъ и т. д. такъ — что на сценѣ всегда было четверо.

Мнѣ достался билетъ на трактатъ о сошествіи Іисуса Христа во адъ. Я разсказалъ его изрядно и какія ревизоръ дѣлалъ мнѣ возраженія, разрѣшилъ удовлетворительно; не посрамился и по прочимъ предметамъ Богословскаго отдѣленія.

Когда экзаменъ кончился и началась конференція, мнѣ весьма хотѣлось узнать о своей участи; потому — что, для полученія степени магистра, одного устнаго испытанія недостаточно: въ счетъ берутся сочиненія и, особенно, нравственное поведеніе, на которое цензура ре-

Digitized by Google

визіи не простирается и цензъ основывается прямо на рекомендаціяхъ инспектора. Можетъ быть, я добился бы какъ нибудь вѣрнаго о себѣ свѣдѣнія: но внезапная кончина отца потрясла всю мою душу, и мнѣ было уже не до того.

Отецъ мой скончался предъ самымъ экзаменомъ; за мной присланъ былъ священникъ, нашъ родственникъ. Этотъ благоразумный человѣкъ, которому я не разъ говорилъ послѣ искренное спасибо, счелъ за лучшее у видѣться прежде съ ректоромъ, нежели со мною. Ректоръ, чтобы не возмутить меня и зная, въ какихъ я отношеніяхъ къ инспектору и что участь моя зависитъ отъ экзамена, запретилъ присланному говорить мнѣ о смерти отца, и тотъ, посѣтивши меня подъ видомъ богомольца, ничего не сказалъ; сказалъ только, когда я спросилъ о своихъ домашнихъ, что слышалъ, что отецъ мой немного нездоровъ, и уѣхалъ.

Черезъ день послѣ экзамена, прибылъ въ Лавру отецъ одного изъ моихъ товарищей, Московскій протоіерей; я пилъ у него чай, бесѣда шла обыкновенная; но между разговорами онъ вдругъ упомянулъ о похоронахъ моего отца, предполагая, что я эту страшную для меня катастрофу давно знаю. Я поблѣднѣлъ, вытаращилъ глаза и не могъ произнести ни слова; посѣтитель и его сынъ испугались, спрашиваютъ: что съ вами? не отвѣчаю. Протоіерей догадался, что мнѣ о смерти отца неизвѣстно, и сталъ было изворачиваться; но я, опомнившись, вынудилъ его открыть истину. Скорбная нечаянность такъ меня поразила, что мнѣ было уже не до себя; я бросилъ розыски и, съ стѣсненнымъ сердцемъ, отправился въ Москву, думая только о сестрѣ и о сиротствѣ своемъ.

Digitized by Google

Въ Москвѣ встрѣтили меня со слезами — сестра жила уже у старшаго зятя — и въ тотъ же день свозили меня къ отцу на могилу. Съ плачемъ, на его гробѣ, я просилъ у него благословенія себѣ и тутъ же вспомнилъ о предсмертномъ его воспоминаніи обо мнѣ.

Нѣтъ, говорятъ, общенія душъ между отсутствующими и между живыми и мертвыми; но вотъ фактъ, который нѣсколько подтверждаетъ и то другое: во всѣ шесть лѣтъ въ семинаріи и академіи, отецъ мнѣ никогда не снился. За какую нибудь недѣлю до послѣдняго академическаго экзамена, я, послѣ обѣда, утомленный приготовленіемъ, легъ на койку и заснулъ крѣпко. Во снѣ вижу отца, вдругъ просыпаюсь и первая мысль — здоровъ ли онъ. Но какъ передъ экзаменомъ дѣла было много, а во время экзамена душа занята была инымъ, то я о видѣніи забылъ, не вспомнилъ даже и тогда, когда отъ посланнаго ко мнѣ священника услышалъ о болѣзни отца, ни даже тогда, когда такъ нечаянно возвѣстили мнѣ о его смерти. Вспомнилъ же тогда, когда плакалъ на могилѣ и у гроба, сокрывшаго родимый прахъ, просилъ родительскаго благословенія. Пусть всякой думаетъ, какъ хочетъ, а я вѣрю сообщенію душъ: сонъ принимаю за благословеніе, а надмогильное воспоминаніе — за повтореніе или подтвержденіе благословенія.

Моя наставница сочувствовала моей скорби; сколь ни важно было для нея свѣдѣніе, какъ прошелъ мой экзаменъ и какъ я кончилъ курсъ, она, противъ обыкновенія, не спросила меня ни въ первое ни во второе съ нею свиданіе, а только утѣшала. Прошло сорокъ дней; совершили обычное поминовеніе. Между тѣмъ дошла до меня вѣсть, что я поставленъ въ первомъ разрядѣ и буду, слѣдовательно, магистромъ. Утѣшен-

Digitized by Google

ный такою вѣстію, иду къ своей наставницѣ посмѣлѣе и весело. Замѣтивъ, что я не такъ мраченъ, какъ прежде, она тотчасъ спросила меня: а что твоя академія? Я разсказалъ въ подробности послѣднія мои приключенія съ инспекторомъ, ходъ испытанія и надежду получить степень. Добрая, она боялась и радовалась: вѣсть все еще не событіе, а къ этому — страшила и мысль, чтобы меня не заслали куда нибудь далеко.

Возвратясь въ академію, я твердо увѣрился, что буду магистромъ; успокоилъ въ этомъ отношеніи и свою наставницу. Оставалось думать объ одномъ — гдѣ Богъ приведетъ быть мнѣ учителемъ. На назначеніе студентамъ учительскихъ должностей, инспекторъ не имѣетъ уже никакого вліянія, мало его имѣетъ и сама академія; все почти зависитъ отъ высшаго начальства, а частію и отъ судьбы. Въ дѣлѣ назначенія держатся двухъ главныхъ правилъ: а) опредѣлять въ учители по преимуществу соотвѣтствующаго должности спеціальнаго знанія и b) если нѣтъ особенныхъ затрудненій или препятствія, опредѣлять въ тѣ епархіи, откуда кто родомъ. На мое счастіе, въ Московской епархіи открылась одна вакансія учителя физико-математическихъ наукъ и именно въ Виѳанской семинаріи: по математикѣ я былъ въ своемъ курсѣ первымъ; слѣдовательно, могъ надѣяться навѣрное, что останусь на родинѣ. Такъ и вышло.

Въ Сентябрѣ объявили намъ степени и назначенія, кто, куда и на какую должность имѣетъ поступить. На актъ, по сему случаю, прибылъ изъ Москвы Митрополитъ и всѣ почетные члены академической конференціи. По объявленіи, Митрополитъ самъ роздалъ намъ, магистрамъ, дипломы, сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ и каждаго благословилъ. Актъ кончился мо-

Digitized by Google

литвеннымъ пѣніемъ. Я былъ крайне радъ, что все обошлось для меня благополучно. Конечно, пріятно всякому кончить курсъ наукъ и, прямо со скамейки, поступить на службу; но мое удовольствіе превышало эту мѣру, и я торжествовалъ. Студенты въ академіи, всѣ, добиваются степени магистра, но достигаютъ не многіе; почти двѣ трети всегда остаются кандидатами, а иные не получаютъ и кандидата. Въ нашемъ курсѣ не мало было недовольныхъ: кто считалъ себя обиженнымъ въ степени, а кто въ назначеніи мѣста. Мнѣ, которому больше всѣхъ надобно было опасаться неудачи, мнѣ удалось и то и другое.

Освободясь отъ тяжелаго чувства неизвѣстности о своей участи, я задалъ себѣ вопросъ, какъ устроилось, что я, исключенный инспекторомъ изъ числа слушателей догматическаго Богословія, лишенный старшинства и наказанный формальнымъ выговоромъ, съ занесеніемъ въ журналъ правленія, не потерялъ степени магистра, и разрѣшенія сего вопроса искалъ не столько въ себѣ, сколько внѣ себя. Оказалось во первыхъ, что прежній ректоръ, у котораго мы выслушали догматическое Богословіе, хотя не все, но больше половины, при отъѣздѣ своемъ оставилъ списокъ съ своими о каждомъ рекомендаціями, и этотъ списокъ принятъ былъ конференціею въ уваженіе; во вторыхъ, новый ректоръ не допустилъ очернить меня въ поведеніи, и пятно выговора, занесено ли оно было въ журналъ или нѣтъ, осталось безъ послѣдствій, и въ третьихъ, трактатъ на экзаменѣ достался мнѣ догматическій, и изложеніемъ его, экспромтнымъ, экзаменаторъ остался доволенъ: вотъ что помогло мнѣ удержаться въ первомъ разрядѣ и достигнуть цѣли, съ какою я поступилъ въ академію такъ охотно!

Digitized by Google

Совершенно противное случилось съ однимъ изъ Московскихъ моихъ товарищей: даровитый и прилежный, кончившій курсъ философскаго отдѣленія вторымъ между студентами, онъ, непонимаю какъ, не удостоенъ степени магистра, и получилъ кандидата. Загадка эта тѣмъ больше для меня непонятна, что изъ нея вышла довольно замѣчательная исторія.

Гордый и увѣренный въ себѣ эксъ-магистръ весьма обидѣлся; въ тотъ же день выразилъ свое неудовольствіе ректору и тутъ же отказался отъ назначенной ему должности учителя. Ректоръ успокоивалъ его и уговаривалъ принять должность, какъ назначенную высшимъ начальствомъ, но не успѣлъ; обиженный рѣшительно сказалъ, что не только не хочетъ учительской должности, но не хочетъ быть даже въ Духовномъ званіи и нынѣ же будетъ просить объ увольненіи изъ Духовнаго вѣдомства вовсе.

Кончившимъ полный курсъ студентамъ, при выпускѣ изъ академіи, выдаютъ аттестаты въ руки. Въ академическихъ аттестатахъ выставляются, по обыкновенію, рекомендаціи въ успѣхахъ противу каждаго рода наукъ отдѣльно, напр. такъ-то оказался въ наукахъ Богословскихъ, такъ-то въ философскихъ, такъ-то въ историческихъ и такъ далѣе. Рекомендаціи выставляетъ ректоръ своею рукою. Изъ жалости ли къ обидѣвшемуся или по другой какой причинѣ, ректоръ написалъ въ его аттестатѣ рекомендацію, по наукамъ богословскимъ и философскимъ, общую: отлично. Эксъ-магистръ, воспользовавшись такою неосторожностію, подалъ въ коммиссію Духовныхъ училищъ жалобу, доказывая несправедливость или пристрастіе академической конференціи тѣмъ, что онъ также отличенъ въ наукахъ Богослов-

Digitized by Google

скихъ, какъ и философскихъ, и, въ удостовѣреніе, представивъ аттестатъ, присовокупилъ, что, по свѣденіямъ философскимъ, таже конференція признала его вторымъ изъ студентовъ. Коммиссія сдѣлала запросъ академіи; разумѣется, академія нашла, чѣмъ извернуться. Однако, въ послѣдствіи, стали контролировать положенія конференціи о степеняхъ, требуя къ себѣ сочиненій студентовъ на ревизію. Вѣроятно, подобныхъ случаевъ было не одинъ.

Съ дипломомъ и аттестатомъ, какъ патентами на магистра и профессора, явился я прежде въ Москву, къ роднымъ и своей наставницѣ. Всѣ меня поздравляли, а я всѣхъ благодарилъ за неоставленіе меня въ школьныхъ нуждахъ. Особенно, благодарилъ наставницу, которая, какъ въ семинаріи, такъ и въ академіи, во весь курсъ снабжала меня разными вещами; не одинъ разъ сама была въ Лаврѣ и всегда что нибудь привозила, нужное и прихотливое.

Какъ такія пособія дороги учащимся въ Духовныхъ училищахъ. Есть сироты, есть люди безродные, есть дѣти бѣдныхъ отцовъ и матерей; казенное же содержаніе — только кровъ, пища и одежда, и то иногда плохіе, урѣзанные до того, чтобъ не умереть съ голоду или холоду. Захочется калачь, булка; захочется стаканъ горячаго; понездоровится — надобно отъ казенной пищи воздержаться; утратишъ или испортишъ что нибудь такое, безъ чего обойтись нельзя, — надобно исправить или замѣнить новымъ; а чѣмъ взяться? денегъ ни копѣйки. Русскіе любятъ дѣлать добро; но они недогадливы; у нихъ надобно просить, а просить неприлично. Русской видитъ богадѣльню, арестантскую и — несетъ туда калачи, пироги и деньги, а на школу не

Digitized by Google

смотритъ; онъ видитъ, что иной мальчикъ безъ сапогъ, въ оборванномъ картузѣ, другой безъ шубы зимою, третій плачетъ отъ голода; видитъ и не обращаетъ вниманія. Въ Москвѣ арестанты такъ бываютъ иногда сыты, что продаютъ свои порціи и накапливаютъ деньги; а школьникъ, лучшая, можетъ быть, надежда для общества, десять, пятнадцать и болѣе лѣтъ бьется съ крайнею нуждою, чахнетъ и преждевременно умираетъ. Если добро — помочь человѣку потерявшемуся невозвратно, по несчастію ли какому, или по лѣтамъ, или по собственному произволу, то вдвое добро — помочь человѣку не потерянному, но способному потеряться безъ посторонней помощи. Да и признательность глубже врѣзывается въ душу того, кому оказанная во время помощь сообщаетъ силы бороться съ нуждами самому, нежели того, кому она силъ не сообщаетъ а должна быть постоянною.

Пробывши въ Москвѣ два дня, я пріѣхалъ прямо въ Виѳанію, гдѣ, передъ поѣздомъ въ Москву былъ уже, являлся къ ректору, рекомендовалъ себя инспектору и познакомился съ будущими своими сослуживцами, учителемъ словесности и экономомъ. Въ Виѳанскую семинарію поступило насъ, новичковъ, двое; другой — тоже магистръ и родомъ — изъ Московской же епархіи. На другой день послѣ моего пріѣзда, ректоръ привелъ насъ къ присягѣ, ввелъ въ должности и мнѣ, сверхъ должности профессора, поручилъ еще должность секретаря семинарскаго правленія, съ утвержденія митрополита. Такимъ образомъ я началъ службу по двумъ должностямъ и началъ съ 20 Сентября 1820 года, на 26 году отъ роду.

Какъ ни было мнѣ горько при окончаніи послѣдняго курса ученія, но я не безъ скорби оставилъ академію.

Digitized by Google

Кромѣ благодарности, которую я доселѣ чувствую къ главнымъ академическимъ начальникамъ, ректорамъ моего времени, за ихъ вниманіе и лично оказанную мнѣ справедливость, я обязанъ признательностію и своимъ наставникамъ, пробудившимъ въ духѣ моемъ потребность высшихъ взглядовъ на науку: Философія пріучила меня смотрѣть на свой собственный умъ, а Богословіе — на умъ абсолютный, чрезъ Откровеніе.

Окончивъ философскій курсъ, я остановился на ученіи Канта, не удовлетворившись догматизмомъ его преемниковъ и, для разрѣшенія критической задачи, вздумалъ было искать данныхъ въ самомъ себѣ. Мнѣ показалось, что эти данныя скрываются въ волѣ человѣка. То, чего я хочу, есть дѣйствительно; не я, какъ лицо, какъ индивидуумъ, а какъ существо разумное — человѣкъ ли вообще или иное что, сознающее. Все зиждется волею, какъ силою творящею, и то, что создано, не мечта и не одна возможность, а вмѣстѣ и дѣйствительность. На этомъ началѣ я хотѣлъ-было основать собственную свою систему; но время ученія моего еще не прошло: я остановился на философіи Канта или, лучше сказать, на вѣрѣ въ дѣйствительность по разумѣнію богословскому.

Въ богословскомъ курсѣ меня особенно занималъ вопросъ: почему Востокъ удержался въ православіи, тогда какъ Западъ, всегда считавшій и считающій себя просвѣщеннѣе Востока, отступилъ отъ правой вѣры. Вопросъ этотъ какъ-то плохо разрѣшался. Конечно, раздѣленіе церкви на Восточную и Западную есть слѣдствіе горделивой политики; но сколько прошло вѣковъ, сколько было соборовъ, сколько являлось первомыслителей въ учителяхъ церковныхъ, раздѣленіе — въ той

Digitized by Google

же силѣ, борьба между православіемъ и иновѣріемъ въ христіанскомъ мірѣ не уменьшилась и не уменьшается. Ослабла Грецiя, — возстала Россія, и вотъ ужъ скоро тысяча лѣтъ, какъ и она молится о соединеніи святыхъ Божіихъ церквей, но единенія нѣтъ; значитъ, не одна политика причиною столь упорнаго разрыва; значитъ, есть что нибудь другое, что путь нашего спасенія разсѣкаетъ на разныя пути, хотя къ той же цѣли ведущія, но не для всякаго одинаково удобные. Что же это другое, чѣмъ держится раздѣленіе церквей? Вотъ задача, которую мнѣ казалось, если можно разрѣшить, то практически, а не теоретически. Въ школѣ, гдѣ человѣкъ живетъ теоріями и мечтою, задача эта не разрѣшилась для меня и перешла со мною въ жизнь фактическую.

И такъ, на 26 году я выучился, т. е. учиться было уже негдѣ; а по пословицѣ: вѣкъ живи, вѣкъ учись, учиться было надобно. Я не переставъ учиться и на службѣ, но учился уже не такъ: въ училищѣ жизни — науки другія и учащіеся хотя тоже дѣлятся на разряды, но совсѣмъ иначе.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

3 2044 014 690 622

Digitized by Google